

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

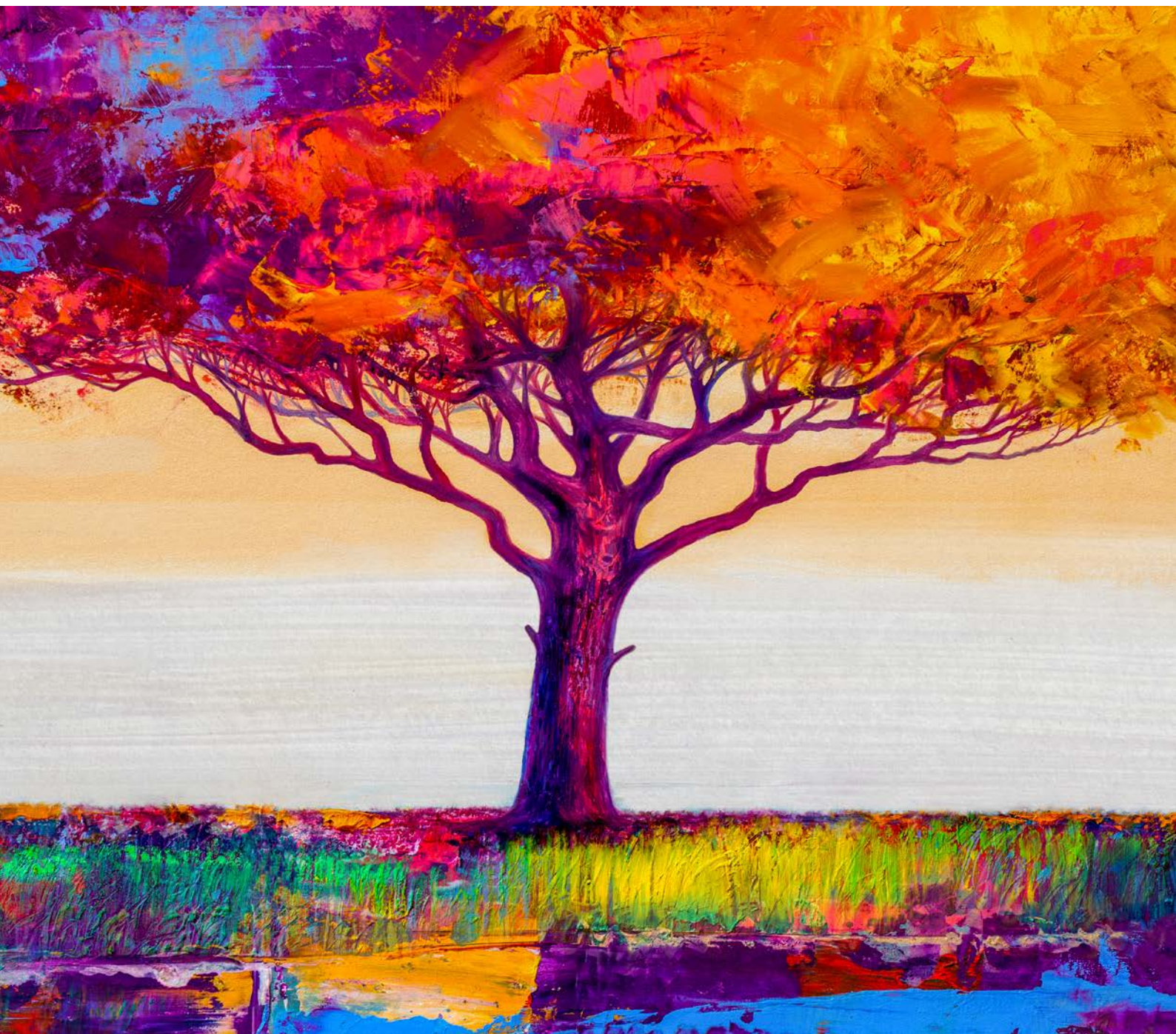
№4 · 2021

ПУТЬ АНАЛИТИКА: идентификация, становление, развитие

Из мира науки:
Развитие
через ограничение

I Межрегиональная
конференция
ЕАРПП в Ростове-на-Дону

Психоанализ мифа:
Трансформация
Ахиллеса

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 4, 2021:
Дата выхода: 28 декабря 2021 г.

ISBN 978-5-6040138-9-2

ISBN 978-5-6040138-9-2

9 785604 013892

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Ю. Е. Стулова

Заместитель главного редактора,

редактор рубрик «События» и «Людам про людей»:

Г. В. Гридаева

Научный редактор: Я. И. Коряков

Литературный редактор: Т. О. Тишкова

Редактор рубрики «Тема номера»: Т. В. Мизинова

Редактор рубрики «Из мира науки»:

Х. Г. Фостиропуло

Редактор рубрики «Психоанализ культуры»:

О. Н. Князькова

Руководитель проекта «Звезды мирового

психоанализа»: Т. А. Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта, которые помогли третьему номеру
состояться. Мы благодарим как частных
спонсоров (Т. В. Мизинову, А. А. Тимошкину,
Т. О. Тишкову, Г. В. Гридаеву, Ю. Е. Стулову,
С. Г. Верховых и др.), так и региональные отделения
ЕАРПП (Москва, Республика Башкортостан,
Санкт-Петербург)

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной
Олеговной

aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Летом 2020 года на общероссийском Правлении ЕАРПП было принято решение о создании официального периодического издания ассоциации — журнала «Пространство психоанализа и психотерапии». Затем был собран Редакционный совет — мозг, душа и сердце журнала — и началась работа над первым номером. К нам стали присоединяться десятки членов ЕАРПП, оказывая помощь, поддержку, создавая материалы для наполнения номеров. Так над созданием первого номера работало около 50 человек!

Выбор темы первого номера — ответственное и сложное дело. Мы подошли к нему серьезно и решили начать с разработки темы психоаналитических институций. Ведь журнал — это тоже психоаналитическая институция и можно сказать, что наша работа началась с самоопределения. Темы последующих номеров органично вытекали из первой.

Мы — психоаналитическая институция (№1, 2021), мы существуем в эпоху пандемии (№2, 2021), мы рассказываем об аналитическом поле (№3, 2021) и о психоаналитике, как о том, кто его создает (№4, 2021).

За этот год мы разработали концепцию, цели, задачи и стиль журнала, создали организационную структуру, наладили схему и методику работы с авторами, переводчиками и приглашенными «звездами» психоанализа. У нас впереди еще много задач и вызовов, требующих решения, многое предстоит усовершенствовать, многое создать с нуля, но мы гордимся проделанной работой и благодарны всем тем, без кого журнал просто не смог бы существовать.

Мы с надеждой и интересом смотрим в будущее и приглашаем вас отправиться в него вместе с нами.

Главный редактор Ю.Е. Стулова

**Уважаемые друзья, коллеги!
Приглашаем вас принять участие в**

Международной научно-практической
конференции по психоанализу

XIV Зимней школе ЕАРПП

Тема: «НАРЦИССИЗМ»

4 февраля – 6 февраля 2022 г

Организаторы: ЕАРПП (Национальное отделение ЕСРР (Vienna, Austria) в России),
РО-Екатеринбург ЕАРПП

Место проведения: г.Екатеринбург,
гостиничный комплекс Ramada Yekaterinburg Hotel & Spa (5*)

По традиции в начале февраля центром психоаналитической жизни страны становится Екатеринбург, куда съезжаются преподаватели и практикующие психоаналитики из разных городов России и стран Ближнего и Дальнего Зарубежья для обмена опытом на площадке Зимней школы.

Научная программа XIV Зимней школы обещает быть насыщенной и интересной. Планируются выступления представителей разных школ и направлений в психоанализе и психоаналитической терапии, работа секций группового, клинического, детского и семейного психоанализа.

Уютный и атмосферный гостиничный комплекс Ramada Yekaterinburg Hotel & Spa (5*) с приятными ценами для участников конференции, доброжелательная рабочая обстановка конференции создают безопасное и конструктивное пространство для встреч, обмена опытом и отдыхом в кругу коллег и друзей на Зимней школе.

Регистрация участников и подробная информация на сайте ЗШ:
<https://school-earpp.ru>

Зимняя Школа в соцсетях:
https://vk.com/w_psysch_ekb
<https://www.facebook.com/w.psysch.ekb/>

Вся дополнительная информация по организации и проведению Международной научно-практической конференции по психоанализу на сайте и страницах Зимней школы в соцсетях, на сайтах МОО ЕАРПП и РО–Екатеринбург ЕАРПП.

Мы ждем Вас!
С уважением, Оргкомитет ЗШ-2022

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА 8

Интервью Б.А. Ерёмкина

«Мыслить — значит терпеть боль» 10

Интервью Маркуса Фая

«Я горжусь тем, что я психоаналитик» 19

Интервью Отто Кернберга

«Терапия начинается там,
где заканчивается здравый смысл» 23

СОБЫТИЯ 34

I Межрегиональная научно-практическая конференция ЕАРПП в Ростове-на-Дону:

«От идей Фрейда к современным психоаналитическим подходам» 36

Е.-К.Н. Ларина.

Психоанализ vs нейронауки
или психоанализ и нейронауки? 38

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ ЕАРПП 42

Н.А. Сухова.

Самораскрытие психотерапевта: да, нет или
воздержимся? 42

ИЗ МИРА НАУКИ

50

Нэнси МакВильямс

Влияние моей личной психотерапии
на мою терапевтическую работу

53

Психоаналитические размышления об
ограничениях: старение, смерть,
генеративность и обновление

62

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

84

А.А. Фогт.

Современный психоанализ — игра без правил
или виртуозная психоаналитическая
импровизация?

86

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

90

Клаудия Ламент.

Трансформация Ахиллеса в Илиаде

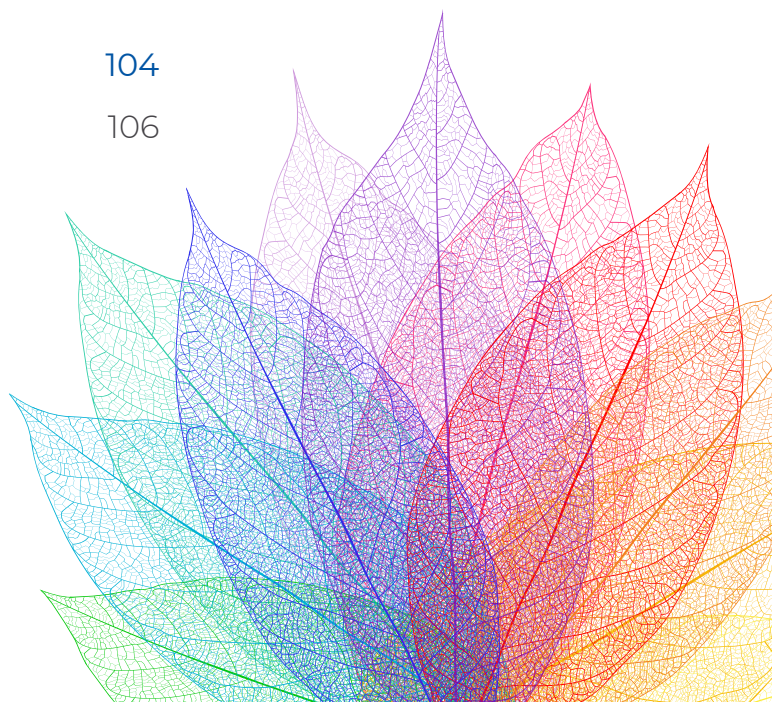
92

АНОНСЫ

104

Навигатор событий

106

ТЕМА НОМЕРА

Как и в прошлых выпусках, мы не претендуем на полное раскрытие и освещение поднимаемых темой номера вопросов, но стараемся осмыслить ее в диалоге с коллегами — признанными специалистами в области психоанализа и психотерапии. В этот раз ими стали Борис Александрович Ерёмин, Маркус Фай и Отто Кернберг.

Интервью Бориса Александровича поднимает вопросы сложности не только аналитического пути, но и судьбы рода человеческого, награжденного благом и проклятием мышления, а также позволяет нам прикоснуться к личной истории настоящего профессионала, ведь путь аналитика — это всегда явление уникальное, результат реализации личности того, кто его проходит.

Интервью Маркуса Фая, с одной стороны, краткое, лаконичное, с другой, просто искрится зарядом радости и гордости за профессию.

Мы также с гордостью представляем интервью Отто Кернберга, созданное на основании прошедшего 20 ноября 2021 г семинара «Путь психотерапевта: идентификация, становление, развитие», организованного Группой партнеров Psy Event при участии журнала «Пространство психоанализа и психотерапии». Мы познакомились с мнением мастера по самым разным аспектам профессии: от личного опыта и истории психоанализа до современных тенденций и перспектив развития и предлагаем вашему вниманию самые интересные моменты дискуссии.

«Мыслить — значит терпеть боль»

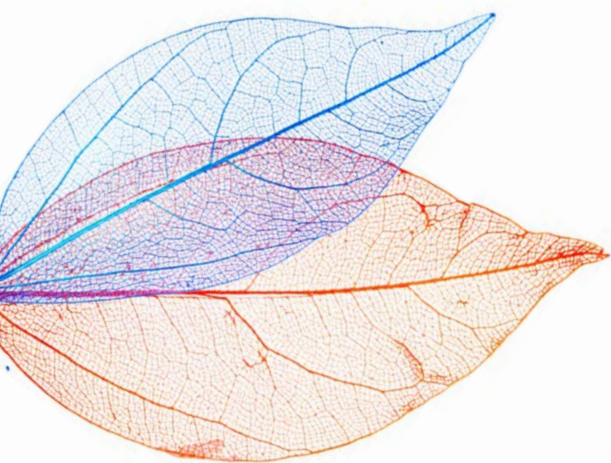

Ерёмин Борис Александрович

- Психолог, психоаналитик
- Тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления и Паст-Председатель РО-Москва (ЕАРПП)
- Преподаватель Международной школы группового психоанализа (МШГА, Москва)
- Исследователь, автор многочисленных публикаций и образовательных программ по психоанализу

— **Какие вопросы стоят перед современным психоанализом и какие люди обычно выбирают эту профессию?**

— Психоанализ занимается ответами на фундаментальные философские вопросы. Речь идёт о том, что мы пытаемся понять: что вообще такое *Homo sapiens*. З. Фрейд говорил о трёх ударах, нанесённых по самолюбию человека. Первый удар нанёс Н. Коперник доказав, что земля не является центром солнечной системы. Его гелиоцентрическая модель заменила геоцентрическую, и Земля оказалась не центром Вселенной, а всего лишь одной из планет, вращающихся вокруг Солнца. Биологический удар по нарциссизму нанес Ч. Дарвин. *Homo sapiens* — всего лишь звено в биологической череде видов, а вовсе не царь природы. Множество оболочек покрывает землю и лишь одна из них — человек. Так учил нас Фридрих Ницше. Третий удар нанёс сам З. Фрейд, когда показал, что человек есть нечто, что надлежит

преодолеть. Эго — не хозяин в доме своём, мы всегда постфактум понимаем, что мы делаем. Наши поступки и мышление детерминированы бессознательными психическими процессами.

Где-то лет 35 тысяч тому назад из неандертальца каким-то образом появился Homo sapiens. Читатели не знают как, я тоже. Вопрос: что такое человек и как возникло мышление? Это — мощный подарок эволюции нам, существам, называющим себя «человек мыслящий, человек разумный». Но мышление — это еще и проклятое наследие эволюции, потому что мыслить — это значит терпеть боль. З. Фрейд назвал способность выносить страдание мышлением, но он не описал, как это происходит. Потом бессознательной системой мышления занялись кляйнианцы и У. Бион.

Если мы не будем продолжать попытки изучать мышление человека, мы не сможем заниматься анализом, потому что весь анализ направлен на то, чтобы научиться справляться с неудовольствием, научиться мыслить, то есть терпеть боль.

Однако, мышление — слишком тяжёлый груз для животного, которое называется тело: мыслить никто не хочет, ни пациенты, ни аналитики. Все очень устали, мы ограничены во времени и способностях. Мы зависим от пищи, от воздуха, от отношений и мощно боремся с этими зависимостями, которые означают страдания, а мы хотим удовольствий. Такова реальность любого человека. Реальность аналитика в том, что к нему еще приходят другие люди, которые приносят свой груз проблем, необработанных, болезненных переживаний. Приносят для того, чтобы их просто выбросить в аналитика.

Если мы не будем продолжать попытки изучать мышление человека, мы не сможем заниматься анализом, потому что весь анализ направлен на то, чтобы научиться справляться с неудовольствием, научиться мыслить, то есть терпеть боль.

Что же тогда заставляет некоторых людей выбирать эту профессию? Вопрос серьезный. Вероятно, какая-то очень фундаментальная инфантильная проблема. Вряд ли аналитиками становятся из-за того, что жизнь удалась. Скорее всего, имели место очень провальные, болезненные переживания, самые ранние. Если думать в этом направлении, то у меня складывается впечатление, что аналитик хочет понять: «как же думала моя мать? Как она могла жить? Что ей мешало думать? И что ей позволяло думать»? Тогда мы всю жизнь пытаемся узнать, как думаешь сам и узнать, как думают пациенты. Может быть, это одна из детерминант, которая толкает людей в анализ. Не принцип удовольствия, не принцип реальности, а как учил У. Бион: К-импульс, желание узнать.

— Что формирует аналитика? Расскажите, пожалуйста, что Вам помогало на пути становления и профессиональной идентификации?

— Банально, но у каждого аналитика путь тяжёлый. Пока жив, здоров и функционируешь — процесс развития постоянно продолжается. Если трудиться и иметь силы читать, размышлять, учиться, дело пойдёт. Важно иметь свой личный тренинг. Хорошо, когда он разный и когда есть возможность проходить анализ у аналитиков разных школ.

Важно иметь свой личный тренинг. Хорошо, когда он разный и когда есть возможность проходить анализ у аналитиков разных школ. В некотором смысле, это решает психоаналитическую судьбу.

В некотором смысле, это решает психоаналитическую судьбу. Всё, что вкладывается в понятие профессиональной идентичности, что её формирует — общение с коллегами, выступления на конференциях, круглых столах, интервизии, супервизии — занимает много времени, но это интересно, потому что есть такое желание: узнавать. Отвечать на самый абстрактный и самый прикладной вопрос: что такое человек?

Если говорить о конкретной реализации моих собственных интересов, то я начал как ортодоксальный фрейдист. Я очень хорошо, в деталях, представляю себе, что такое фрейдизм. У меня были свои специфические возможности изучить труды З. Фрейда, в связи с тем, что психоанализом долгое время занимался мой отец, который проходил анализ у ссыльных немцев, оттуда идёт ветвь Карла Абрахама.

Отец много читал. Вся фрейдистская литература была дома, на немецком и на русском. Ещё подростком я имел к ней доступ. Когда я потом изучал Фрейда, мне казалось, что я как будто уже слышал его и как будто уже все это знал. В этом смысле мне повезло.

Личный анализ я начал проходить у Арона Исааковича Белкина, он знал многих нейробиологов, был известным ученым с мировым именем. С его легкой руки стали приезжать зарубежные аналитики и была организована обучающая группа, где мне посчастливилось учиться и впоследствии работать, читать лекции. С 1998 по 2008 год я стал ездить в Прагу на личный тренинг к современному эго-психологу Майклу Шебеку, не чуждому кляйнианскому анализу. Там я продолжал обучение, проходил супервизии, которых было много. Благодаря этому моя идентичность формировалась, а желание заниматься психоанализом крепло. На протяжении многих лет я сотрудничал с разными институтами, преподавал, вёл семинары, тренинги. Однако некоторые вопросы остались для меня нерешенными. Знакомство с идеями У. Биона придало новый вектор моему познанию, они заморозили меня, они очень оригинальные, они являются ядром того, что происходит между аналитиком и пациентом. Раскрыть их помог Антонино Ферро — постбионианец, апологет ненасыщенных интерпретаций, поэт, подражать ему бесполезно, как и Бетти Джозеф. Помимо этих замечательных современных мыслителей огромное влияние на меня оказал Джеймс Гротштейн, американский аналитик, один из популяризаторов У. Биона, генераторов постбионианских идей. Бион блестяще мыслил, но его трудно переводить, приходится читать учеников, в частности Ферро и Гротштейна.

— Как с точки зрения современной ситуации в России изменилось положение аналитика, появились ли новые возможности для становления и развития?

— Да, конечно, изменения есть. Даже относительно возможности читать профессиональную литературу. Моя мать — врач, поэтому у неё был доступ к анналам библиотек. Вторая родина З. Фрейда — Россия, в том смысле, что многие его труды были практически сразу переведены на русский язык.

С 1921 по 1925 годы под редакцией И.Д. Ермакова издавалась «Психологическая и психоаналитическая библиотека», в которой были изданы переводы многих трудов

З. Фрейда и других психоаналитиков. Этой литературы в широком доступе, конечно, не было. Чисто идеологически считалось, что неврозом быть не может, сексуальность была понята вульгарно, не как судьба психической энергии, поэтому академическая советская школа психологии сосредоточилась на теории деятельности. В академические круги аналитикам ход был закрыт, пришлось приложить немало усилий, чтобы дать возможность развиваться психоаналитической мысли на официальном уровне.

Только в 1996 году вышел указ Б.Н. Ельцина о возрождении психоанализа в России. Стараниями М.М. Решетникова открылся Восточно-Европейский институт психоанализа (ВЕИП). Но даже тогда ощущалась нехватка литературы. А сейчас я из Лондона привёз три чемодана книг. У меня есть гаджет, а в нём приложение для чтения. У меня там книг 900, и рядом со мной, в кабинете полки с книгами, фрейдистскими и кляйнианскими. Сейчас доступ к литературе — читай, не хочу. В этом смысле современность очень облегчает жизнь. С другой стороны, стало понятно, что З. Фрейд только начал.

Сейчас выходят книги по нейропсихоанализу, нейрофизиолог Антонио Дамасио можно сказать, сгенерировал новую метапсихологию, можно изучать теорию хаоса, разработанную школой И.Р. Пригожина. Это я к тому, что доступ к литературе стал легче. И стало труднее, потому что менее понятно, что же такое человек, что такое мышление? Полно литературы, но необходимо приложить много времени и сил, чтобы начать в ней ориентироваться. Необходимо сформировать определенные фильтры, чтобы изучать литературу в зависимости от того, как ты смотришь на анализ.

— Что, на ваш взгляд, может помочь молодым специалистам ориентироваться в этом потоке информации?

— Я думаю, развитие этой способности имеет прямое отношение к обучению аналитиков. Я опять сошлюсь на Ферро. У него выходит книга «Руководство по галактике психоанализа». Книга построена следующим образом: молодой аналитик спрашивает у Ферро, как жить дальше. А Ферро, с присущим ему юмором и оптимизмом, интеллектом, размышляет. Он говорит, что где-то на четвертом году обучения психоанализу можно сходить в музей З. Фрейда. А до этого изучать работы М. Кляйн, У. Биона, литературу, философию, логику, поэзию, кинематограф. Образование построено в терминах фрейдистских моделей и это — большая проблема. Ситуация начинает меняться, это понимает руководство ЕАРПП, уже возникают идеи новых образовательных программ, но до реальных изменений в системе формирования бионианского мышления еще далеко.

Я руководствуюсь соображениями некоторых аналитиков неклассического направления: постбионианцев, латиноамериканцев и итальянцев. Они демонстрируют мощные знания литературы, поэзии, кинематографа, логики, философии и математики, теории хаоса. Я думаю, что психоанализ находится между поэзией и математикой. То есть между правополушарным и левополушарным модусом обработки информации.

Я думаю, что психоанализ находится между поэзией и математикой.
То есть между правополушарным и левополушарным модусом
обработки информации.

Аналитику надо не только читать,
надо стараться писать стихи,
как упражнения, как утренние
зарисовки.

С одной стороны, это строгий фрейдистский метод наблюдения, с другой стороны, понимание образов, которые концептуализируются в терминах бессознательных фантазий, соответствующих некоторым мифам, поэтическому творчеству, художественным произведениям или кинофильмам.

У Раймона Кено есть работа, которая называется «Упражнения в стиле». Он предлагает задания: нужно описать персонажа или ситуацию с разных точек зрения и в разных стилях: трагическом, драматическом, комедийном и т.д. А также от лица маленького ребенка, персонажа сказки, взрослого человека. Множество разных вариантов представления одного и того же сюжета. Данное упражнение помогает развить способность к сновидениям наяву.

Важно изучить то, что сделал Фрейд. И возможно, рассеять уже то, что он сделал, потому что аппарат, который он предложил, его концепция, эвристически мощная, но она не описывает то, как мы переживаем. Формулировка ответа на вопрос: «кто такой современный аналитик, какова цель анализа?», — будет зависеть от того, какой тренинг прошёл тот, кто отвечает на этот вопрос и чему его обучали. Если мы хотим соответствовать реалиям сегодняшнего дня, мы должны учитывать в обучении не только основы, но и инновации.

— **Каких поэтов, на ваш взгляд, полезно читать психоаналитикам?**

— Мне нравятся русские поэты: М. Цветаева, А. Ахматова, С. Есенин, В. Маяковский. Они могут мыслить метафорами. Обычно ссылаются на британцев, но я их не могу читать, потому что я — не англичанин. Бион любил «Потерянный рай» Джона Мильтона — красивая вещь.

Аналитику надо не только читать, надо стараться писать стихи, как упражнения, как утренние зарисовки. Об этом говорит Ферро, и об этом говорил З. Фрейд. Он рекомендовал свободно ассоциировать, писать всё, что придёт в голову. А чтобы не утонуть в поэтических эссе, надо знать, что делаешь. Уметь думать в терминах разных школ, разных мыслителей. Для этого много учиться.

— **Борис Александрович, что в идеях У. Биона так вас заворожило, какая тайна скрывается в его работах?**

— Он задал самый сокровенный вопрос, он создал метатеорию, которая включает в себя и классическую модель и клэйнианство. Сам он был строгим клэйнианцем, Бион не знал, кто такие бионианцы, и только благодаря его ученикам, тем кто проходил у него анализ, мы можем кое-что уловить. Если бы не было Ферро, мы бы так и не поняли

Мы тотально ограничены во всем: во времени, физически,
эмоционально. Как сделать так, чтобы мы могли генерировать идеи,
чтобы мы могли мыслить там, где больно?

У. Биона. Он, как и З. Фрейд, велик. И, как и Фрейд, поэт. Работы З. Фрейда — поэтические. Но мы делаем акцент не на его поэзии, а на способности толковать вытесненный материал, что тоже важно и нужно.

Но не менее важно понять, как человек мыслит, как обрабатывает раздражители и как получает из них психические единицы и терпит боль. Какой ценой человек терпит боль? Какой ценой аналитик терпит болезненные переживания? Свои собственные и те, которые в него вбрасываются. Бессознательное — текучесть моментов жизни, самого бытия. Мы всегда в потоке становления, проживания, мы проживаем эту жизнь всегда. И мы не знаем об этом. Мы хотим быть кем-то, какими-то. Но у нас всего лишь одна задача — стать собой. Реализовать свои потенции. Свои возможности.

Бион говорил о том, что бессознательное — это хаос раздражителей, которые получены с помощью органов чувств. Это иголки, которые атакуют младенца, это хаотичная ситуация, которая никак не концептуализирована. Как эти сенсорные раздражители превратить в психику — вот вопрос.

Матте Бланко приводил такой пример. Представим небоскрёб, составленный из листов тонкой бумаги. Это ситуация, которая называется симметризация опыта, когда нет возможности отличить один объект от другого. Нет точки отсчета. А чтобы

Анализ трансфера должен осуществляться с точки зрения самых ранних, самых мощных инфантильных переживаний

она появилась, надо, чтобы это кто-то сделал. Как подводная лодка, которая плывет без навигации под водой и моряки не знают, где они. Или где-то в космосе человек, где нет ни верха, ни низа, ни право, ни лево, только бесконечное пространство, глубокая пустота. Как будет ориентироваться подлодка? Где точка отсчета, которая создала бы начало и систему координат? Сплошная симметрия раздражителей. И среди толщи симметрии есть один ассиметричный листик — мысль. В этом Матте Бланко созвучен с Бионом. Но чтобы эта реперная точка, эта асимметрия возникла, нужен аппарат для думания бессмысленных раздражителей или диких мыслей. Кто это делает? Это делает мать, но она обычная. С таким же рудиментарным и эмбриональным способом мышления.

Мы тотально ограничены во всем: во времени, физически, эмоционально. Как сделать так, чтобы мы могли генерировать идеи, чтобы мы могли мыслить там, где больно? Неспособность мыслить определяет всю психопатологию. Эти идеи появились не от хорошей жизни. Я почувствовал эту ограниченность, и в этом смысле трудно без поддержки коллег, сейчас появились соратники, коллеги, которые разделяют мои позиции.

— Почему так трудно преодолеть авторитет теории З. Фрейда?

— З. Фрейд — фигура идеализированная, родительская, отцовская. За такую фигуру хочется держаться и отказ от неё воспринимается как некоторое предательство. Как атака на родителя. Не надо отказываться, надо изучить, вместе с другими подходами. С другой стороны, теория З. Фрейда — это то, что достаточно хорошо известно. Всё

остальное непонятно. Что говорил Бион вообще неясно, он писал тексты, очень странные, особенно после 1965-года, до этого он был кляйнианцем. И если нечто непонятно, то это неопределенность, которая не выносится. Мы хотим всегда знать. Хочется вернуться туда, где ясно. А не туда, где неясно.

У. Бион говорил, что интерпретации должны содержать новое, то, что неизвестно. Нужно иметь несколько интерпретаций сразу, которые надо прожить и прочувствовать, если нет, то не надо интерпретировать. Если нет, то надо молчать? А пациент возьмёт и уйдёт, скажет: у нас ничего не работает, вы мне не помогаете, вот уйду. И уйдут все пациенты, а ты всё ждёшь. Или ты под давлением пациента должен что-то интерпретировать, но тогда речь идёт не о психоанализе, а о том, что ты не выдерживаешь давления и неопределенности. Это не анализ тогда. А что анализ?

Кляйнианцы говорят, что надо интерпретировать трансфер. Всегда одна задача: интерпретировать то, что происходит между аналитиком и пациентом, всегда. Анализ трансфера должен осуществляться с точки зрения самых ранних, самых мощных инфантильных переживаний, которые определяют провалы, но и они не видны, не заметны. Если сместить обучение в этом направлении, наверное, будут какие-то более успешные, более понимающие аналитики, более умелые, более талантливые. Чувствительность может развиваться, если на этом делается акцент в образовании. Если об этом не говорят, то этого и не происходит.

Однажды Бион подошел к своему шкафу достал переписку З. Фрейда с Лу Саломе и зачитал Гротштейну, своему пациенту, идеи, которые потом Ферро очень хорошо обо-

Иногда аналитик настолько хрупок, что ситуации из его реальной жизни, которые в унисон звучат бедам, провалам пациентов могут привести разыгрыванию.

сновал. Эдипов комплекс, он как самая яркая звезда. Ещё ярче светят огни большого города, неба не видно, может быть одну, ту самую яркую звезду видно, а всё остальное в свете фонарей не наблюдается. Если выключить весь свет, можно увидеть и другие созвездия. Это луч интенсивной темноты. Без памяти и желаний, без попыток понимания — это очень трудно. И это перефразировка советов З. Фрейда по технике ведения психоанализа 1912 г.

— Там, где темнота и хаос, где неопределенность и неизвестность, что может стать опорой?

— Аппарат для думания этого хаоса. Приручение диких зверей — раздражителей. И их должен кто-то приручить. Красивая, молодая, юная мать, которая смогла одомашнить этих диких зверей, трансформировала бета-элементы в альфа, в психическую продукцию, которую можно мыслить. Когда мысли есть, а аппарата для мышления нет, младенец должен найти аппарат, заимствовать у матери. А мать должна опираться на отца, а сама эта пара на общество. Общество, в свою очередь, на каких-то гениев, которые ведут его вперёд. Чтобы оно развивалось, человеческий род должен продолжаться, а мать могла сладить с младенцем.

Проанализированность и проработанность — это миф, особенно в классическом подходе. До ранних пластов психики нет возможности добежать или дойти, и в этом смысле человек хрупок.

— Если попробовать нарисовать образ современного аналитика и пациента, кто эти люди?

— Современны мы все. Это вы, это я, может быть, какие-то другие, более устойчивые, более умные, более талантливые, более понимающие свои ограничения специалисты, которые проходят несколько анализов, изучают разные языки, чтобы свободно читать литературу в оригинале, знакомиться с разными точками зрения. И пациенты — это тоже мы все. Анализ должен быть направлен на психотическую часть, и тут ничего не меняется, она есть у всех.

У аналитика есть перспективы: познакомившись с разными течениями в анализе, он может для себя что-то сконструировать, описать желаемый для себя план. Будем надеяться, что появится новая система обучения. И может быть, завтрашний аналитический мир не будет таким нарциссичным, чтобы иметь закрытые общества. Аналитики будут свободно делиться соображениями с коллегами.

Наша реальная ситуация в том, что пациенты приходят на анализ не пять раз в неделю, а один. При таком сеттинге крайне трудно интерпретировать сепарационную тревогу. Говорят, что можно, но очень сомнительно. Аналитик, как правило, перегружен. У него масса проблем, масса своих нерешенных тревог, боли эмоциональной и тут он еще решает, что его будут перегружать этой болью. Все мы — ремесленники с большими жизненными трудностями.

Как наша профессиональная деятельность, наша занятость отражается на ближних? Параноидные состояния, безымянный ужас, когда мать отсутствует, колоссальные атаки на родителей, они убиты и похоронены, преследующая вина, то есть самые ранние переживания, они покрыты снегами. На поверхности — невротическая часть. Может быть, аналитику хочется узнать проблемы и боль своей матери, её тревоги. Но для того, чтобы эту истину, свою эмоциональную боль встречать, надо иметь способность выносить её.

Есть такое понятие, как проанализированность, проработанность. Самые ранние прекоцептуальные травмы, провалы материнского контейнера никак не заметны, кроме как в идиосинкратической окраске конфликтов. Это самый ранний провал контейнера, чтобы до него добраться, я не знаю, что надо сделать. Нужно определенное видение, способность улавливать определенные травмы и для этого нужны годы. Любой аналитик уязвим, хрупок. Тем более, если учат классической парадигме, то там нет такого микроскопа, который бы наблюдал эти ранние переживания, провалы контейнера. И иногда аналитик настолько хрупок, что ситуации из его реальной жизни, которые в унисон звучат бедам, провалам пациентов могут привести к разыгрыванию, отыгрыванию, а то и каким-то негативным реакциям не только со стороны пациента, но и аналитика. Могут быть срывы, переходы границ. Это описано в работе К. Марода «Сила контртрансфера». А его работа 2022 года называется «Хрупкость аналитика». Мы все надеемся на то, что аналитик будет устойчив, но тут уж «как звезды сойдутся».

Негативная способность аналитика динамична и зависит от ряда факторов: от его состояния (как он спал, насколько много он работает), от его контейнера, насколько его семейная ситуация стабильна, насколько его здоровье стабильно, насколько тяжелы его пациенты и т.д.. Проанализированность и проработанность — это миф, особенно в классическом подходе. До ранних пластов психики нет возможности добежать или дойти, и в этом смысле человек хрупок. Поэтому в обучении аналитика нужно развивать способность концентрироваться не только на содержании того, что говорит человек, но и на самом процессе обработки содержания. Это творческий процесс, и чтобы его постичь нужно изучать теорию М. Кляйн и У. Биона.

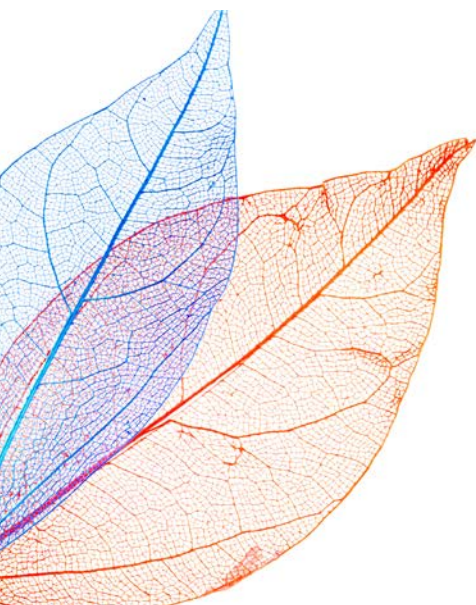
3. Фрейда надо знать, потому что есть такие патологии психики, которые разрешаются с точки зрения теории невротозов. Валидность теории либидо обратно пропорциональна глубине психопатологии: в какой мере речь идёт о конфликте между либидо и защитами, а в какой о состоянии, в котором невозможно мыслить.

Для каждого аналитика быть аналитиком — это что-то своё. Вопрос: кто такой аналитик — это личный вопрос. Вопрос тренинга, интересов, бэграунда, естественно-научного или иного. Мне было трудно выскочить из замороженного фрейдистского мышления. Оно эвристически мощное, но примитивное, поэтому хочется всегда оставаться в терминах рефлекторной дуги. То есть не мыслить, а варьировать несколькими параметрами либидо и трактовать через них всю симптоматику.

Вытесненное в динамическую область психического, то, что уже было сознательным, не детерминирует проблему. Проблема определяет тот факт, что ты еще не сгенерировал элементы, из которых можно выстроить идеи, которые могли быть вытесненными. То есть повреждён сам аппарат генерирования психических элементов. Это повреждение приводит к тому, что то, что не сгенерировано, раздражитель, может быть только выброшено, от него хочется избавиться. Эта неспособность окрашивает провал контейнера, окрашивает всю психопатологию, о которой ты даже не знаешь, потому что занимаешься только поверхностью.

Тяжело выскочить из этой системы координат и идти дальше. Изучать новые области человеческого знания, читать философов, математиков. Если трудно так мыслить, то можно не ходить по этой дороге, можно оставаться на привычных маршрутах. Но если что-то толкает в неизвестность, можно выбрать и этот путь.

Беседовала А.В. Холобесова

«Я горжусь тем, что я психоаналитик»

Маркус Фай (Markus Fähr)

- Доктор философии (Dr. phil.)
- Клинический психолог и социолог
- Член IPA
- Тренинг-аналитик Швейцарской психоаналитической ассоциации
- Почетный президент ЕСРР (Vienna, Austria)
- Профессор факультета психотерапевтических наук Sigmund-Freud-Private-University Vienna (SFU)

— Любой ли человек может стать психоаналитиком?

— Моя позиция может показаться довольно радикальной, я склонен отвечать на этот вопрос утвердительно: каждый может или смог бы стать психоаналитиком!

Но не каждый станет аналитиком, потому что это влечет за собой длительный личный процесс, включающий некоторые формальные шаги (прохождение личного обучающего анализа, чтение огромного количества психоаналитических текстов, изучение метода, теории, техники психоанализа, исследование своей повседневной практики под наблюдением супервизора, постижение психоаналитического мышления, духа и мировоззрения, принятие психоаналитической научной позиции, готовность учиться на протяжении всей жизни, становясь все лучше и лучше).

Многие из тех, кто начинает этот путь, стремясь стать психоаналитиком, будут

чувствовать, что они не подходят для этой профессии в связи с личными невротическими изъянами, недостатком внутреннего огня, любопытства и упорства, внутренним сопротивлением. А также в связи с тем, что они не готовы делать ту внутреннюю работу, которая необходима в постоянной схватке с Бессознательным, потому что они склонны выбирать более быстрые решения и не хотят противостоять глубинным тревогам, неизбежно связанным с этой профессией.

На самом деле невозможно судить о том, может ли кто-то стать или не стать психоаналитиком, можно только судить о том, достиг ли человек определенного уровня профессиональных компетенций и может ли он быть назван достаточно хорошим аналитиком.

Вот почему я не сторонник навязчивых инфантилизирующих процедур отбора кандидатов в психоаналитики. Я скорее выступаю за активную поддержку способностей будущего аналитика к самостоятельной оценке своих профессиональных навыков и за строгую процедуру аккредитации, когда речь идет о предоставлении кому-либо права быть достаточно хорошим аналитиком и работать в качестве такового.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем личном пути профессионального становления.

— Поскольку в 20 лет я был очень невротичным молодым человеком, психоанализ фактически спас мне жизнь, дал мне здоровье, творческие способности, продуктивность, способность любить, работать и получать удовольствие и, что не менее важно, увлекательную и очень трудную профессию!

Я обязан психоанализу всем, что я приобрел в течение своей жизни, я сделал психоанализ своим инструментом для понимания себя и других.

Конечно, были мастера, которые способствовали этому процессу: начиная с Фрейда, Кляйн, Лё Сольда, два моих аналитика и семь супервизоров, мои коллеги по интервизионным группам. Я стараюсь сохранить любознательность, и все еще хочу учиться у других, хочу и дальше развивать нашу науку и профессию. Мне не нравится термин «идентификация», я предпочитаю учиться, брать знания от других, делать их своими и возвращать этот долг с искренним смирением и восхищением перед моими учителями и перед всеми людьми, у которых я учился, включая моих пациентов.

— Если бы у вас была возможность изменить свою жизнь, вы выбрали бы снова пройти по этому пути?

— «Je ne regrette rien» — цитируя французскую певицу Эдит Пиаф — «я ни о чем не жалею!» Обожаю эту профессию. Я люблю водить этот Rolls Royce, я горжусь тем, что я психоаналитик.

— В течении десятилетий вы обучаете профессии представителей совершенно разных поколений. Есть ли у представителей разных поколений что-то общее, что их объединяет? В чем особенность сегодняшнего поколения аналитиков?

— За 25 лет преподавания психоанализа я сталкивался со множеством студентов и кандидатов. Миллениалы, обучающиеся в западных странах, пострадали от падения репутации психоанализа в академической и интеллектуальной сферах, им пришлось адаптироваться к ситуации, когда быть аналитиком больше не считалось «крутым» и «модным», они опасались, что не смогут привлечь достаточно клиентов в анализ, их экзистенциальные страхи сочетались с невротическими страхами бедности. Те, кто

справился с этими трудностями, ощутили себя интеллектуальной элитой в атмосфере агрессивной критики Фрейда. Современные студенты и кандидаты уже знакомы с кризисом психоаналитических институций и приобрели определенную способность бороться и выживать.

К счастью, у меня была возможность обучать студентов, кандидатов и психоаналитиков из Восточной Европы. У них совершенно иное отношение: больше энтузиазма, меньше пассивности и подчинения авторитетам и институциональным правилам. Здесь я чувствовал себя желанным гостем, порой меня чуть ли не «съедали», так неистово голодны до обучения и развития были восточные группы и сообщества. Что объединяет всех хороших студентов и будущих достаточно хороших аналитиков во всем мире, так это внутренний огонь, аналитическое желание постичь и познать Бессознательное, упорно и терпеливо бороться со своими собственными внутренними сопротивлениями.

— В подходе к обучению, что лично вы считаете абсолютно необходимым для изучения? Есть ли идеальный сценарий для профессионального становления: баланс обучения, личной терапии, практики, супервизии?

— Онтогенез повторяет филогенез — эту биологическую концепцию можно перенести на историческое развитие психоанализа и индивидуальное развитие психоаналитиков: достаточно хороший аналитик должен начать с чтения Фрейда и заставить его «работать внутри себя» (Лапланш), и далее продвигаться к последующим стадиям развития психоаналитического мышления: Кляйн, Балинт, Винникотт, Лакан, Блон, Лё Сольда и т.д.

Мне также нравится концепция пирамиды психоаналитических способностей:

- первый этаж — способность к самоанализу;
- второй этаж — способность создавать эмоциональные отношения и рабочий альянс;
- третий этаж — глубокое и твердое знание психоаналитической техники;
- четвертый этаж — интегрирование теории и способность использовать ее как систему навигации в хаосе вербального материала и динамик переноса/контрпереноса.

Все эти способности необходимо постоянно тренировать и оценивать в обучающем анализе, на супервизиях и семинарах.

— Что вы думаете о развитии психоанализа в странах, где он не был широко представлен раньше, например, в Китае и регионах, где основной религией является ислам? (Это важный вопрос, принимая во внимание тот факт, что ЕАРПП будет развиваться в 3-х мусульманских регионах).

— Особенно трудно создавать свободную и живую культуру психоаналитического мышления и практики в сообществах, где права личности подавляются авторитарными режимами, укрепляющими Супер-эго. Это еще более сложно в культурах, где доминирующая религия несовместима с базовыми психоаналитическими ценностями, такими как свобода мысли и слова, равные права мужчин и женщин, свобода жить и выражать индивидуальные сексуальные желания и предпочтения.

— Что, на Ваш взгляд, представляет собой психоанализ будущего?

— Психоанализ никогда не станет популярным, любимцем масс или правящего класса, потому что он говорит неприятную правду о человеке, критически относится к гегемонии и господству и отстаивает право личности найти свой личный способ жить и быть счастливым. Но если психоанализ будет придерживаться этого видения и не исказит сам себя, всегда будет определенная часть мирового населения, которая сочтет его привлекательным и будет использовать его как инструмент для личностного развития. Психоаналитические институты должны служить этому делу, а не поддерживать суицидальную деятельность, размывая границы психоаналитического.

*Беседовала Т.В. Мизинова
Перевод с англ. Х.Г. Фостиропуло*

«Терапия начинается там, где заканчивается здравый смысл»¹.

Отто Кернберг (Otto Friedmann Kernberg)

- Психиатр, доктор медицины (M.D.)
- Почётный доктор Университета Буэнос-Айреса и Нью-Йоркской медицинской академии
- Обладатель премии золотой знак «За заслуги перед городом Веной», награды Сигурни (1990), международной премии Зигмунда Фрейда по психотерапии (2012)
- Прижизненный классик психоанализа.
- Один из крупнейших специалистов в сфере пограничных расстройств личности.
- Им создана одна из современных психоаналитических теорий личности и разработан метод психоаналитической экспрессивной психотерапии.
- Кернберг разрабатывает вопросы патологического нарциссизма, а также агрессии, деструктивности и ненависти, любви и сексуальности в норме и патологии. Ряд его трудов посвящён проблемам классификации психических расстройств.
- Автор многочисленных публикаций и ряда книг.

— Все ли могут стать аналитиками? Нужны ли какие-то определенные, специфические качества характера?

— От любого эксперта в области психического здоровья ожидается определённый набор качеств. Это касается не только аналитиков, но и всех, чья профессия связана с людьми и человеческими отношениями. Прежде всего, это высокий интеллектуальный и моральный уровень, уверенное владение теоретическим материалом, честность и открытость.

В свое время Международная Психоаналитическая Ассоциация (IPA) организовала комитет, которому была поставлена задача определить критерии выбора кандидатов. На конгрессе, прошедшем в 1997 г., комитет анонсировал свое заключение, сформулировав один единственный критерий, которому должен

¹ Далее приводится отредактированный текст беседы, сокращенный и адаптированный под формат и задачи данной публикации.

соответствовать специалисту — искренний, живой интерес к психоанализу, мотивация изучать и исследовать эту дисциплину. Правда, такой вывод вызвал определенное замешательство в сообществе, и какое-то время его предпочитали не обнародовать.

Интерес к исследованию, безусловно, не единственный фактор входа в профессию. Не менее важным, а, скорее даже более значимым, является интерес специалиста к человеку как таковому, к людям, к человечеству. Психоанализ — это не просто набор теорий. В первую очередь, это пространство отношений, и кандидат должен быть открыт для них.

Способность к эмпатии, ясность мышления, интуиция — все это обязательные атрибуты хорошего аналитика. Но от них мало пользы без крепкого фундамента теоретических знаний. Для профессии одинаково необходим эмоциональный и интеллектуальный ресурс. Крайности в ту или иную сторону следует избегать. Кроме того, кандидат должен не просто обладать этим ресурсом, но и иметь мотивацию его развивать. Профессия психотерапевта подразумевает постоянное обучение, причем как в теоретическом плане, так и в развитии способности слышать и понимать людей.

Богатый личный жизненный опыт, в том числе и сексуальный, с положительным разрешением сложных ситуаций помогает терапевту интуитивно определять приоритетность той или иной интервенции, облекать ее в релевантную моменту форму.

Еще одно необходимое качество — прямолинейность. Терапевт должен уметь прямо, но деликатно выражать свои мысли и чувства и при этом не бояться быть воспринятым пациентом негативно или даже агрессивно. Терапевту в целом очень важно не бояться агрессии — ни своей, ни пациента.

Богатый личный жизненный опыт, в том числе и сексуальный, с положительным разрешением сложных ситуаций помогает терапевту интуитивно определять приоритетность той или иной интервенции, облекать ее в релевантную моменту форму. Поэтому наличие этого опыта является хорошим преимуществом кандидата, однако не обязательным. Бывают случаи, когда пациент может справляться с трудностями лучше самого терапевта, и тогда у последнего могут возникнуть сложные контртрансферные реакции, сомнения в себе, и здесь особенно необходимы супервизии.

Что же касается личностной структуры терапевта, то мое личное мнение, что здесь нет никаких помех, кроме одной — нарциссической патологии. Тяжелые формы нарциссических нарушений несовместимы с основной терапевтической компетентностью — эмпатичностью, и поэтому должны быть выявлены на ранних стадиях подготовки специалиста. Более легкие формы вполне подлежат коррекции в рамках личного анализа.

Обязательным условием профессиональной пригодности является наличие здравого смысла. Терапия начинается там, где заканчивается здравый смысл, однако только терапевт, обладающий собственной устойчивой системой ценностей и здравомыслия, способен «собрать» пациента, структурировать его внутренний мир, часто являющийся дезорганизованным и фрагментированным.

Помимо требований к кандидату, мне также хотелось бы уделить внимание и профилю супервизора. Его характеристики не менее значимы для успешного профессионального становления молодого специалиста.

Супервизор, безусловно, должен уметь четко формулировать и доносить до супервизанта интервенции и рекомендации, однако это далеко не все. Очень важно уметь передавать начинающим специалистам теоретический подход, на основании которого супервизор делает те или иные выводы. Способность ясно объяснить и, таким образом, дать кандидату возможность идентифицироваться с теоретической рамкой — важнейшая роль супервизора. Только так возможно научение молодого терапевта, его наставничество, которое со временем перерастает в сотрудничество и коллегиальность.

Однако, если супервизор видит, что его рекомендациям не следуют, их приходится многократно повторять, супервизор должен обладать достаточной смелостью, чтобы открыто обсудить этот момент с супервизантом. Именно супервизор может и должен диагностировать профессиональную пригодность специалиста.

— Встречались ли Вам среди кандидатов прирожденные таланты? Насколько это в принципе возможно в этой специальности?

— Да, однозначно возможно. Есть люди, которые рождены терапевтами. Нас даже пугает, когда мы встречаем таких специалистов способных великолепно работать практически без обучения. Это заставляет сильно нервничать (смеется). Иногда ими являются просто зрелые личности, у которых с опытом выработалось интуитивное понимание людей и при этом им удается перевести свою интуицию в терапевтическую технику. Стоит признать, что, да, есть действительно одаренные люди. Но наша задача не в нахождении таких талантов. Мы должны уметь обучать и передавать знания любому, кто способен адекватно выполнять обязанности терапевта, даже если индивидуально они являются заурядными личностями без особых способностей. Здесь ни в коем случае не должно и не может быть никакого специального «элитарного» отбора кандидатов по принципу большего или меньшего таланта.

Но есть и другая сторона — люди, которые ввиду личностных особенностей совершенно не пригодны к такой работе. И мы, супервизоры и педагоги, должны выявлять такие случаи и не избегать этой обязанности. Конечно, говорить об этом кандидату совсем непросто, но в конечном итоге такое решение работает на благо каждому.

— Должен ли терапевт проходить личную терапию?

— Я считаю, что личная терапия крайне полезна кандидату. Как вы знаете, все образовательные программы по психоаналитической терапии и психоанализу включают обязательное прохождение личного анализа. И хотя есть специалисты, способные прекрасно работать без личной терапии, многим терапия буквально предписана, и без нее

Пациенты могут принадлежать разным культурным и социальным слоям, а терапевту важно оставаться непредвзятым и открытым к морально-ценностным установкам, отличным от его собственных или свойственным его стране или нации.

качественное освоение профессии будет невозможно. Поэтому мое мнение, что да, личная терапия нужна и является полезной, однако конкретное решение можно принимать на практическом уровне.

Важно еще отметить культурный контекст, в котором развивается аналитик. Мы все принадлежим определенной культуре, и наша система ценностей соотносится именно с ней. Однако пациенты могут принадлежать разным культурным и социальным слоям, а терапевту важно оставаться непредвзятым и открытым к морально-ценностным установкам, отличным от его собственных или свойственным его стране или нации. Терапевт должен быть способен принимать совершенно разные точки зрения на жизнь.

Расскажу личный пример: я проводил тренинги в Латинской Америке. Для местных подростков вести активную сексуальную жизнь совершенно обычное дело. Для них это естественная часть развития и взросления. Однако, когда я приехал в США, в Кан-

Современная психоаналитическая психотерапия — это уже не просто разбавленный психоанализ, но полноценная специфическая работа с использованием разных техник и подходов.

зас, я столкнулся с пуританским взглядом на этот вопрос: по сути, ранняя и активная сексуальная жизнь находилась там под запретом. Здесь уместно вспомнить слова Гёте о том, что, если сексу не дать место за столом, то он залезет под стол. Именно это и происходило в Канзасе. Студенты организовывали набеги на спальни студенток и выкрадывали их нижнее белье, и это было частью их культуры, как бы нелепо это ни звучало. При этом местные психоаналитики считали такое поведение результатом отыгрывания, связанного с неспособностью подростков выдерживать любовные отношения. Этот пример наглядно демонстрирует, как культура оказывает непосредственное влияние на профессиональные суждения. Сейчас, например, мы видим много подростков, объявляющих себя небинарными личностями. В культуре явно наметился соответствующий тренд, и терапевты должны уметь с ним работать. Система ценностей терапевта очень важна для независимой оценки суперэго пациента и конвенциональности общества. Это особенно важно при работе с нарушенными пациентами.

— **Что, на ваш взгляд, является однозначным барьером к освоению профессии?**

— Два фактора. Первый я упомянул выше — это тяжелые формы нарциссического расстройства. Второй фактор — редко упоминаемый, однако не менее важный — интеллектуальный уровень кандидата. Были случаи, когда люди, обладающие низким IQ, заканчивали университет, но исключительно благодаря своему трудолюбию. Позже они неминуемо сталкивались с трудностями в работе. И это, на самом деле, большая проблема.

Все остальное можно скорректировать при помощи личной терапии. В моем опыте встречались и обсессивные, и параноидные личности, которые при этом вполне хорошо справлялись с работой. Однако, меня стоит понимать правильно: я не имею в виду, что человек с расстройством личности должен становиться терапевтом, я хочу сказать,

что это не всегда является ограничением для профессии. При соблюдении определённых условий, конечно.

— Расскажите, пожалуйста, где проходит граница между психоанализом и не-психоанализом?

— Этот вопрос напрямую связан с историей развития психоанализа и определенной конъюнктурой, сложившейся в ходе развития.

Традиционно психоаналитические институты занимались обучением исключительно психоанализу. Психоаналитическая психотерапия рассматривалась как условно укороченная производная, которую можно изучить на семинарах выходного дня при отсутствии времени и денег, в том числе и для прохождения личного анализа с частотой 4-5 сессий в неделю. И сложилось представление о психоаналитической психотерапии, как о своего рода разбавленной версии психоанализа. Обучение такой психотерапии, вероятно, происходило на основе интерпретаций конфликтов, оценки внешней жизни пациента и не подразумевало системного анализа переноса. Анализировались лишь проявленные негативные аспекты, а позитивный перенос использовался для поддержки и идентификации с терапевтом. Основными инструментами работы являлись прояснение и конфронтация, допускалось также использование эмоциональной и когнитивной поддержки. Подобный тип психотерапии до сих пор весьма распространен, хотя он и менее эффективен по сравнению с высокоструктурированным подходом, направленным на лечение специфических состояний.

Но сегодня ситуация изменилась. Накопился большой опыт лечения очень нарушенных пациентов, которые как раз плохо поддаются классическому психоанализу, но при этом хорошо откликаются на психоаналитическую психотерапию. И современная психоаналитическая психотерапия — это уже не просто разбавленный психоанализ, но полноценная специфическая работа с использованием разных техник и подходов. В результате психоаналитическая терапия превратилась в отдельное направление, которое можно полноценно противопоставить психоанализу. Более того, это направление однозначно является более эффективным при работе с тяжелыми пациентами по сравнению с классическим психоанализом.

На текущий момент существует целая плеяда различных самостоятельных терапевтических направлений. В США, например, была разработана терапия, фокусирующаяся на переносе (ТФП). В Европе распространен терапевтический подход на основе ментализации, в Германии — глубинная психотерапия. Во Франции допускается более свободное определение стандарта психоаналитической техники. Если сеттинг ограничивается частотой 3 раза в неделю и ниже и исключает кушетку, то это принято относить к психоаналитической психотерапии, причем без привязки к какой-либо спецификации.

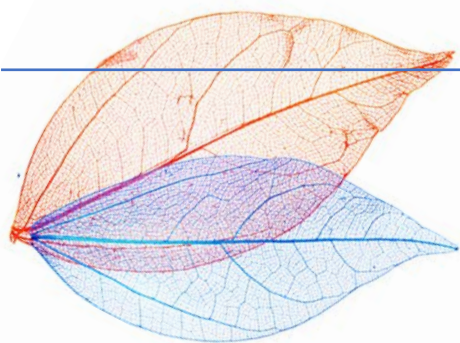
Основная ось психоанализа — это интерпретация переноса и техническая нейтральность. Терапевт должен уметь проявлять заинтересованную объективность и не соблазняться на соучастие в развитии переноса.

Лично мой взгляд на различие психоанализа и психотерапии заключается в использовании базовых техник, которые характеризуют психоанализ. К ним относятся интерпретации, анализ переноса, техническая нейтральность, анализ контрпереноса. Каждый компонент может определять, по сути, отдельное направление терапии. Техники могут использоваться самостоятельно на разных этапах, при анализе сновидений, отыгрываний, негативного переноса, а также дополняться любыми другими инструментами, например, поддерживающими видами терапии, когнитивными, эмоциональными. Стоит помнить, что основная ось психоанализа — это интерпретация переноса и техническая нейтральность. Терапевт должен уметь проявлять заинтересованную объективность и не соблазняться на соучастие в развитии переноса. Подход к работе с контрпереносом также может задавать концептуальную рамку терапии. Например, реляционная школа допускает обсуждение контрпереноса только в самых редких случаях. Таким образом, определение психоаналитической психотерапии зависит от выделенных ведущих компонентов, составляющих саму суть психоаналитического метода.

Наиболее приближенной к классическому анализу является терапия, фокусированная на переносе, и я поясню по каким конкретно признакам:

- В ТФП интерпретация осуществляется систематически, как и в психоанализе. Однако наибольшее внимание уделяется ранним стадиям интерпретации, то есть прояснению и конфронтации. Такой подход обусловлен тем, что пациенту с тяжелой патологией без предварительной подготовки сложно понять интерпретацию переноса;
- Анализ переноса отличается интенсивностью и частотой. У пациентов с тяжелыми личностными расстройствами отыгрывания составляют очень существенную часть их поведения, поэтому дорога к их бессознательному строится через анализ поведения, отыгрываний. В то время, как в классическом психоанализе этот путь пролегает через свободные ассоциации. У тяжело нарушенных пациентов дериват фантазий существенно ниже по сравнению с более здоровыми, невротическими, это и определяет изменение в работе;
- Техническая нейтральность также подлежит адаптации в ТФП. Здесь нам часто приходится защищать терапевтическое пространство от опасного отыгрывания, и в результате мы вынуждены снижать уровень нейтральности, особенно в чрезвычайных ситуациях. Это условие необходимо буквально для выживания терапии и пациента;
- Работа с контрпереносом, в целом, очень похожа. Исключение составляет только преобладание примитивных защитных операций и высокая интенсивность флуктуаций переноса.

Различия, которые определялись кушеткой и прямым контактом (лицом к лицу), стерлись с началом работы онлайн, во многом обусловленным пандемией.

Различия, которые определялись кушеткой и прямым контактом (лицом к лицу), стерлись с началом работы онлайн, во многом обусловленным пандемией. В онлайн приходится работать преимущественно лицом к лицу, хотя некоторые устанавливают камеры за спиной пациента. Не знаю, целесообразно ли это. Возможно, это еще больше увеличивает дистанцию между пациентом и аналитиком.

Другие виды психоаналитической психотерапии — с опорой на ментализацию, глубинные, поддерживающие, экспрессивные — помимо основных элементов могут также содержать дополнительные, например, сопровождение пациента за рамками сессий, оказание прямой поддержки пациенту. Эти элементы особенно важны для краткосрочного формата терапии. Но, в целом, можно сказать, что психоаналитическая психотерапия представляет собой комбинацию поддерживающих и исследовательских техник.

Психоаналитические институты должны обучать как классическому психоанализу, так и в равной степени другим психоаналитическим направлениям. Специалисту необходимо понимать разницу подходов и уметь успешно применять ту комбинацию техник, которая будет эффективна для лечения определённого синдрома.

Однако, до сих пор некоторые институты преподают только классический психоанализ. Это, безусловно, создает молодым специалистам определённое замешательство в дальнейшей практической деятельности, вынуждая их использовать запутанную смесь психоаналитических и поддерживающих техник. В этом случае возникает риск снижения эффективности лечения.

В институтах будущего будет преподаваться самый широкий спектр терапевтических направлений, и это важный элемент выживания психоанализа как профессии. Причем очень важно обеспечить студентов крепкой рамкой каждого направления, чтобы в дальнейшем специалист смог легко создавать совершенно любой микс техник, необходимых для решения задачи как конкретного нарушения, так и отдельных этапов индивидуальной психодинамики пациента. Так, например, Майкл Гаррет (США) комбинирует когнитивно-бихевиоральную терапию (КБТ) и ТФП для лечения хронических психотических заболеваний. Сначала он использует КБТ для сокращения бредовых образований, а потом, когда восстанавливается способность к тестированию реальности, переходит на ТФП.

Только особенно одаренный терапевт способен работать в условиях хаоса и расплывчатости техник. Для обеспечения же устойчивого уровня эффективного терапевтического лечения в независимости от индивидуальных способностей кандидатов необходимо создание системного и структурированного образовательного подхода.

— Как развивался ваш личный путь становления в профессии? Какие фундаментальные изменения вы наблюдали за этот внушительный период?

— Я выучился на аналитика в 60-е и участвовал во многих психоаналитических движениях.

50-60-е годы были периодом господства классического психоанализа. Отхождение от метода встречало много критики, считалось чем-то плохим, суррогатным. Однако сейчас мы видим ровно обратную тенденцию, и психоаналитическая терапия получила свое заслуженное признание.

Иерархичная вертикаль преподавания пережила на моей памяти не одну волну протестов. Тренинг-аналитики фактически захватили управление и таким образом способствовали расслоению на классы: верховный класс — тренинг-аналитики, ниже

В целом, длительная психоаналитическая терапия не нуждается в фармакологии за исключением случаев органической природы, например, биполярного расстройства. Пациенты с депрессией и тревожными расстройствами могут облегчить свое состояние с помощью препаратов, однако клинический опыт показывает, что это не обязательное условие. .

выпускники, которые надеются ими стать, потом кандидаты и, собственно, пациенты, представляющие основу пищевой цепи. Такое устройство профессионального сообщества привело к развитию параноидных тревог и страхов у специалистов и, как следствие, к снижению креативности. А это, в свою очередь, породило кризис в международной психоаналитической сфере, который мы до сих пор переживаем.

Стремительное развитие КБТ и психофармакологии открыло новую эру в индустрии психического здоровья и существенно снизило количество пациентов у адептов классических методов. Роль медикаментозной поддержки в психоаналитической психотерапии до сих пор недостаточно исследована и требует отдельного профессионального внимания. Ведется активная полемика по этому вопросу, но мы пока далеки от единого понимания. В целом, длительная психоаналитическая терапия не нуждается в фармакологии за исключением случаев органической природы, например, биполярного расстройства. Пациенты с депрессией и тревожными расстройствами могут облегчить свое состояние с помощью препаратов, однако клинический опыт показывает, что это не обязательное условие. Лично я не являюсь ярким противником фармакотерапии, но считаю ее необходимость переоцененной при условии проведения нормальной психотерапии.

Главная же наша боль и причина критики психоанализа — дефицит исследований и отсутствие четкого теоретическо-практического конструкта базовых теорий и техник. Мы имеем много направлений, но мало качественного структурированного учебного материала. Эта проблема во многом обусловлена предвзятым отношением к эмпирическим исследованиям, что, в свою очередь, уходит корнями в историю психоанализа и его отрыв от университетской научно-исследовательской инфраструктуры. Поэтому для дальнейшего эффективного развития любых психоаналитически-ориентированных методов необходимо вернуться в университеты и совместно системно реализовывать исследовательские проекты. Психоанализ — неоспоримо самая мощная теория личности. Она может принести огромную пользу обществу, применяя уже накопленный объем знаний о функционировании личности, малых и больших групп, а также продолжая развивать их.

Мой учитель и наставник Игнасио Матте Бланко, выдающийся чилийский психиатр, основатель Психоаналитической Ассоциации Чили. Именно благодаря ему я обучился не только классическому психоанализу, но и классической психиатрии. Но чилийский институт работал под влиянием преимущественно кляйнианского подхода, а мне же хотелось понимать все концепции. Я перебрался в США, где изучал различные техники психотерапии и исследования в этой области. Потом снова вернулся в Чили

и какое-то время преподавал там. Позже вернулся в США, в фонд Менингера, где стал руководителем исследовательского проекта по изучению и сравнительному анализу эффективности лечения психоанализом и психоаналитической психотерапией. В результате исследования мы выявили, что пациенты с сильным эго хорошо развивались в обоих подходах, но особенно в анализе, а пациенты со слабым эго лучше реагировали на психоаналитическую терапию, чем на классический анализ или поддерживающую терапию. Тяжелые пациенты хорошо прогрессировали в психоаналитической терапии, которая была равнозначна анализу по количеству часов, но модифицирована с точки зрения технической нейтральности в сторону более поддерживающего формата, но без искажения переносных реакций. И это открытие разительно отличалось от установок, преобладавших в 60-е годы.

Я также работал штатным психиатром в институте Менингера для стационарных и амбулаторных пациентов, потом стал директором психиатрической больницы, где получил административный и оперативный опыт управления клиникой.

Дальнейшее развитие я нашел в Нью-Йорке, куда устремился, чтобы узнать многих выдающихся людей того периода: Эдиту Джейкобсон (Якобсон) и Маргарет Малер, например. Джейкобсон — блестящий теоретик, недооцененная в свое время.

Я познакомился с Джоном Сазерлендом, директором лондонской клиники, который открыл мне работы Фэйрберна. Изучал Грина и особенности французской школы психоанализа. Наверное, это основные имена, оказавшие серьезное влияние на меня.

Я бы отдельно отметил также книги, которые считаю особенно полезными:

- словарь по психоанализу Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса,
- словарь психоаналитических терминов Элизабет Окинклосс,
- словарь кляйнианских терминов под редакцией Элизабет Спиллиус.

К сожалению, у нас отсутствуют теоретические пособия с интегративным описанием психоаналитических концепций, поэтому приходится читать отдельных авторов. Такая же ситуация и с техниками психоаналитической терапии.

Я обнаружил для себя очень ценные работы Джозефа и Энн-Мари Сэндлер, английских психоаналитиков, работавших в области объектных отношений.

Меня также интересовала тема любовных отношений, и в контакте с французскими коллегами я исследовал психоаналитические подходы к любви и сексуальности.

Последнее время меня очень увлекает нейробиология и выявление взаимосвязи между психоаналитическими конструктами и нейробиологическими процессами. Я очень воодушевлен современными исследованиями в области нейропсихоанализа, а именно работами Марка Солмза. Он объединяет теорию аффектов Панкsepпа и теорию информации, что, на мой взгляд, чрезвычайно важно с точки зрения увязывания психоанализа и нейробиологии.

— **А как, на ваш взгляд, менялся пациент?**

— Запрос пациента на классический психоанализ, очевидно, сильно снизился. Мы наблюдаем это снижение интереса особенно в свете развития большого числа других терапевтических направлений. Но одновременно мы научились помогать более тяжелым пациентам. Клинический опыт, накопленный именно с помощью психоаналитического подхода, расширил спектр пациентов, подлежащих терапии, до самых тяжелых патологий. Люди, ранее считавшиеся не поддающимися психоанализу теперь могут получать эффективную терапевтическую помощь.

— Какой совет вы дали бы начинающим специалистам?

— Все зависит от обстоятельств, особенностей, что за специалист, выбранного направления и т.д.. Лично для меня очень важным является интерес и способность кандидата к исследовательской деятельности, особенно на стыке нескольких научных направлений, например, психотерапии и нейробиологии, или разных терапевтических техник. На мой взгляд, это формирует очень сильную профессиональную позицию.

Моя рекомендация заключалась бы в следующем: внимательно и осознанно подходить к выбору направления, в котором вы хотели бы развиваться, к выбору супервизора, с которым вы начинаете профессиональный путь; обязательно формулируйте задачи и цели вашего развития в профессии. И еще я бы посоветовал не уходить в работу с головой, жертвуя личной жизнью или другими ее аспектами, наоборот, ведите активную, разнообразную, полноценную жизнь, именно это позволяет сохранять и актуализировать здравый смысл и объективность хорошего аналитика-терапевта.

Редакция журнала благодарит за организационную поддержку, оказанную при подготовке данного материала и возможность общения с Отто Кернбергом проект развития ТФП в России, реализуемый Группой партнеров Psy Event и лично К.А. Гутмана.

Терапия, фокусированная на переносе, созданная Отто Кернбергом и его коллегами, получила институциональное развитие в России и доступна на сегодняшний день в качестве специализации для врачей-психиатров, клинических психологов и психодинамических психотерапевтов различных модальностей, интересующихся развитием в данном направлении.

Специализация реализуется при непосредственной поддержке Международной Ассоциации ТФП совместно с Институтом Личностных Расстройств Нью-Йорка под патронатом и непосредственным участием Отто Кернберга, Франка Йоманса, Штефана Дёринга и других преподавателей и супервизоров ISTFP.

Подробнее о структуре программы можно прочитать на сайте <https://rstfp.ru/training>. Видео записи с семинаров, организованных с Отто Кернбергом, можно приобрести в видеотеке проекта <https://rstfp.ru/wpm-category/seminary/>.

Материал подготовлен к публикации Т.А. Тармогиной

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ГРУППОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

ТЕОРИЯ ГРУППОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА (ОЧНО И ОНЛАЙН).

Сертификационный курс Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП), Итальянской Конфедерации Группового Психоанализа (COIRAG) и E.G.A.T.I.N. (European Group Analytic Training Institutions Network).

Уникальная комплексная практико-ориентированная программа, подготавливающая специалистов, работающих методом индивидуальной психоаналитической психотерапии и психоанализа и методом групп - анализа.

Часы засчитываются при сертификации индивидуального и группового психоаналитика. По окончании выдается диплом о профессиональной переподготовке Московского Института Психоанализа и сертификат МШГА.

500 ЧАСОВ = 320 ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (ЛЕКЦИИ, СЕМИНАРЫ, ДОКЛАДЫ, ГРУППОВЫЕ ИНТЕРВИЗИИ И Т.Д.) + 180 ЧАСОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

СОБЫТИЯ

2-3 октября 2021 г. состоялась первая психоаналитическая конференция ЕАРПП в Ростове-на-Дону. Первая конференция — это всегда очень трогательно и очень волнительно. Особенно, если конференцию организует совсем небольшое региональное отделение.

Прокладывать дорогу всегда сложнее, чем ездить по уже проложенным, наезженным трассам. Но кроме волнения есть еще и радость первопроходцев и первооткрывателей, есть ощущение новизны и огромных потенциальных возможностей. Пройдя эту символическую инициацию, региональное отделение уже не будет таким, как прежде. Появляются новые возможности, новые права и новая уверенность в собственных силах.

Отдельно хочется отметить гостеприимство наших ростовских коллег, теплоту и душевность атмосферы, царившей на конференции. Редакция поздравляет РО Ростов-на-Дону со значимым событием в жизни регионального отделения и желает полностью реализовать свой мощный потенциал!

Также в рубрике читайте Заметки о встрече литературного клуба «Психоаналитические дискуссии». Это регулярно действующий проект Молодежного комитета, к участию в котором можно присоединиться. В статье описывается одна из дискуссионных встреч, посвященная теме самораскрытия специалиста. Мы полагаем, что отношение к степени самораскрытия психоаналитика очень изменилось, например, Зигмунд Фрейд мог гулять со своими пациентами, проводил анализ собственной дочери Анны, одалживал деньги некоторым своим пациентам. Сегодня подобное поведение считается неприемлемым.

Самораскрытие — сколько вешать в граммах? — можно задать ироничный вопрос. Дискуссионный формат позволяет обсудить разные точки зрения, обменяться опытом с коллегами, примерить на себя чей-то опыт, и благодаря этому найти свой собственный уникальный стиль. Пройти свой собственный, уникальный путь. Путь психоаналитика.

I Межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу и психоаналитической психотерапии ЕАРПП в Ростове-на-Дону

2-3 октября 2021 в отеле «Атташе» в центре Ростова-на-Дону состоялась I Межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу и психоаналитической психотерапии «От идей Фрейда к современным психоаналитическим подходам».

Конференция стала уникальным и запоминающимся событием не только для нашего города, но и, смеем надеяться, для всех ее участников, прибывших из разных уголков нашей страны.

Участники конференции обогатили свои профессиональные знания и навыки, получили возможность подискутировать на горячие темы, и просто получить удовольствие от работы настоящих мастеров своего дела. Спикерами конференции выступили ведущие специалисты ЕАРПП из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Уфы, Ростова-на-Дону и т.д. В рамках работы конференции участники прослушали пленарные доклады Президента ЕАРПП А.А. Тимошкиной, Паст-Президента ЕАРПП Т.В. Мизиновой, Вице-Президента ЕАРПП Я.О. Федорова, Председателя РО-Москва ЕАРПП Е.П. Савичевой, супервизора О.Б. Решетниковой, супервизора Г.И. Манукян, тренинг-аналитика и председателя РО-Ростов-на-Дону ЕАРПП М.Н. Маслова, специалиста Н.Б. Лазутиной.

Нет ничего более ценного, чем живое общение, что особенно актуально в эпоху пандемии, и конечно, на нашей конференции активно обсуждались вопросы, волнующие специалистов в это непростое время. Были представлены несколько докладов на эту тему, а также интереснейшая дискуссия, в результате которой каждый унес что-то ценное для себя.

Также хочется отметить, как ценно было прослушать живые кейсы специалистов, которые обогатили представленные ими темы, ярко проиллюстрировали их. Иногда так важно увидеть на конкретных примерах, как же работает психотерапия.

События подобного рода всегда отражают, как в зеркале, процессы, протекающие в сердце организации, под эгидой которой люди объединяются. Смело можно сказать, что от ростовской конференции веяло психологическим здоровьем, трезвостью мысли, уважительным и честным отношением к каждому. Мало просто собрать людей, ценно, когда эти люди становятся близки, когда возникает переживание единой команды, с общей идеей, которая объединяет.

Программу конференции завершила Большая Группа под руководством Президента ЕАРПП Алины Алексеевны Тимошкиной, на которой каждый желающий получил возможность ассимилировать полученный опыт, поделится чувствами и просто сказать спасибо всем тем, кто создавал, наполнял, заботился и просто был здесь, в этом пространстве.

Участники и гости конференции отмечали, что мероприятие прошло на высоком профессиональном уровне, в теплой и безопасной атмосфере, у каждого была возможность раскрыться и почувствовать себя свободно. Спасибо, что вы были с нами!

Конференцию ЕАРПП в Ростове-на-Дону планируется проводить ежегодно в конце сентября–начале октября. Приглашаем вас через год снова увидеться в Ростове-на-Дону!

Оргкомитет конференции

Психоанализ vs нейронауки или психоанализ и нейронауки?

Ларина Екатерина – К. Николаевна

- Психолог, психоаналитик
- Сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления РО-Екатеринбург (ЕАРПП)

Развитие науки идет активными темпами, и психоанализ, как любая другая наука, требует переосмысления в свете новых открытий. Это не означает полного отказа от классических представлений в пользу новшеств. Теоретический фундамент психоанализа остается его опорой. Тем более, что результаты современных исследований подтверждают открытия З. Фрейда, сделанные сто и более лет назад, во времена, когда изучать функционирование психики было возможно в основном через наблюдение, анализ и синтез. Электронный микроскоп, МРТ, КТ и другие научно-исследовательские инструменты еще не были изобретены.

Сегодня достижения в области изучения мозга, как материального представителя психики, позволяют во многом подтвердить теоретические заключения и эмпирические исследования психоаналитиков, а также внести коррективы в их представления. Будем

ли мы (психоаналитики) брезгливо воротить нос, оставаясь на привычных позициях или с интересом примем новые веяния?

Доклад *«Инъекции теоретических и научных идей в психоанализ и психоаналитическую практику. Богатство открывающихся возможностей»* прочитанный на конференции в Ростове-на-Дону Галиной Ивановной Манукян — тренинг-аналитиком и супервизором ЕАРПП, преподавателем Института психологии, управления и бизнеса Академии психологии и педагогики Южного федерального университета — о новом направлении «нейропсихоанализ» в психологической науке и в клинической практике.

Марк Солмз — создатель нейропсихоанализа, психоаналитик и нейропсихолог, профессор кафедры нейропсихологии Университета Кейптауна, использовал психоаналитические методы в современной нейробиологии. В одной из своих статей («Сознательное Ид») он пишет: «...мозг — это не только перерабатывающий информацию объект, но и интенциональный субъект». Таким образом, мозг является не только «устройством» восприятия и переработки, но и чем-то или даже «кем-то», нацеленным вовне на получение информации.

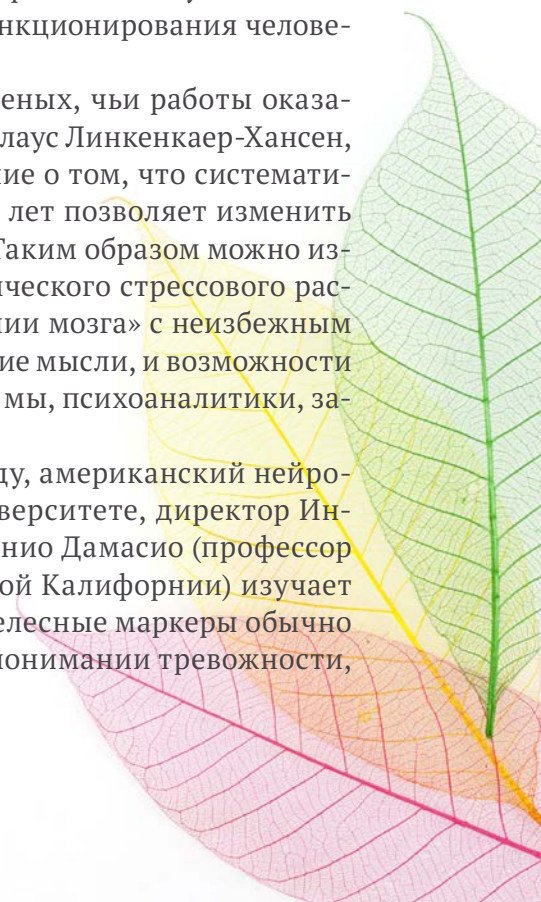
Нейронауки как раз изучают мозг как физический объект, который является представителем психики в теле человека. Психоанализ изучает психическую деятельность мозга изнутри, в зоне субъективного. Ментальный аппарат, благодаря этому двойному восприятию, может быть познан более полно и объемно, насколько позволяют возможности психоаналитической практики и достижения технического прогресса. Нейропсихоанализ интегрирует психоаналитические знания, достижения гуманитарных наук и результаты нейроисследований.

Равняется ли понятие «мозг» понятию «психика»? Очевидно, что нет. Однако, достоверно известно, что с изменением мозга, например, при хирургических вмешательствах или травмах, может измениться личность его обладателя.

На сегодняшний день одним из актуальных направлений является исследование эмоций. Научно доказано, что «структуры базовых эмоций обнаруживаются в мозге всех млекопитающих и [они] различаются лишь психической спецификой» — отметила в своем выступлении Галина Ивановна. В связи с этими открытиями не угасает значимость изучения эмоций животных с целью понимания функционирования человеческой психики (например, работы Конрада Лоренца).

Помимо Марка Солмза, автор доклада назвала других ученых, чьи работы оказали большое влияние на ее взгляды. Например, нейробиолог Клаус Линкенкаер-Хансен, занимающийся исследованием мозга и сделавший заключение о том, что систематическая специфическая практика в течение многих недель и лет позволяет изменить инстинктивное поведение в сторону ментального здоровья. Таким образом можно избавиться от депрессии, тревожных состояний, посттравматического стрессового расстройства (изначально речь шла о так называемом «блуждании мозга» с неизбежным уходом от предмета размышлений или обучения в посторонние мысли, и возможности справиться с этим). Нет ли в этом подходе сходства с тем, чем мы, психоаналитики, занимаемся в своих кабинетах?

Другое популярное в настоящее время имя — Джозеф Леду, американский нейробиолог, профессор естественных наук в Нью-Йоркском университете, директор Института эмоционального мозга. Он, как и нейробиолог Антонио Дамасио (профессор психологии, философии и неврологии в Университете Южной Калифорнии) изучает эмоции и их «соматические маркеры». Он утверждает, что телесные маркеры обычно обуславливаются реакцией страха, что является важным в понимании тревожности,

«как наиболее распространенного компонента эмоциональных расстройств». Кроме того, Д. Леду доказывает, что эмоции могут возникать без когнитивных процессов в коре головного мозга. Благодаря теоретическим изысканиям З. Фрейда психоанализ уже больше века обладает подобным знанием. Однако, психоаналитические доказательства сводились в основном к эмпирическому опыту, теперь же нейроисследования предоставляют научное экспериментальное подтверждение.

Возвращаясь к направлению нейропсихоанализа, следует отметить, что оно отвергает идею «чистого листа», утверждая: человек не рождается психически стерильным. Появляясь на свет, ребенок уже обладает набором потребностей, которые переживаются в виде аффекта. Потребность стремится к реализации через действия (поведение), которое инстинктивно мотивировано. Происходит тонкое взаимодействие сознательного и инстинктивного: осуществлением действий движут врожденные биологические потребности. Существует различие между удовлетворением телесных и эмоциональных потребностей: эмоциональные потребности удовлетворить сложнее, т.к. для этого требуется вступить во взаимодействие с другими людьми.

Выделяется 7 базовых потребностей:

- в поиске,
- в сексе с партнером,
- в избегании опасных ситуаций,
- в переживании ярости,
- в переживании паники и горя,
- в заботе (о нас и о ком-то),
- в игре.

«Зигмунд Фрейд в 1895 г. в своем «Проекте научной психологии» попытался соединить зарождающуюся дисциплину — психоанализ с нейронаукой того времени. Но это было 100 лет назад, когда только описали нейрон, и Фрейд был вынужден — вследствие недостатка соответствующих знаний — отказаться от своего проекта. Нам пришлось ждать много десятилетий, прежде чем область знаний, в которой в конце концов нуждался Фрейд, стала доступной».

Доктор А.З. Пфеффер

Нейропсихоаналитик пытается понять, какая из потребностей данного клиента нуждается в удовлетворении, заставляя его действовать неэффективно на уровне автоматизма. Задача специалиста: помочь вербализировать ошибочную неосознаваемую установку, которая приносит страдания.

Автор доклада считает, что применение методов нейропсихоанализа дает более четкий алгоритм, «создает более жесткую и более ясную систему координат» и, что особенно привлекательно, позволяет специалисту чувствовать себя уверенней. При этом сам нейропсихоанализ пользуется методом свободных ассоциаций.

В книге «Клинические исследования в нейрорпсиходанализе. Введение в глубинную нейрорпсихологию» авторы, включая М. Солмза, признают необходимость свободных ассоциаций для нейрорпсихологии, т.к. они представляют собой то самое исследование «изнутри», которое невозможно сделать, изучая мозг как объект. Поэтому существует потребность в методе, который увязал бы психоданалитическое исследование человеческой субъективности и исследование структуры и функций мозга как объекта изучения.

Психоданализ изучает психическое. Фрейд понимал, что под психическим должен лежать физиологический процесс. Однако, психическое шире своей физиологической базы: «...локализовать сложные психические свойства в пределах нейронных «центров» будет ошибочным», — утверждает Солмз. И далее размышляет о возможности «воссоединить психоданализ с нейронаукой на прочной клинической основе», считая, что это принесет пользу обоим направлениям. С данным утверждением соглашается и докладчик, предлагая психоданалитикам обогащать себя новыми знаниями для более объемного видения предмета психоданалитического исследования и повышения эффективности своей работы.

Подробнее с теорией нейрорпсиходанализа вы можете ознакомиться в книге:

Каплан-Солмз К., Солмз М.

Клинические исследования в нейрорпсиходанализе: Введение в глубинную нейрорпсихологию/ Пер. с англ. К.А. Лемешко. Под научн. ред. докт. психол. наук, проф. А.Ш. Тхостова. — М.: Академический проект, 2016. — 271 с. — (Психологические технологии).

Молодежная секция ЕАРПП

Самораскрытие психотерапевта: да, нет или воздержимся?

ЗАМЕТКИ О ВСТРЕЧЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА
«ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ»

Сухова Наталья Александровна

- Психолог, психоаналитик
- Член ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург)
- Член Молодежного Комитета ЕАРПП
- Ведущая литературного клуба «Психоаналитические дискуссии»

Литературный клуб «Психоаналитические дискуссии» — один из проектов Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП. Изучение и обсуждение психоаналитической литературы является одним из краеугольных камней при формировании профессиональной идентичности начинающего специалиста, его взглядов на процесс психотерапии. Наш литературный клуб — это онлайн пространство, где есть возможность обсуждать разные точки зрения, чувства и ощущения, возникающие при знакомстве с психоаналитическими текстами, а также с художественными литературными произведениями.

Одна из дискуссий клуба была посвящена книге Ирвина Ялома «Лжец на кушетке» и теме «Самораскрытие психотерапевта. Польза или вред?». Это художественное произведение, автор которого — известный психотерапевт экзистенциально-гуманистического направления. Ирвин Ялом получил

психиатрическое и психоаналитическое образование, однако в дальнейшем работал как экзистенциальный психотерапевт. Популярность этой книги, легкость изложения, всемирная известность автора, дискуссионность его идей и терапевтической позиции — вот чем мы руководствовались при выборе этого текста.

В книге мы знакомимся с образами двух разных психотерапевтов: Эрнест Лэш — целеустремленный искатель, способный, восприимчивый к новым идеям, обладает живым любопытством и абсолютный невежда в психотерапии; Маршал Стрейдер — супервизор Эрнеста, эксперт в области психоанализа, уверенный, никогда не поддающийся сомнениям, всегда точно знающий правильный путь.

Эрнест часто задается вопросом: «А может ли терапевт быть настоящим, честным, таким, какой он есть, с пациентами, и как его самораскрытие сможет повлиять на процесс психотерапии». Он решает провести эксперимент: «будет абсолютно откровенен и будет преследовать лишь одну цель — установление аутентичных отношений с пациентом и признание того, что отношения сами по себе будут иметь терапевтический эффект. Никакой исторической реконструкции, никаких интерпретаций прошлого, никакого анализа психосексуального развития. Единственное, что удостоится его внимания, — это то, что происходит между ним и пациентом». Таким «экспериментальным» пациентом становится Кэрол. Но эта женщина пришла не за психотерапевтической помощью. Кэрол хочет подставить Эрнеста, соблазнить его, опозорить и тем самым отомстить за то, что ее бросил муж Джастин, проходивший психотерапию у Эрнеста. Кэрол решает придерживаться середины между правдой и ложью. Она собирается как можно более правдиво рассказать терапевту о своей жизни, искажая факты только по мере необходимости, чтобы не позволить Эрнесту догадаться, что она — жена его пациента Джастина.

Вызывает интерес история психотерапевтического общения между «правдивым» терапевтом и «лживой» пациенткой и тот неожиданный эффект, который в итоге замечает Кэрол: она меньше грустит, улучшаются ее отношения с детьми, она знакомится с мужчиной, с которым складываются теплые доверительные отношения. Эрнест же открывает для себя принципы самораскрытия терапевта:

1. Быть откровенным настолько, насколько это может принести пользу пациенту;
2. Откровенность должна быть разумной. Не забывайте, что вы делаете это для пациента, а не для себя;
3. Если хотите продолжать свою профессиональную деятельность, подумайте о том, как ваши откровения будут восприняты другими терапевтами;
4. Степень самораскрытия терапевта зависит от стадии терапии. Необходимо учитывать время: некоторые откровения, способные принести пользу на поздних стадиях терапии, на ранних стадиях могут иметь обратный эффект;
5. Терапевт не должен делиться с пациентом тем, что вызывает у него сильный внутренний конфликт. Для начала ему самому следует проработать эти проблемы с супервизором или в индивидуальной терапии.

Другой герой книги Маршал Стрейдер — сдержанный, подтянутый, «скала» в своей профессиональной роли, критиковал позицию Эрнеста относительно открытости и правдивости терапевта: «Кто там сказал, что главное в терапии — быть абсолютно честным? Главное же, единственный смысл, вся соль терапии в том, чтобы действовать всегда на благо пациента. Если терапевты откажутся от структурных директив и решат работать так, как им хочется: как-то импровизировать, говорить правду, только правду

и ничего, кроме правды? Только представьте себе такую картину — терапия превратится в хаос».

Однако, в романе мы видим, как он делает «исключения» для некоторых пациентов. Маршал соглашается на предложение пациента принять участие в карточной игре, чтобы помочь тому увидеть его ошибки в игре. Безусловно, это серьезное нарушение психотерапевтических границ. Также он соглашается вложить деньги в финансовое предложение своего бывшего пациента, который впоследствии оказывается лжецом и мошенником. Когда Маршал осознает обман пациента, в результате которого он дважды теряет крупную сумму денег, это становится для него тяжелым ударом. Оказывается, что даже в обычной жизни у него нет никого, кому можно открыться, рассказать правду, поделиться своими чувствами. Кроме финансовых потерь, герой сталкивается со своей уязвимостью и одиночеством.

Удивительным образом Маршал получает помощь и поддержку именно на юридической консультации у Кэрол, пациентки Эрнеста. Эрнест, консультируя Кэрол по поводу ее нового клиента, косвенным образом становится терапевтом своему супервизору. Маршал осознает свою жесткую позицию, относительно того, что только его путь — единственно верный, и говорит: «Если бы мне сейчас пришлось обратиться к терапевту, я бы выбрал как раз такого, который склонен отдавать пациентам всего себя.

«Маршал дважды перечитал текст факса — медленно, прислушиваясь к своим ощущениям. Ежегодные Лекции Маршала Стрейдера — мемориал, которому жить в веках. А кому бы это не понравилось? Прекрасный способ повышения самооценки. Через много лет, чувствуя себя недооцененным, он мог бы думать о лекциях, названных в его честь [...].

Но к радости примешивалась горечь — разве этот дар мог заменить возможность заработать, которая выпадает лишь раз в жизни, которой он позволил ускользнуть из его рук. Когда ему еще попадет фантастически богатый пациент, единственное желание которого — сделать его обеспеченным человеком?».

Если я не смогу в ближайшее время выбраться из этого ада и мне придется передать кого-то из моих пациентов другому терапевту, я бы отправил некоторых к Эрнесту».

Встреча литературного клуба стала хорошей возможностью обсудить психотерапевтические взгляды и пути профессионального развития героев книги, провести аналогии с собственными взглядами на уместность самораскрытия психотерапевта. Некоторые из участников встречи отмечали схожесть героя книги Маршала с гротескным представлением о классическом образе психоаналитика: он должен быть непроницаем для пациента, быть подобным зеркалу и отражать только бессознательное самого пациента. Маршал в начале книги следует этому правилу практически идеально. Почему в итоге герой нарушает границы в психотерапевтическом процессе и попадает в нарциссическую ловушку? На встрече мы рассуждали о возможных

причинах разрушения его жесткой терапевтической позиции. Затронули эпизоды о том, как он оказался обманут и остался в эмоциональной изоляции. Все эти события помогли Маршалу по-новому взглянуть на отношения, которые у него сложились в личной и профессиональной жизни.

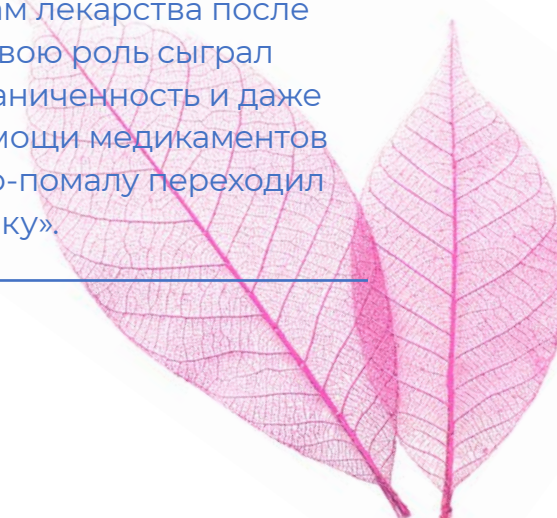
Каким путем шел другой герой книги Эрнест Лэш? Он старался найти свою собственную дорогу, свою терапевтическую идентичность, понять, что является важным в психотерапии. В процессе дискуссии один из участников вспоминал момент из книги, когда пациенты, приходящие к Эрнесту, говорят о своих предыдущих терапевтах. Почему у них не сложилась терапия, почему они ушли из терапии, какой был предыдущий терапевт. Мы увидели две крайности, описанные в книге: либо терапевт вступал в сексуальные отношения с пациентами, либо, наоборот, был очень холоден и отстранен. Эрнест Лэш был опосредованным свидетелем этих двух крайностей и их разрушительных последствий для человека. С одной стороны, его учитель, супервизор Маршал Стрейдер, критикующий Эрнеста за стремление быть абсолютно открытым и честным с пациентами. С другой стороны, «человек, которого он видел лишь однажды, но который изменил его жизнь раз и навсегда» — Сеймур Троттер, вступивший в интимную связь со своей пациенткой.

Вслед за главным героем романа, участники дискуссии задумывались, как найти «золотую середину» в своей психотерапевтической позиции, как самораскрытие в нужный момент сможет помочь не впасть ни в одну из крайностей. Пожалуй, каждый начинающий психотерапевт задумывается об этих вопросах, пытается выработать свое видение психотерапии, свои психоаналитические взгляды на работу, учитывая опыт обучения, своей личной терапии и психоаналитического подхода своего супервизора.

Интересную аналогию провел один из участников дискуссии, когда сравнил пациента с ребенком. Для благоприятного развития маленькому ребенку родители не должны рассказывать о себе всю правду, например, о своих взаимоотношениях в паре. Однако ребенок растет, и вольно или не вольно, узнает все больше о своих родителях. Если пациент в этой аналогии как ребенок, то в какой момент, на каком этапе терапии возможно и нужно самораскрытие? В ходе дискуссии мы пришли к выводу, что в начале терапии мы даем как можно меньше личных сведений о себе. Это необходимо для того, чтобы сформировался рабочий альянс и перенос. В середине или при завершении терапии, когда перенос меняется, терапевт уже больше свободен в плане своего раскрытия.

Следует уточнить, что в данном случае мы больше говорили о такой области

«Проработав несколько лет в области психогенетических исследований, Эрнест разочаровался как в самих исследованиях, так и в научной политике и занялся частной практикой. Два года он проработал психофармакологом, выписывая всем пациентам лекарства после 20 минут общения. Со временем — и в этом свою роль сыграл Сеймур Троттер — Эрнест начал осознавать ограниченность и даже вульгарность лечения всех заболеваний при помощи медикаментов и, пожертвовав сорока процентами дохода, мало-помалу переходил в психотерапевтическую практику».

раскрытия как «личные сведения о терапевте», когда мы сообщаем пациенту о своем семейном положении, о впечатлениях и мыслях по поводу какой-то книги или фильма, о своих личных интересах и увлечениях.

Ирвин Ялом называл самораскрытием целую группу действий, одни из которых неизменно облегчают терапию, а другие весьма проблематичны и могут привести к обратным результатам. Кроме личных сведений о терапевте он говорил про другие области раскрытия: о механизме терапии, то есть абсолютном раскрытии самого процесса психотерапии, объяснении важнейших базовых правил, включая конфиденциальность, необходимости полного раскрытия, важности снов, необходимости терпения и фокуса на «здесь и сейчас». Еще один важный момент — чувства «здесь и сейчас». Для создания искренних отношений с пациентом очень важно раскрывать свои чувства к пациенту в непосредственный момент. Но раскрытие «здесь и сейчас» ни в коем случае не должно быть беспорядочным, прозрачность не должна становиться самоцелью. Говоря о своих чувствах пациенту, мы должны мысленно задавать себе вопрос: «Действуем ли мы сейчас в интересах пациента?».

Итогом встречи стало рассмотрение позиции самого Ирвина Ялома относительно самораскрытия психотерапевта. Интересно было увидеть, близка ли терапевтическая позиция автора самим участникам. Ирвин Ялом писал: «Если пациенты хотят узнать, женат ли я, есть ли у меня дети, понравился ли мне какой-нибудь фильм, читал ли я такую-то книгу или чувствовал себя неловко во время нашей случайной встречи на нейтральной территории, я всегда отвечаю им прямо. Почему нет? Что в этом плохого? Как можно, оставаясь столь скрытным, добиться искренности в отношениях с другим человеком?».

В книгах Ялома прослеживается мысль о том, что очень часто в терапии лечебными оказываются сами отношения, складывающиеся между пациентом и терапевтом. Причем, с каждым пациентом это может быть свой, неповторимый «язык» терапии.

Эти идеи автора вызывают разные мысли и ощущения. С одной стороны, понимаешь, как важно быть «гибким», развивающимся, «живым» в своем взгляде на процесс психотерапии. С другой стороны, есть фундаментальные правила, которые мы должны соблюдать и которые помогают нам работать с бессознательным пациента. Знание и понимание психоаналитических основ, разницы между психоаналитическим и экзистенциально-гуманистическим подходом, современных взглядов на процесс психоаналитической психотерапии поможет создавать свой неповторимый стиль терапии с каждым клиентом, свой индивидуальный психоаналитический взгляд.

Проекты Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП

Проект «Литературный клуб»

Онлайн пространство, где есть возможность обсуждать разные точки зрения, идеи, чувства и ощущения, возникающие при знакомстве с психоаналитическими текстами.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539329/>

Проект «Группа рефлексии для начинающих аналитиков. Поиск клиентов: этичные и неэтичные способы продвижения»

Встречи группы — это возможность поделиться своими переживаниями, связанными с началом практики, получить обратную связь от коллег, поучаствовать в групповой дискуссии на актуальные практические темы. Встречи группы проходят в онлайн формате с периодичностью 1 раз в месяц. Обязательно предварительное собеседование.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1659202/>

Проект «Группа интервизий»

Интервизионная группа позволяющая расширить профессиональные возможности, выработать новое видение и получить квалифицированную помощь через разбор практических случаев, что особенно важно тем, кто только начинает свою практику. Встречи группы в онлайн формате, ежемесячно. Обязательно предварительное собеседование.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/>

Проект «Личный бренд и продвижение психоаналитика в соцсетях. «Этика психолога в виртуальном пространстве для начинающих»»

Доклады и дискуссии на тему использования социальных сетей для собственного продвижения. Этика психолога в виртуальном пространстве и формирование профессиональной идентичности психолога в социальных сетях.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539338/>

СЕКСУАЛЬНОЕ

место теорий психосексуального развития
в современном психоанализе

X

**межрегиональная
психоаналитическая конференция**

4–5 июня 2022

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

4–5 июня 2022 года приглашаем на X Межрегиональную Психоаналитическую Конференцию **«Сексуальное» — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе.**

Тема сексуального пронизывает весь путь развития психоаналитической мысли и клинической практики. Нам предстоит углубиться в пространства формирования внутреннего мира человека, основанные на желаниях быть вместе и обладать, притягивать и сохранять, давать свободу и зависеть, наслаждаться и страдать. Исследуя аналитическую ситуацию нам нужно будет понять всю гамму чувств, которые связаны с сексуальными переживаниями, поразмышлять о непростой динамике переносов и контрпереносов, искрометных фантазиях и сновидениях в поле желаний к себе и другому, прикоснуться к трагедиям не Любви и эстетике счастья. И конечно будут затронуты темы половой и полоролевой идентичности, перверсий и проблем отношения пар и групп.

Заявки на доклады принимаются до 1 марта 2022 года, пишите на ecppmos@gmail.com. До встречи!

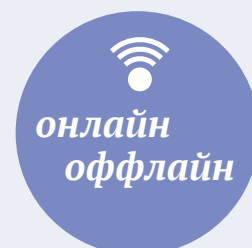
Следите за информацией:

facebook.com/russia.ecpp.org

facebook.com/moscow.earpp.ecpp

ИЗ МИРА НАУКИ

«Психотерапия по своей сути основана на эмоциональной честности» — пишет МакВильямс — выдающийся американский психолог и психоаналитик, автор классической работы «Психоаналитическая диагностика» — и с присущими ее манере искренностью и открытостью делится с читателем глубоко личным опытом и размышлениями о долгой жизни в профессии.

Мы подготовили для вас переводы двух статей МакВильямс, благодаря которым, мы имеем возможность ретроспективно сопровождать автора в пройденном ею жизненном пути, сквозь личную историю, которую МакВильямс тепло и непринужденно рассказывает читателю. От воспоминаний о первом анализе и обучающем анализе в юном возрасте к мыслям и наблюдениям о смертности, ограниченности жизни и ее ресурсах и стремлении передать накопленный многолетний опыт в старости.

Как обретается вера в метод? Почему аналитику так необходимо твердое внутреннее ощущение, что психотерапия исцеляет? Что из того, что транслирует тренинг-аналитик мы интернализируем как часть собственной профессиональной идентичности? На эти и многие другие вопросы МакВильямс отвечает через интимный эмоциональный рассказ о личном анализе.

Смелость следовать эго-идеалу психоанализа и готовность исследовать все то, что вызывает тревогу, ведут автора к осмыслению старения и смерти. МакВильямс задается вопросом о том, возможен ли честный и открытый разговор о старении в обществе, главной идеей которого являются неограниченные ресурсы, безграничный потенциал, неизбежность прогресса и уверенность в том, что все проблемы можно решить?

Следуя за размышлениями автора попробуем найти свои ответы на поставленные вопросы.

Нэнси МакВильямс (Nancy McWilliams)

- Психолог, психоаналитик
- Доктор философии по психологии (Ph.D.)
- Приглашённый профессор психоаналитической теории и терапии в Высшей школе прикладной и профессиональной психологии Ратгерского университета
- Бывший президент отделения психоанализа в Американской психологической ассоциации
- Внештатный редактор журнала «The Psychoanalytic Review» и член редакционной коллегии журнала «Psychoanalytic Psychology»
- Автор четырёх книг, три из которых посвящены психодиагностике и одна практике психотерапии. На русском языке на данный момент изданы три: «Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе», «Психоаналитическая психотерапия: Руководство практика» и «Формулирование психоаналитического случая».
- Сегодня практически все специалисты в области психологического консультирования и психотерапии знакомы с книгами Нэнси Мак-Вильямс, ставшими фактически настольными для практикующих специалистов. Материал, представленный в них, позволил специалистам ознакомиться и понять не только описательно уровни психического функционирования и характерологические структуры, но и их психодинамику, психологические причины формирования.
- Мак-Вильямс использует общепринятую в психоанализе типологию, в значительной степени совпадающую с классификацией расстройств личности по DSM-IV, однако, автор вносит в неё небольшие коррективы, исходя из собственной терапевтической практики. В своих книгах МакВильямс подробно описывает в типы личности с точки зрения различных психоаналитических подходов: теории влечений Фрейда, особенностей защитных и адаптационных механизмов психики, теории объектных отношений, а также рассматривает особенности образа собственного «Я», переноса и контрпереноса в ходе терапии, даёт рекомендации по работе и дифференциальной диагностике для психоаналитиков, помогает сформировать психоаналитическое восприятие и мышление, а также формирует особую парадигму восприятия профессии терапевта.

Влияние моей личной психотерапии на мою терапевтическую работу

В статье я на собственном примере расскажу о влиянии моего личного психоанализа на мою клиническую работу. Я не утверждаю, что мой опыт показателен; он, безусловно, уникален для меня, но некоторые аспекты моего личного пути в роли пациентки и его влияние на мою работу в качестве терапевта, согласуются с тем, что выяснили Дж. Геллер, Дж. Норкросс и Д. Орлинский о связях между получением и предоставлением психотерапии.

Я впервые заинтересовалась психоанализом в 1965 году, будучи студенткой Оберлинского колледжа (США, г. Оберлин, штат Огайо). Мой преподаватель политологии посоветовал мне написать курсовую по политической теории, имплицитно присутствующей в книге Фрейда «Недовольство культурой» (1930). Книга меня захватила. Я начала читать другие работы Фрейда и популярных в то время психоаналитиков, таких как Эриксон (например, 1950), Фромм (например, 1941), Хорни (например, 1950), Маркузе (например, 1968), Норман О. Браун (например, 1959), Ролло Мэй (например, 1967), и Теодор Райк (1948, 1953, 1957a, 1957b). Работы последнего оказали на меня наиболее сильное влияние.

Взгляды Райка (Reik) пришлись мне по душе, потому что он, говоря о половых различиях, не подразумевал, что женская психология — это своего рода отклонение от мужской нормы. Такую точку зрения я не встречала ни у кого в период, предшествовавший новой волне феминизма. (Даже Оберлин, первый колледж, принимавший на обучение женщин наравне с мужчинами, придерживался неписаного правила: профессорским женам, нередко обладавшим блестящим умом, которому позавидовал бы доктор наук, не разрешалось преподавать, кроме как в должности адъюнктов). После того, как я вышла замуж, окончила университет, выбрала карьеру клинического психолога и переехала в Бруклин, я написала доктору Райку и спросила, сможет ли он со мной встретиться и дать мне совет насчет моей карьеры. Пока это было возможно, я хотела лично встретиться с одним из тех, кто был близок к Фрейду.

Райк любезно согласился. Он отнесся к нашей встрече, скорее, как к собеседованию и посоветовал начать личную терапию. Он направил меня в клинику при Национальной психологической ассоциации психоанализа (NPPA) — учреждение, которое он сам основал после того, как его не принял Нью-Йоркский психоаналитический институт из-за того, что его докторская диссертация была по психологии, а не по медицине. В то время я не знала подробностей этого досадного инцидента; мне было двадцать три года, мне нравились идеи Райка, и я знала, что он был протее Фрейда.

Начать личную терапию показалось мне целесообразным. Я жила в Нью-Йорке, и там можно было найти опытного специалиста за приемлемую цену. Плата в пятнадцать долларов за сессию у аналитика, к которому меня направил интервьюер из клиники, меня вполне устраивала. Я подошла к терапии ответственно, как к процессу, необходимому в профессиональных целях. Я предполагала, что в то время другие подходы уже вытеснили собственно психоанализ, но по такому же принципу,

Хотя я и не ощущала никакой потребности в личной терапии, потрясающий терапевтический эффект от личного анализа стал тем фактором, который в итоге определил мой карьерный путь психолога и психоаналитика.

по которому я изучала сначала классическую музыку, а потом поп-музыку, и сначала латынь, а потом французский, я решила, что сначала нужно узнать, что такое оригинальная парадигма. Хотя я и не ощущала никакой потребности в личной терапии, потрясающий терапевтический эффект от личного анализа стал тем фактором, который в итоге определил мой карьерный путь психолога и психоаналитика.

Несомненно, я *бессознательно* знала, что терапия мне нужна. Я считала себя эмоционально здоровой личностью и описывала себя как человека, у которого было счастливое детство, и это представление было недалеко от истины. Тем не менее, я страдала от множества непрожитых потерь, включая смерть моей матери от рака, когда мне было девять лет, и смерть моей любимой мачехи от той же самой болезни, когда я училась в колледже на третьем курсе. Мой отец, у которого (как я позже узнала) было повреждение головного мозга вследствие перенесенного в детстве энцефалита, был любящим, преданным и в высшей степени порядочным человеком. Однако, он видел все только в черном или белом цвете, у него случались сильные приступы ярости, и он вычеркивал людей из своей жизни, если они не оправдывали его ожиданий. Я никогда не проявляла явного непослушания: я считала, что должна быть исключительно «хорошей», иначе отец мог меня отвергнуть. Чтобы не обременять свою измученную семью, а также из-за того, что моя мать, понимая, что скоро умрет, целенаправленно воспитывала во мне самостоятельность, я стала настолько контрзависимым человеком, что не могла проявить

Мои неоднократные опасения по поводу того, что мой мягкий социальный работник/аналитик-еврей окажется моим сердитым отцом с правыми политическими убеждениями, стали для меня важным уроком, показавшим всю силу переноса: умом я понимала маловероятность того, что Лу придерживался тех же взглядов, что и мой отец, но я не могла избавиться от этого страха в течение многих месяцев.

слабость или показать, что нуждаюсь в чем-либо. Я бессознательно воспринимала мужчин как привлекательных, но опасных, а женщин как любящих, но слабых, и это стало серьезной проблемой для моего представления о себе.

Мне повезло с аналитиком, к которому меня направили в NPAR. Лу Берковиц (Lu Berkowitz) оказался добросердечным, умным, гибким и лишенным всякой потребности доминировать. Психоанализ не был его основной работой, он был исполнительным директором Образовательного альянса (Educational Alliance) — социального учреждения в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена. Я была очень рада, что Лу, в отличие от моего отца, очевидно, не имел ничего против моих левых политических взглядов, хотя я смогла принять этот корректирующий опыт лишь после того, как долгое время испытывала настоящий ужас, представляя себе, что Лу начнет с презрением интерпретировать мои политические предпочтения как «отыгрывание» или как «эдипальный протест» (элементы которого действительно проявлялись, но, к счастью, он, по-видимому, придерживался мнения, что все меняется, и что судить о политической позиции нужно по ее возможным последствиям, а не по тому, какие психические факторы повлияли на ее формирование). Мои неоднократные опасения по поводу того, что мой мягкий социальный работник/аналитик-еврей окажется моим сердитым отцом с правыми политическими убеждениями, стали для меня важным уроком, показавшим всю силу переноса: умом я понимала маловероятность того, что Лу придерживался тех же взглядов, что и мой отец, но я не могла избавиться от этого страха в течение многих месяцев.

Лу не вел себя так, как будто знал больше, чем я (хотя по прошествии времени я понимаю, что часто именно так и было), и он, как правило, интерпретировал очень мало, вместо этого побуждая меня говорить все, чувствовать свои чувства, исследовать сны, разбираться в себе. Его *уважительная* манера сама по себе оказывала целительное воздействие. Из-за склонности моего отца к высказываниям, не подлежащим обсуждению, я была (и сейчас остаюсь) сверхчувствительной к тому, что со мной разговаривают свысока люди, облеченные властью. Многие воспринимают аналитическое молчание как отвержение, но я воспринимала его как знак равноправия, оно укрепляло мою уверенность в собственных силах и поддерживало мою веру в способность быть честной с самой собой радикальными, освобождающими способами.

Моя внутренняя динамика в основном истерична, и поэтому относительно свободный стиль Лу мне как раз подошел. Фрейд изначально разработал психоанализ для лечения женщин с истерией, большинство из которых мы бы сейчас отнесли к диссоциативным личностям и которые бессознательно считали себя слабыми и подвергались постоянному риску жестокого обращения со стороны мужчин, облеченных властью. Он серьезно относился к их субъективному опыту и старался извлекать из него уроки (Breuer & Freud, 1895/1955). Хотя, на мой взгляд, даже в таком случае он не всегда все понимал правильно (и знал это, о чем свидетельствует его известное замечание о том, что он не может понять, чего хотят женщины). Для меня было ценным то, что он признавал ограниченность своего понимания, а не изображал из себя всеведущего мудреца, и я была благодарна моему аналитику за то, что он разделял позицию Фрейда относительно готовности учиться у своих пациентов.

Моя терапия продолжалась в течение четырех с половиной лет по три сессии в неделю и завершилась естественным образом, на основе взаимного согласия о том, что я была готова проверить, достаточно ли я интернализировала процесс, чтобы дальше обходиться своими силами (см. Geller, 2005, о границах и интернализации). Я была поражена результатами нашей с Лу работы. Особенно, когда после назначения даты завершения терапии ко мне на некоторое время вернулись прежние симптомы, которые до этого так незаметно исчезли, что я забыла о постоянной тревоге, соматизации, оборотительном поведении и отыгрывании, которые когда-то считала просто частью жизни. Также я снова поразились влиянию переноса на этапе завершения терапии: несмотря на то, что именно я подняла вопрос о завершении и предложила период в шесть месяцев на достижение этой цели, как только была определена дата, мне стали постоянно сниться сны о том, что моя мать умирает, или что отец выгоняет меня из семьи. Это был полезный урок, показавший пределы сознательной рациональности, особенно когда дело доходит до расставания. Я помню, как размышляла о том, что оставление (когда не ты уходишь, а тебя покидают) должно быть нашим самым ранним шаблоном для сепарации, поскольку мы становимся способными понять отделенность до того, как у нас появляется физическая возможность инициировать ее самостоятельно.

За время личной терапии я многое поменяла в тех сферах, о которых говорила выше: мое отрицание своей потребности в других смягчилось, моя эмоциональная жизнь стала источником радости и жизненной силы, от которых не нужно было сознательно отстраняться, и мои внутренние представления о гендере и власти значительно изменились.

Я пришла к глубокому осознанию в общепринятых понятиях эпохи, предшествующей деконструкционизму, что женственности может быть присуща сила, а мужественности теплота и уязвимость. Без моей личной терапии мой брак, безусловно, распался бы. И у меня, скорее всего, не было бы моих дочерей (я пришла к пониманию, что бессознательно приравнивала материнство к смерти, и несмотря на то, что мне нравилось заботиться о других, я находила бесчисленное множество рациональных объяснений тому, что не хотела детей). В моей карьере также было бы гораздо больше саморазрушительных разыгрываний.

В более поздние периоды своей жизни я проходила терапию еще у двух разных аналитиков, поскольку мой первый аналитик внезапно скончался через несколько лет после завершения моей терапии. Когда мне было за тридцать, я ходила раз в неделю в течение четырех лет к женщине-аналитику, медицинскому психологу, ориентированной на объектные отношения; и когда мне было за пятьдесят, я в течение года посещала психиатра-мужчину, специалиста в области сэлф-психологии. В обоих случаях я использовала кушетку, хотя сеансы проходили один раз в неделю, потому что на кушетке я чувствовала себя наиболее комфортно, так как на меня в меньшей степени воздействовало физическое присутствие аналитика (думаю, это характерно для очень чувствительных в плане межличностных отношений пациентов, особенно с истерической или шизоидной динамикой). И в той, и в другой терапии выходили на свет жизненные проблемы, которые не проявились во время моей первой терапии, и оба аналитика, несмотря на совершенно разные личные стили, очень мне помогли.

Но задача данной статьи показать, как личная терапия влияет на *практику самого терапевта*, поэтому позвольте мне перейти к тому, как, на мой взгляд, мой личный анализ повлиял на мою последующую клиническую работу.

Без моей личной терапии мой брак, безусловно, распался бы. И у меня, скорее всего, не было бы моих дочерей. В моей карьере также было бы гораздо больше саморазрушительных разыгрываний.

Первое, и, вероятно, самое важное, благодаря личному анализу я обрела веру в сам процесс анализа. Я буквально нутром знаю, что психотерапия исцеляет. Я полагаю, что передаю это убеждение своим клиентам не только устно, но и с помощью бесчисленных невербальных сигналов. В терапии большое значение имеет надежда, а моя надежда на терапию является искренней и глубокой.

Во-вторых, анализ помог мне понять сложные чувства, возникающие, когда находишься в роли клиента. Несмотря на мою браваду по поводу того, что я начинаю личную терапию исключительно в профессиональных целях, я была потрясена, обнаружив, что беспокоюсь, что кто-то увидит, как я захожу в кабинет аналитика. В первый раз, когда я легла на кушетку, в предвкушении и с уверенностью в том, что поступаю очень по-взрослому, я обнаружила, что дрожу как ребенок в тревоге за собственную безопасность. Я быстро поняла, какую эмоциональную власть давала моему аналитику его роль. Я чувствовала себя беззащитной, потерявшей контроль, уязвимой для критики и попыток меня пристыдить. А ведь я пришла в терапию не с целью вылечить какое-то «расстройство», поэтому я могла лишь представлять, насколько стигматизированными чувствовали себя другие.

Учитывая мои интуитивные внутренние опасения, несмотря на теплое и дружественное отношение моего аналитика, я усвоила на всю жизнь, что терапевт не может полностью контролировать то, как его воспринимают пациенты

Эти знания, полученные на собственном опыте, усилили мое сочувствие ко всем, кто находится в кресле пациента, и еще раз показали ценность доброжелательного отношения терапевта и его общения с пациентом на равных. В то же время, учитывая мои интуитивные внутренние опасения, несмотря на теплое и дружественное отношение моего аналитика, я усвоила на всю жизнь, что терапевт не может полностью контролировать то, как его воспринимают пациенты, и это стало своевременным уроком, умерившим мои представления о собственном всемогуществе и смирившим меня в профессиональном плане. Меня до сих пор удивляет, когда мои коллеги полагают, что просто вследствие их доброжелательного поведения и отношения, они станут «хорошими объектами» в глазах своих клиентов.

Личная терапия по-своему расширила мои способности к сопереживанию. Я начала медленно, болезненно осознавать свои слабые места, тщеславие, жадность, зависть, садизм и другие непривлекательные черты, которые можно было признать и исследовать только благодаря тому, что мой аналитик принимал их как данность. Я обнаружила в себе психотическую и пограничную, а также невротическую динамику. Я познакомилась со своим внутренним психопатом, нарциссом, драматизатором, интровертом и другими личностями, которые живут в каждом из нас. В то же время, я стала делать меньше обобщений относительно человеческой природы и больше ценить психологическое разнообразие, поскольку осознала тот факт, что, несмотря на сходство во внешнем поведении или проявлениях, другие люди часто сильно отличались от меня внутренне.

Терапия показала мне силу бессознательного сопротивления и то, как много терпения нужно, чтобы изменить шаблоны, давно ставшие привычными. Я на своем опыте знаю, как много смелости нужно, чтобы попробовать что-то новое, когда мозг готов взорваться от страха и тревоги. По мере того, как накалялся мой перенос, я начинала ценить силу аффекта, свободу, которая приходит, когда просто чувствуешь и говоришь об этом, а также то, что решающую роль в психологических изменениях играет понимание глубинных причин и взаимосвязей в эмоциональной сфере. В конечном счете, этот опыт помог мне справиться с собственной тревогой и реактивностью в те моменты, когда моих клиентов накрывал шторм аффекта. Благодаря личной терапии я, наконец, почувствовала себя спокойно в роли лидера, и если я становлюсь объектом сильных, насыщенных переносом чувств, которые неизбежно возникают по отношению к тем, кто занимает относительно влиятельную позицию, то теперь не принимаю это близко к сердцу.

Как человеку, который всегда готов интеллектуализировать, мне особенно повезло пройти через личный психоаналитический процесс до того, как я подробно узнала об аналитических теориях вмешательства; я могла *чувствовать*, что является действительно полезным, не имея за плечами предыдущего опыта рассмотрения этого в свете общепринятой парадигмы. Позднее, благодаря этому, я смогла реалистично оценить саму общепринятую парадигму.

Я стала тонко чувствовать, как больно узнавать о себе то, чего раньше не замечала. Моя самооценка падала каждый раз, когда я усваивала новые знания, даже если эти знания были желанными. Опыт личной терапии научил меня обращать внимание на стыд и негодование моих клиентов, а не только на их признательность, когда я говорю что-то, что они находят новым и полезным. Во время собственного анализа я испытывала острое чувство уязвимости, когда пыталась убрать психологические защиты, которые

Благодаря моим снам удалось выявить мою всеобъемлющую бессознательную уверенность в том, что именно моя опасная «плохость» и убила моих мать и мачеху. В ответ мой аналитик в шутку замечал, какой огромной силой мысли я, по-видимому, обладаю, и предлагал мне присоединиться к человеческой расе.

теперь мне только мешали и которые в детстве поддерживали мою самооценку и обеспечивали мне чувство безопасности. Отказавшись от прежних способов самозащиты, я почувствовала себя сверхчувствительной, лишенной кожи, и словно оказалась на пределе возможностей воспринимать любую новую информацию о своих недостатках, слабостях и самообмане. В таком состоянии я часто вела себя реактивно и занимала оборонительную позицию (я благодарна своему мужу за его терпение). Мои яркие воспоминания об этом этапе вызывают во мне сострадание к клиентам и студентам, находящимся в подобном состоянии беззащитной реактивности.

Когда осознала, что мои чувства, мысли и поведение основывались на бессознательных сценариях, я постепенно отпустила фантазии о своем всемогуществе, о которых раньше даже не подозревала. Так много из того, что я считала откровением о самой себе, оказалось рационализацией. Накопились доказательства того, что я была не властна над собственным разумом и что мои представления о собственной силе были искаженными. Благодаря моим снам удалось выявить мою всеобъемлющую бессознательную уверенность в том, что именно моя опасная «плохость» и убила моих мать и мачеху. В ответ мой аналитик в шутку замечал, какой огромной силой мысли я, по-видимому, обладаю, и предлагал мне присоединиться к человеческой расе. Учитывая, насколько важно, как мы теперь знаем, для терапевта избегать позиции всезнающего,

признавать ошибки и работать сообща, этот смиряющий аспект моей личной терапии, вероятно, стал особенно ценным для моей дальнейшей практики.

Через сорок лет после того, как я завершила личную терапию и больше, чем через тридцать лет после смерти Лу, я продолжаю ежедневно обращаться к своему первому анализу. Бывает, что какой-то человек ставит под сомнение и обесценивает мою интерпретацию, и тогда я вспоминаю о тех временах, когда я сама реагировала также, и о том, что помогало мне восстанавливать равновесие. Бывает, что какая-то женщина, начинающая переживать травматичную историю, впадает в панику от того, что погружается в бездонную депрессию, и, поскольку я изнутри знаю, насколько исцеляющим и, в конечном счете, ограниченным по времени является процесс острого траура, я могу ее убедительно успокоить. Бывает, что я совершила ошибку и вынуждена признать это, и тогда я вспоминаю о том, как поступал мой аналитик, и мне становится легче. Его извинения за совершенную им ошибку были, по сути, *ударом милосердия* по моему болезненному предположению о том, что облеченные властью люди, особенно мужчины, не признают своих ошибок. Или, когда клиент предполагает, что какой-то мой комментарий вызван презрением или ненавистью, я вспоминаю, насколько терпелив был мой аналитик в работе с моими враждебными переносами, как он миролюбиво исследовал их, а не пытался рефлекторно «исправить» мои представления.

Возможно, самое сложное в работе терапевта — это чувствовать, что тебя часто воспринимают в искаженном виде, когда помогаешь клиентам прорабатывать сильные негативные чувства. Поэтому я благодарна за то, что интернализировала опыт того, кто спокойно относился к моей ненависти. Лу был для меня хорошим примером. Хотя я не идентифицировалась с ним полностью или некритично. То, что он дал мне, касалось, скорее, чувствительности, чем набора техник. Мой стиль отличается от его стиля; мне пришлось интегрировать то, что я считала основой терапевтической чуткости, в свою собственную личность. Однако, мне очень повезло, что я работала с человеком, темперамент и образование которого принесли мне такую пользу.

Как утверждает доктор Геллер, и в моем понимании (например, McWilliams, 2004), психотерапия, по своей сути, основана на эмоциональной честности. Возможно, это тот аспект работы, который труднее всего поддерживать и которым я больше всего дорожу. Слушая и читая сообщения других практикующих аналитиков о личной терапии, я поражаюсь, насколько много тех, кто на примере своего терапевта поняли, чего делать не следует. Такие уроки также являются важным источником профессиональных знаний, хотя, учитывая время, деньги, силы и надежду, которые мы все вкладываем в терапию, требуется мужество, чтобы открыто признать разочарование. Я по-прежнему считаю, что мне повезло, что мой личный анализ, который я начала с открытым сердцем, когда еще не знала, насколько тщательно необходимо проверять потенциального терапевта, заложил такой глубокий и прочный фундамент для моей будущей работы.

Как, надеюсь, показала эта статья, во многих отношениях мой опыт как пациента отражает то, что выяснили Дж. Геллер, Дж. Норкросс и Д. Орлинский о связях

между получением и предоставлением психотерапии. Но с нормативной точки зрения мой опыт остается уникальным для меня лично. Что касается средней продолжительности терапии в двадцать сеансов, то я, безусловно, являюсь исключением. Первые двадцать сессий принесли мне большую пользу, но они были только началом процесса, который продолжается в течение всей жизни, и я благодарна за каждый час после этих первых двадцати. Там, где я училась, обычно говорили: «В первый год мы просто здороваемся».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Breuer, J., & Freud, S. (1955). *Studies on Hysteria*. Translated from the German and edited by James Strachey. (The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud: Vol. II). London, UK: Hogarth Press. Original published in 1895.
2. Brown, N.O. (1959). *Life Against Death: The Psychoanalytical Meaning of History*. New York: Vintage.
3. Erikson, E.H. (1950). *Childhood and Society*. New York: Norton.
4. Freud, S. (1930). Civilization and its discontents. In J. Strachey (Ed.), *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, vol. 21 (pp. 64 –145) London: Hogarth Press, 1971.
5. Fromm, E. (1941). *Escape from Freedom*. New York: Rinehart & Co.
6. Geller, J.D. (2005). Boundaries and internalization in the psychotherapy of psychotherapists: Clinical and research perspectives. In J.D. Geller, J.C. Norcross, & D.E. Orlinsky (eds.), *The Psychotherapist's Own Psychotherapy: Patient and Clinician Perspectives* (pp. 379–404) New York, NY: Oxford University Press.
7. Geller, J.D., Norcross, J.C., & Orlinsky, D.E. (eds.), (2005). *The Psychotherapist's Own*
8. *Psychotherapy: Patient and Clinician Perspectives*. New York, NY: Oxford University Press.
9. Horney, K. (1950). *Neurosis and Human Growth*. New York: Norton.
10. Marcuse, H. (1968). *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. New York: Beacon.
11. May, R. (1967). *Man's Search for Himself: How We Can Find a Center of Strength Within Ourselves to Face and Conquer the Insecurities of This Troubled Age*. New York: Signet.
12. McWilliams, N. (2004). *Psychoanalytic Psychotherapy: A Practitioner's Guide*. New York, NY: Guilford Press.
13. Reik, T. (1948). *Listening with the Third Ear: The Inner Experience of a Psychoanalyst*. New York, NY: Farrar Straus.
14. Reik, T. (1953). *The Haunting Melody: Psychoanalytic Experiences in Life and Music*. New York, NY: Farrar, Straus & Young.
15. Reik, T. (1957a). *Myth and Guilt: The Crime and Punishment of Mankind*. New York, NY: Braziller.
16. Reik, T. (1957b). *Of Love and Lust: On the Psychoanalysis of Romantic and Sexual Emotions*. New York, NY: Farrar Straus.

Психоаналитические размышления об ограничениях: старение, смерть, генеративность и обновление²

В письменной версии выступления перед аудиторией 39 Секции Американской психологической ассоциации автор размышляет о проблемах ограниченности и смертности. Она рассматривает вопросы, касающиеся очевидного нежелания многих аналитиков заниматься проблемами старения, утраты функции и смерти на любом уровне: клиническом, теоретическом, личном, — и предлагает поговорить о том, как пожилые терапевты могут подготовить своих пациентов к своим неизбежным старению и смерти.

Некоторое объяснение общепринятому избеганию обсуждения этих вопросов автор находит в имплицитных аспектах западной, особенно американской, культурной идеологии, изобилующей локковскими предположениями о том, что ресурсы безграничны, все проблемы решаемы, а личные права более важны, чем общественные потребности и обязательства. Этим взглядам она противопоставляет господствующие психоаналитические убеждения и клинические знания и представляет на рассмотрение коллег некоторые выводы.

Автор затрагивает положительные аспекты ограниченности, в том числе потенциал для развития творчества и генеративности. Наконец, автор поднимает проблему старения членов 39 Секции и других психоаналитических групп, рассуждает о достижениях нынешнего поколения аналитиков и вызовах, с которыми столкнется следующее поколение специалистов в этой сфере.

1 Статья была опубликована online first 31 октября 2016 года и представляет собой немного измененную версию выступления на Весеннем собрании 39 Секции «Психоанализ» Американской психологической ассоциации 10 апреля 2016 года. Сохранен стиль статьи в форме беседы с коллегами.

Переведено и опубликовано с разрешения Американской психологической ассоциации. Все права защищены. Ассоциация не несет ответственности за перевод.

Когда меня спросили, о чем я хочу поговорить в своем выступлении, я подумала о теме смертности. Мне было почти 70 лет, и у меня обнаружили серьезные проблемы со здоровьем. Крошечное пятнышко на моей щеке оказалось карциномой Меркеля, редкой и агрессивной формой рака кожи с неутешительным прогнозом. К счастью, болезнь была выявлена достаточно рано, и мой прогноз был отличным при условии, что мне немедленно сделают операцию и проведут длительный курс ежедневных сеансов лучевой терапии. Мне повезло. У меня был хороший дерматолог, мой жених (теперь уже муж), который настоял на том, чтобы я сразу пошла к врачу, и гистолог, который знал достаточно, чтобы распознать необычную опухоль Меркеля. На моем лице были заметны последствия операции, а затем и лучевой терапии, поэтому проблемы со здоровьем повлияли на мою работу, готова я была к этому или нет. Как и 22 года назад, когда у меня диагностировали агрессивный (но, в конечном счете, излечимый) рак груди, я была потрясена этим внезапным появлением старухи с косой. У меня практически не было факторов риска, и я надеялась, что мой здоровый образ жизни меня защитит.

Мои пациенты тоже были расстроены. Некоторые из них, одного со мной возраста, и те, с кем я работала много лет, никогда не задумывались о моем неизбежном старении и, в конечном счете, о моей смерти. Так же, как и о своей собственной. По крайней мере, не задумывались всерьез. И, хотя сейчас я оптимистично настроена на выздоровление, я уже вижу приближение своих похорон, и мои пациенты тоже. Размышления о смерти в 70 лет совсем не такие, как в 3 года, когда я впервые с ней столкнулась и встретила это новое знание истерикой, или в 9 лет, когда умерла моя мама, или в 35 лет (возраст, который Джон Апдайк назвал нашей «серединой»), или когда я достигла того возраста, в котором умерли мои родители, или когда я потеряла своего мужа, скончавшегося в возрасте 40 лет. И, несомненно, размышления о смерти уже другие в 80 или 95 лет.

Однако, к выбору этой темы меня подтолкнул другой опыт. Пару лет назад одна из студенток моей супервизорской группы обратилась к своим сокурсникам 20–30-ти с небольшим лет, попросив совета у тех, кто имеет опыт работы с пациентами старших возрастных групп. Что нового они узнали о психотерапии с пожилыми людьми? Несколько студентов присоединились к дискуссии. Я стала замечать, что, разговаривая между собой, они украдкой поглядывают на меня, и спросила, не стесняются ли они говорить о пожилых людях в присутствии пожилого преподавателя.

С некоторым смущением они кивнули. И тогда я начала рассказывать, как о положительных, так и об отрицательных сторонах жизни после 65 лет. Этот возраст Эрикссон (1950) определил как начало старости. Кстати, в более поздние годы он не раз заявлял, что, если бы писал свою теорию развития тогда, то разделил бы годы после 65 лет и не объединял бы психологию 65-летних с психологией 95-летних. Позже, в 1997 году, Джоан Эрикссон (Joan Erikson) добавила материал к их книге «Завершение жизненного цикла», в которой рассматривается стадия «пожилого возраста» и концепция «геротрансценденции» (Erikson & Erikson, 1997). А в 2001 году Марсия Спира (Marcia Spira) и Барбара Бергер (Barbara Berger), в очередной раз корректируя исторически сложившуюся

мужскую направленность психоаналитических теорий и выступая против культурно обусловленного представления о том, что женщинам после менопаузы место «на свалке развития», постулировали «предпоследнюю» фазу у женщин в возрасте от 55 до 70 лет, в которой преобладает генеративность² (Spira & Berger, 2001).

Спустя несколько недель после нашей дискуссии в супервизорской группе мои студенты сказали, что для них было открытием узнать о положительных аспектах старости: о возросшем принятии себя и принятии других, о том чувстве легкости, когда гормоны уже не играют в человеке как раньше, о том, что тщеславие и соперничество отошли на второй план, о счастье иметь внуков, об удовольствии проводить время с ровесниками и делиться общими воспоминаниями, о безмятежности и чувстве меры. Я рассказала им о Хедде Болгар (Hedda Bolgar), которая в возрасте 104 лет сказала, что теперь ей уже не нужно никому ничего доказывать, она чувствует себя спокойно и уверенно и терпимее относится к другим людям. Современная западная культура дала моим студентам довольно скудное представление о чувстве удовлетворения, возникающем в старшем возрасте. Никто никогда не говорил с ними о позитивной стороне старения.

И, наконец, еще одно событие последнего десятилетия, которое в то время показалось мне довольно забавным, побудило меня поразмышлять и сегодня поговорить о смерти и ограниченности в целом. В 2007 году, сразу после того как Стэнли Гринспен (Stanley Greenspan) опубликовал первое издание «Руководства по психодинамической диагностике» (РПД; PDM Task Force, 2006), руководители комитетов проекта обратились к читателям с просьбой поделиться своими замечаниями и предложениями о том, что для них оказалось полезным в РПД, что они считают неправильным или чего в нем не хватает. Одним из первых откликнулся психиатр-геронтолог из Лос-Анджелеса Дэниел Плоткин (Daniel Plotkin), который задал вопрос: «Вы позиционируете данный труд как биопсихосоциальный, учитывающий особенности развития, и охватываете вопросы младенчества, детства и взрослой жизни. А что насчет пожилых людей?». Авторы РПД переглянулись в растерянности, как бы говоря: «Пожилые? Что за пожилые?!» Довольно предсказуемая реакция на такое упущение, учитывая, как мало внимания любая таксономическая система уделяет людям в преклонном возрасте. Но в случае с авторами РПД такая реакция может вызвать вполне справедливое удивление, потому что средний возраст людей, участвовавших в подготовке руководства, составлял, по моим подсчетам, около 75 лет, а некоторым было под 90. Получается, что представителей нашей возрастной категории просто проигнорировали.

2 Генеративность — интерес к следующему поколению и его воспитанию, проявляемый в продуктивности и созидательности в различных сферах жизни у человека, достигшего 40 лет и положительно переживающего свойственный этому возрасту кризис (<https://psychology.academic.ru>). Прим. редактора

СМЕРТНОСТЬ, ОГРАНИЧЕННОСТЬ, ПСИХОАНАЛИЗ

В моем возрасте, когда я слышу водопад вдалеке, скоротечность времени по-новому определяет все мои планы и ожидания. Зная о некоторых событиях из моего детства, вы можете понять, что проблема смертности и ее последствий давно тревожит меня. Сейчас я знаю множество коллег-психоналитиков моего возраста, которые, независимо от их прошлого, тоже об этом думают, возможно, по-новому, как и я. Мне кажется, что, как профессионалы в области психоанализа, мы должны, как это традиционно делают аналитики, вместе говорить на темы, которые трудно удержать в сознании и которые не принято обсуждать в нашем обществе. О старости, смерти и других непреложных реалиях нужно говорить с коллегами всех возрастов.

Я все чаще замечаю, что мы уже это делаем. На недавней конференции в Нью-Йорке Мартин Стивен Фроммер (Martin Stephen Frommer), Малкольм Славин (Malcolm Slavin), София Ричман (Sophia Richman) и Дэвид Ньюман (David Newman) обсуждали вопросы смертности и психоанализа. На этом Весеннем собрании (Spring Meeting) несмотря на то, что его тематика, казалось бы, предполагает вопросы, скорее, связанные с влечением к жизни, чем влечением к смерти, неоднократно обращалось внимание

Периодически мы все слышим от Американской психологической ассоциации, что нам следует иметь профессиональное завещание. «Очень хорошая идея», — каждый раз думаю я, перенося ее из одного списка дел в другой.

на отношения между ограничениями и творчеством. Так, например, был мастер-класс Юдит Юнг (Yudit Jung) о перверсии как умирании для того, чтобы жить, а также обсуждения, посвященные старению в психоанализе, завершению, травме и творчеству, сексу в пожилом возрасте, потере и жизнестойкости, болезни терапевта.

Однако, я не вижу доказательств того, что психоналитики спокойнее других относятся к смерти, как это видно в случае с РПД. Тем не менее, это неотъемлемая часть нашего профессионального Эго-идеала: разобраться в последствиях любого тревожащего нас опыта. Несколько десятилетий назад Эрнест Беккер (Ernest Becker, 1973) порицал Фрейда за то, что тот не стал углубляться в изучение последствий страха перестать существовать, реальности, которую Фрейд, вероятно справедливо, считал непостижимой для огромной бессознательной части психики. Я помню, как Эрик Эрикссон однажды прокомментировал то, что он назвал «дрожь Эго» (ego chill) — состояние, которое испытывает человек, когда он пытается отбросить все другие мысли и думает о прекращении существования. Попробуйте, это действительно пугающе.

Наш вид имеет долгую историю попыток найти то, чем мы качественно отличаемся от других животных, — похоже, для присущего нам нарциссизма важно во всеуслышание заявить о собственной уникальности.

В начале 1980-х годов, задолго до появления большого количества психоаналитической литературы о тяжелой болезни терапевтов (например, Pizer, 1997), моя коллега Пегги ван Раалте (Peggy van Raalte, 1984) написала докторскую диссертацию о том, что происходит с людьми, чьи терапевты умирают во время лечения. Один из наиболее впечатляющих результатов ее исследования показал, что в случаях длительной и, в конечном счете, неизлечимой болезни терапевта те клиенты, которые заметили изменения, происходящие с их терапевтом, и на вопросы которых терапевт отвечал честно, как правило, легче справлялись с утратой. Те же клиенты, чьи терапевты пытались продолжать работать как обычно, не обсуждая с пациентами вопросы своего здоровья, как правило, впоследствии испытывали трудности с доверием к любому другому терапевту после смерти своего специалиста. Кроме того, они чаще испытывали вину, связанную с потерей («Если бы только я был более интересным...»). В случае внезапной смерти терапевта некоторые шли к другому специалисту, которого затем обесценивали и покидали (возможно, из-за идентификации с агрессором, покидая этого терапевта подобно тому, как их покинул прежний терапевт); большинство из них более или менее сошлись с другим специалистом, который помог им справиться с горем. В целом, лучше всего справились с утратой те пациенты, к кому обратился «посредник» и предложил консультацию по поводу их глубокой скорби.

Такие выводы имеют важное клиническое значение. В ходе психоанализа устанавливается сильная привязанность. Нам нужна эта сила в терапевтических отношениях, чтобы помочь людям освободиться от глубокого, обусловленного множеством причин страдания. Но сила привязанности, необходимая для излечения, может нанести и неменьший вред. Учитывая, что наша смерть может травмировать тех, кто от нас зависит, я особенно заинтересовалась беседами ван Раалте с несколькими очень пожилыми аналитиками, которых она спрашивала об их отношении к собственной смерти. Большинство из них подчеркнули, что им еще рано об этом беспокоиться; они здоровы, хорошо питаются, занимаются физкультурой...

Таким образом, совершенно очевидно, что все мы, как аналитики, так и неспециалисты, разбираемся с вопросом о смерти, преимущественно диссоциируясь от любого Я-состояния, в котором ее можно увидеть. Ещё одно доказательство такого избегания, которое я замечаю у себя и у многих коллег, признающих в схожем сопротивлении, — это нежелание позаботиться о будущем наших пациентов на случай, если мы умрем или будем не в состоянии работать с ними. Периодически мы все слышим

от Американской психологической ассоциации, что нам следует иметь профессиональное завещание. «Очень хорошая идея», — каждый раз думаю я, перенося ее из одного списка дел в другой.

Еще один исторически сложившийся способ справиться на интеллектуальном уровне с осознанием своей неизбежной кончины заключается в утверждении, что наше знание о том, что мы в конце концов умрем, происходит от пронизательности, присущей исключительно человеку и одновременно являющейся его проклятием. Одним из примеров такого предположения является высказывание, которое любит приводить мой друг Джордж Этвуд (George Atwood), приписывая его Паскалю: «Человек — самое прекрасное существо во вселенной, потому что он — единственный, кто осознает, что его жалкое существование в конце концов прекратится».

Подобные взгляды мешают нашему тщеславное убеждение в человеческой исключительности. Наш вид имеет долгую историю попыток найти то, чем мы качественно отличаемся от других животных, — похоже, для присущего нам нарциссизма важно во всеуслышание заявить о собственной уникальности. Было предложено множество качественных отличий: использование орудий труда, использование языка, использование символов, способность к абстрактному мышлению, теория разума — все они, в конечном счете, оказались отличиями степени, а не качества, по крайней мере, от некоторых других существ. Только ли у нас есть понятие о смерти, о неизбежности того, что мы все умрем? Я в этом сомневаюсь. Слоны способны скорбеть, а вороны по очереди сидят со своими смертельно больными сородичами до самого конца. Учитывая вышесказанное, нам придется поискать что-нибудь другое, чем можно себя утешить.

СТАРЕНИЕ

Если временно отвлечься от рассмотрения вопроса о смерти, что можно сказать о процессе старения? Возможно, он начинается с момента рождения, но в моем возрасте игнорировать его становится все труднее. Физический упадок — это неприятно, но больше всего меня беспокоит психическая составляющая. Я совсем не ожидала, что когда-нибудь мой собственный разум начнет меня подводить. Я не могла представить себе эту потерю в более молодом возрасте, мой разум — это «я», и он ощущается как непреходящий. Но сейчас я являюсь наглядным примером стихотворения Билли Коллинза (Billy Collins) (1999) «Забывчивость», которое я не могу не процитировать полностью для тех, кто с ним не знаком:

Имя автора первым уходит из памяти.
Вслед за ним послушно название и сюжет,
Разбивающая сердце развязка, весь роман,
Который вдруг окажется таким, словно ты его не читал,

И даже не слышал о нем.
Как будто дорогие воспоминания
Убегают в южное полушарие мозга,
В маленькую рыбацкую деревушку без телефона.

Именам девяти муз давно ты подарил прощальный поцелуй,
И видел, как квадратное уравнение пакует свои вещи.
И даже сейчас, когда вспоминаешь строй планет,
Что-то другое ускользает — цветок штата,
Адрес дяди или столица Парагвая.

То, что ты старательно пытаешься вспомнить,
Что вертится у тебя на кончике языка,
Застряло где-то в темном уголке твоей селезенки,

Оно уплыло вниз по темной мифологической реке,
С названием на букву «Л», насколько можешь ты припомнить,
На твоем собственном пути к забвению, где устремись
К тем, кто забыл, как нужно плавать и ездить на велосипеде.
Неудивительно, что ты встаешь среди ночи, чтобы вспомнить
Дату знаменитого сражения, листая книгу о войне.
Неудивительно, что и луна в окне как будто выплыла
Из стихотворения о любви, которое ты когда-то помнил наизусть.

Перевод Ирины Ондроновой. Приводится с разрешения автора

В моём случае это имена, которые я не всегда могу сразу вспомнить, как и существительные в целом. У меня случается та самая «старость — не радость», когда я теряю часы, очки, ключи от машины, когда забываю, выключила ли я отопление, отправила ли благодарственное письмо, когда не могу вспомнить, зачем поднялась наверх. Мне приходится спрашивать своих учеников, не рассказывала ли я им свою любимую историю или анекдот. Когда на этой встрече я вижу тех, кого знаю и люблю уже много лет, иногда мне требуется время, чтобы из закромов своей памяти достать нужное имя, и от этого мне становится немного не по себе (к счастью, есть бейджики). Только молодой Фрейд мог приписать все забывание бессознательному конфликту.

Раньше я помнила пациента, о котором супервизант говорил неделю или две назад, а теперь мне приходится просить вкратце рассказать о нем, пока в уме не всплывет набор знаний, образов и ассоциаций, которые начинают складываться в общую картину, о проблемах пациента и о том, как они проявляются в интересующем

пространстве терапевта и пациента. Интересно, сколько ещё лет у меня есть, прежде чем эти небольшие, накапливающиеся проблемы нанесут ощутимый вред моей способности преподавать, проводить эффективную психотерапию и супервизию. (Уже сейчас я стараюсь не записывать пациентов на 15:00, потому что мне нужно вздремнуть.) И в то же время я вижу постоянные доказательства полезности накопленных мной знаний для людей, которых я консультирую.

Мне вспоминается мой супервизор, который со мной работал в середине 70-х годов. Его беспокоило ухудшение умственных способностей коллеги, вероятно, из-за болезни Альцгеймера, а также ее упорство в намерении продолжать практику. И он попросил своих студентов сообщить ему, когда его пора будет отправить на пенсию. Мы были обескуражены этой просьбой, ведь мы идеализировали его и не могли представить, что он может начать умственно деградировать. Но мы постигли нечто ценное в том, что он предвидел и неизбежную потерю работоспособности, и вероятную утрату способности здраво оценить ее наиболее болезненные последствия. Кстати, он все еще практикует, ему 90 лет, и, как многие аналитики, которых мы все знаем, он все еще способен устанавливать блестящие, интуитивные, терапевтические связи, несмотря на умственные ограничения, с которыми он борется.

Нам, аналитикам, необычайно повезло: в отличие от большинства профессий в контексте стремительно меняющейся глобальной технологической культуры наша ценность как специалистов, по общему мнению наших коллег, увеличивается с возрастом.

Идея о том, что мудрость — это своего рода утешительный приз за старение и что она компенсирует менее приятные его последствия, не совсем фантазия; нейробиологи начинают описывать нам специфику этой сделки в биологических и химических терминах. Нам, аналитикам, необычайно повезло: в отличие от большинства профессий в контексте стремительно меняющейся глобальной технологической культуры наша ценность как специалистов, по общему мнению наших коллег, увеличивается с возрастом. И в среднем аналитики (по крайней мере, аналитики-мужчины, исследований с участием женщин не проводилось) живут дольше, чем представители других профессий (Jeffery, 2001). Не всякая потеря функций равносильна полной потере, некоторые потери могут даже освободить место для новых возможностей. И все же я думаю, что мы должны вместе обсуждать вопросы, касающиеся ведения практики в пожилом возрасте, например, как, когда и по каким причинам уходить на пенсию, или уменьшать объем работы, или же продолжать работать с учетом наших ограничений. Каждый из нас примет свое решение, с его плюсами

и минусами. Вместе с тем, коллективное рассмотрение этих вопросов может принести нам пользу.

Ограниченность — это не новое понятие для психоаналитиков, оно восходит, как минимум, к фрейдовской формулировке взросления, связанной с отказом от принципа удовольствия в пользу принципа реальности, конечным прототипом которого является реальность смерти. Его внимание к ограничениям соответствует умеренной, осторожной, зрелой европейской интеллектуальной перспективе, сильно расходящейся с более «подростковыми» американскими представлениями, которые могут объединять, как показала недавняя избирательная кампания, чувство исключительности, непобе-

Соединенные Штаты были основаны на радикальной локковской метапсихологии, предполагающей неограниченные ресурсы, безграничный потенциал, неизбежность прогресса и уверенность в том, что все проблемы можно решить с помощью здравого смысла и находчивости

димости и необоснованный оптимизм по поводу того, что все будет хорошо, если только приложить усилия.

Как утверждает Джордж Макари (George Makari, 2015), Соединенные Штаты были основаны на радикальной локковской метапсихологии, предполагающей неограниченные ресурсы, безграничный потенциал, неизбежность прогресса и уверенность в том, что все проблемы можно решить с помощью здравого смысла и находчивости (и, можно добавить, с отрицанием геноцида, необходимого для поддержания этой мифологии). Мы, американцы, внушаем нашим детям идею психотического всемогущества, что они могут быть теми, кем захотят, и могут достичь всего, что задумают, — и это чревато депрессией, когда сталкиваешься с реальностью собственной ограниченности.

Другой способ представить наше культурное окружение и отметить расхождение психоанализа с мейнстримом заключается в том, что большинство американцев придерживаются, скорее, комического, чем трагического видения человеческой жизни, стремления к счастью, а не примирения с неизбежной болью. Многие из вас знакомы с интересным различием, проведенным Мессером и Винокуром (Messer & Winokur, 1984) в терминах комического и трагического между образом мысли психологов американской бихевиористской традиции, с одной стороны, и мировоззрением психоаналитических мыслителей, находящихся под влиянием европейских идей, с другой.

В комической концепции ограничения оспариваются и преодолеваются, трудности в конце концов разрешаются и люди живут долго и счастливо. Дайте нам симптом, и мы применим технику, которая его устранил. Проблема решена. Стивен Рейснер (Steven Reisner, 2016) назвал это явление «коммодификацией симптома» (commodification of the

symptom) и отметил, что оно лишает нас возможности увидеть в страдании более широкий смысл. Это не совсем в духе древних греков, которые почитали ограничения времени, судьбы и деяний богов и придерживались точки зрения о том, что самые болезненные жизненные исходы обусловлены человеческой надменностью и склонностью отрицать ограничения. По своему темпераменту большинство аналитиков скептически относятся к комическому видению и предпочитают либо видение трагическое, либо, как сформулировал Фрэнк Саммерс (Frank Summers, 2011), романтический взгляд, который также подчеркивает ограничение.

Все это тесно связано с нашим культурно обусловленным отношением к смертности. Если мы мало говорим и размышляем о нашей естественной ограниченности, а также окружаем угасание и смерть практиками, воплощающими различные версии отрицания (как отмечала Джессика Митфорд (Jessica Mitford, 1963), а также многие другие после нее), то упускаем возможность оценить то, что наша ограниченность может нам дать в психологическом плане, или то, что может перед нами открыться после неизбежного завершения жизни. Мне кажется, в какой-то степени наша проблема заключается в том, что у нас нет наглядного опыта «контрольной группы» относительно смертности. У нас нет эмоционального представления о том, какими бы мы были в мире, в котором мы жили бы вечно. Но я подозреваю, что Джеймс Гротштейн (James Grotstein) (цитируется по К. Gentile, 2016) был прав, когда говорил о «мучительном чувстве бесконечного». Бессмертие может быть просто невыносимым. И у нас, действительно, иногда возникает мысль о том, что смерть — это избавление. Когда человек достигает глубокой старости, когда он болен или устал, смерть может стать для него благословением. Мне рассказывали, что однажды драматурга Артура Миллера спросили, хотел ли бы он жить вечно, а в то время он был уже в преклонном возрасте. Он ответил отрицательно, заметив, что вечность не «даст мне ничего, чем можно было бы измерить мою жизнь».

Дух индивидуализма, который пропитывает американскую мифологию, мешает нам разобраться в нашем отношении к смертности. В культурах, представители которых чтят своих предков, или сохраняют устные традиции своего племени из поколения в поколение, или обладают большей географической устойчивостью, чем наша беспокойная, не имеющая корней цивилизация, по-видимому, существует некое ощущение связности более крупной общности людей, когда отдельные ее представители покидают этот мир. Напротив, в обществе, которое организует политическую жизнь в соответствии с личными правами и почти не говорит об общественных обязательствах, а тем более о жертвах ради общего блага, люди склонны думать о себе как об изолированных, наделенных правами единицах. Следовательно, наступление смерти воспринимается как потеря всего ценного.

Бессмертие может быть
просто невыносимым.
И у нас, действительно,
иногда возникает мысль о том,
что смерть — это избавление.

Идеология потребления, господствовавшая в американской экономической жизни с середины XX века, эксплуатировала нашу склонность мыслить в контексте неограниченных удовольствий. Публичный дискурс изобилует намеками на то, что получение желаемого, того, на что человек «имеет право», того, что он «заслуживает», приравнивается к удовлетворенности жизнью. Это обращение к нашим, якобы, неутолимым желаниям и безграничному нарциссизму, что особенно бросается в глаза в коммерческой рекламе и других попытках заставить нас что-то купить, основывается как на бихевиористских, так и на психоаналитических суждениях. Например, Джон Уотсон (John Watson, 1930), потеряв место в Университете Джонса Хопкинса из-за личного скандала, стал руководителем в рекламном агентстве Дж. Уолтера Томпсона, где с энтузиазмом принялся за работу по формированию предпочтений американского потребителя через обусловливание. Племянник Фрейда Эдвард Бернайс (Edward Bernays, 1928), которого часто называют «отцом пиара», был первым, кто предложил продавать продукцию, в рекламе которой присутствовал бы скрытый намек на то, что ее потребители получают более длительный и яркий секс. В противоположность патологии потребительства, которой страдают Соединенные Штаты, приведу японскую поговорку, согласно которой истинное счастье не в том, чтобы получить то, что хочешь, а в том, чтобы захотеть то, что имеешь. Большинству жителей Запада эта идея не очень близка, но большинство аналитиков с ней знакомы, учитывая то, что мы неоднократно наблюдаем в ходе работы с пациентами.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПСИХОАНАЛИТИКОВ

Как эти размышления влияют на нашу работу в качестве психоаналитических терапевтов, супервизоров, консультантов, ученых и преподавателей? Хотя многие современные исследователи в области психотерапии определяют прогресс по поведенческим изменениям, которые можно проследить, аналитические терапевты заинтересованы именно в том, чтобы помочь людям принять то, что нельзя изменить. В отличие от идей американского движения позитивной психологии, уделяющей основное внимание достижению счастья, психоаналитики считают, что важнейшей составляющей психологического здоровья является способность переносить страдания. Фрейд не шутил, когда говорил, что задача психоанализа заключается в том, чтобы заменить невротическое страдание обычной человеческой болью. Подчинение тому, что больше нас — это, как изящно сформулировал Эммануэль Гент (Emmanuel

Публичный дискурс изобилует намеками на то, что получение желаемого, того, на что человек «имеет право», того, что он «заслуживает», приравнивается к удовлетворенности жизнью.

Ghent, 1990), необходимая составляющая жизни человека, которая даже приносит некое удовлетворение.

Такое понимание можно найти во всех основных психоналитических направлениях: в утверждениях Фрейда о том, что наша смертность стимулирует наше творчество; в работе Кернберга (например, Kernberg, 2008) о том, что излечение от пагубной нарциссической патологии подразумевает принятие смерти и конечности времени; в концепции Лакана (Lacan, 1989) об «имени» или «нет» отца (игра слов «*nom*» — имя и «*non*» — нет); в концепции «третьего», который вмешивается в пару «делающий–подвергающийся действию» (*doer–done to*) и открывает трансформирующее пространство (Benjamin, 2004); в манифесте сэлф-психологии Лихтенберга и Вольфа (Lichtenberg & Wolf, 1997), первый принцип которой соединяет усиленное ощущение Самости, развитие творчества и принятие смертности. Работа Карло Штрэнгера (Carlo Strenger, 2009), посвященная среднему возрасту, схожим образом соотносит творчество с принятием смерти и предела. О том же говорит и Спирос Орфанос (Spyros Orfanos, 2006), исследуя миф о Прометее. Сюда же можно отнести размышления Леан Нгуен (Leanh Nguyen, 2007) о жертвах травм и пыток, которые уничтожили смертность и сопутствующее ей творчество. Подобное восприятие можно найти и в сборниках трудов различных авторов по психодинамике, например книге 2007

Когда наши пациенты реагируют на невзгоды жалобой «Почему я?», мы можем проявить сочувствие, но мы также можем ответить «А почему нет? Беда может случиться с каждым из нас».

года под редакцией Брента Уиллока, Лори Бом и Ребекки Кертис «О смерти и конце» (Willock, Bohm, & Curtis, 2007).

Аналитические терапевты понимают процесс принятия того, что нельзя изменить, как включающий в себя создание отношений, когда мы можем называть свои желания, выражать свой гнев по поводу неполученных удовольствий, которые мы, возможно, заслужили, и пройти через процесс горя, который завершается переходом к удовлетворению тем, что можно получить, вместо того, чтобы пребывать в состоянии негодования или вечной жертвы. Когда наши пациенты реагируют на невзгоды жалобой «Почему я?», мы можем проявить сочувствие, но мы также можем ответить «А почему нет? Беда может случиться с каждым из нас». Фрейд первый известный мне писатель, который назвал скорбь «работой». На мой взгляд, это одно из его самых блестящих умозаключений. «Работа скорби» (*mourning labor*) — это, своего рода, тяжелый труд, которому мы сопротивляемся и к которому в то же время стремимся, когда участвуем в процессе, который он назвал «проработкой» (*working through*).

Марта Старк (Martha Stark, 1994) и другие пошли еще дальше, заявив, что психоаналитическая терапия сама по себе является длительным процессом горевания (grieving). Ранее Хендрик Руйтенбек (Hendrik Ruitenbeek, 1983) говорил, что задача анализа скорби по собственной возможной смерти вывести эту проблему из бессознательного, где, по его мнению, она мешает эмоциональному созреванию пациента. Мы, терапевты, можем помочь пациентам принять ограниченность как банальными способами, например, небрежно заметив: «Да, я подозреваю, что ваш муж никогда уже не будет нормально убирать за собой», так и способами, которые повлекут радикальные последствия, например, открыто заявив человеку, пережившему множество психологических травм, что, хотя он и может надеяться на то, что его жизнь наладится, он никогда больше не будет таким, каким был до обрушившихся на него несчастий.

И теперь мы, похоже, соглашаемся с тем, что, в отличие от убеждений, проникнутых комическим умонастроением, в том смысле, что скорбь «проходит» или что люди, столкнувшиеся с потерей, затем примиряются с ней, скорбь не заканчивается никогда. Такое мнение высказал Питер Шабад (Peter Shabad, 2001), а затем и Мэрилин Мак-Кейб (Marylin McCabe, 2003), и многие другие авторы-аналитики. Кроме случаев, когда человек постоянно находится в параноидно-шизоидной позиции, за каждым достижением в области развития следует печаль по поводу ограниченности. Вместо того, чтобы, в конечном счете, прекратиться, скорбь становится предпосылкой для возникновения благодарности, сопереживания и генеративности. Повреждение является источником возможного исцеления.

ТВОРЧЕСТВО И ГЕНЕРАТИВНОСТЬ

В традициях великой духовной и религиозной мудрости говорится о том, что за потерей следует приобретение; что скорбь о том, чего нет, порождает осознание ценности того, что есть; о спокойствии, которое приходит, когда не гонишься за тем, чего не может быть; и о том, что творчество может возродиться, подобно фениксу, из пепла опустошенности. Принятие ограниченности через процесс горя, по-видимому, является лучшим доступным нам лекарством от нарциссических фантазий о всемогуществе и безграничности. Говоря нашим детям о том, что их потенциал безграничен, мы, вероятно, оказываем медвежью услугу даже самым талантливым из них. Безграничность — слишком обширная рамка для того, чтобы наладить жизнь, наполненную смыслом.

С точки зрения клинической практики, разочарование может оказаться полезным. Это нелегкий урок для тех из нас, у кого большое сердце и кто терпеть не может разочаровывать своих пациентов. По мере того, как я росла как терапевт, мне пришлось научиться чувствовать себя спокойно в тех случаях, когда я говорила пациентам об ограниченности, и относиться терпимо к их ярости и горю. Поначалу я была склонна воспринимать невротически несчастных или травмированных людей, скорее, как голодных детей, нуждающихся в нормальном питании, чем как злых и агрессивных, нуждающихся в том, чтобы реагировать на существование объективной ограниченности

болезненным протестом, который нужно было понять и принять, особенно когда миссией для их яростных протестов была я.

Материнство помогло мне с тем, что когнитивно-поведенческие терапевты называют «когнитивным рефреймингом». Например, когда одной из моих дочерей было около семи лет, я сказала ей, что к концу дня она должна прибраться в своей комнате. Она сердито выскочила из дома во двор с воплями о том, что ненавидит меня. Я крикнула ей вслед: «Ты можешь меня ненавидеть, но тебе все равно придется убрать в своей комнате». Она вернулась, просунула голову в дверь, заявила: «И вообще, ты мне *никогда* не нравилась!» и захлопнула дверь за собой. Но она все-таки прибралась в своей комнате. Что еще важнее, она, по-видимому, осталась очень довольна тем, как по-новому разложила свои вещи.

По мере профессионального роста я испытывала все меньше затруднений при установлении реалистичных ограничений; в этом мне помогли работы по психоанализу, особенно, вероятно, идея Винникотта (Winnicott, 1968) о том, что маленьким детям нужно «уничтожить» мать, а затем усвоить на эмоциональном уровне тот факт, что она пережила их разрушающее воздействие — это один из его самых ярких примеров взаимосвязи между ограничением и взрослением. Рост, который

Я крикнула ей вслед: «Ты можешь меня ненавидеть, но тебе все равно придется убрать в своей комнате». Она вернулась, просунула голову в дверь, заявила: «И вообще, ты мне *никогда* не нравилась!» и захлопнула дверь за собой. Но она все-таки прибралась в своей комнате.

происходит, когда отказываешься от фантазии о том, что у тебя может быть все, в том числе и взаимоисключающие вещи, бесценен.

Микаэл Балинт (Michael Balint) полагал, что область созидания, по сути, безобъектна, и, следовательно, поскольку ее нельзя изучить в контексте переноса, она более загадочна, чем эдипова область или область базисного дефекта, которые обнаруживаются непосредственно в межличностном пространстве терапии. Я соглашусь с загадочностью, но не уверена, что Балинт был прав насчет безобъектности. Обычно в периоды моего кратковременного пребывания в области созидания я ощущаю ясную, непрерывную связь с интернализированным объектом, моей идеализированной мертвой матерью, чью «миссию» я продолжаю, — данный процесс типичен для нормального процесса скорби, который подробно рассмотрел Отто Кернберг (Otto Kernberg, 2010) в своей трогательной работе, написанной после смерти жены Паулины. Граница смерти создала пространство для восстановления и продолжения.

Также имеются эмпирические основания для того, чтобы сделать вывод о наличии связи между пережитым в детстве опытом столкновения с реальностью смерти

и последующим развитием творческой деятельности. Моя бывшая студентка Аннализа Эрба, написавшая докторскую диссертацию (Erba, 2003) о взаимосвязи между потерей родителей в детском возрасте и творческой деятельностью, нашла статью в журнале «American Psychologist» (Eisenstadt, 1978) и более позднюю книгу в соавторстве (Eisenstadt, Haynal, Rentchnick, & De Senarclens, 1989), где Дж. М. Айзенштадт рассматривает многочисленные доказательства того, что тяжелая утрата в детстве коррелирует с развитием творческой деятельности во взрослом возрасте. В этом контексте, кстати, я рекомендую также книгу Филлис Коэн и Марка Соссина «Исцеление после потери родителей в детстве» (Cohen & Sossin, 2014).

При потере главного объекта любви в любом возрасте у того, кто остался жить, возникает чувство вины, и человек продолжает жить дальше как за себя, так и за умершего человека. Стремление побороть чувство вины, безусловно, является фактором, благодаря которому тяжелая утрата может стимулировать жизненную активность. Если ребенок считает, что его собственные враждебные фантазии тем или иным образом убили объект его любви, у него возникнет потребность компенсаторно искупить свою вину добрыми делами. Это стремление к искуплению, возможно, проявляется особенно сильно, когда существует реалистичная, а также бессознательная всемогущая невротическая вина. Однажды Адлая Стивенсона (Adlai Stevenson) попросили утешить мальчика, который случайно застрелил своего юного друга. Обратились именно к Стивенсону, потому что в детстве он сам оказался в такой же ситуации: когда ему было 12 лет, на вечеринке у себя дома он случайно выстрелил в 16-летнего друга своей сестры из пистолета, который, как полагали, не был заряжен. Ранение оказалось смертельным. Стивенсон посоветовал матери мальчика, пережившего такой же опыт, какой пережил он сам, сказать ее подавленному сыну, что «он должен жить за двоих» (McKeever, 1991).

И есть также простой факт, что если родителя нет в живых, то приходится его как бы «придумывать» («make it up») — очень практичный вид творчества, обусловленный отсутствием модели для собственной жизни. Представители моего поколения, живущие сейчас в среднем беспрецедентно долгой и здоровой жизнью, обнаруживают, что им приходится придумывать её похожим образом. Среди нас достаточно много тех, кто исследует эту новую область здоровья и жизненных сил после 70, и, возможно, нам тоже будет что рассказать о том, что значит жить хорошо в преклонном возрасте.

Но, я думаю, что главным фактором, способствующим творческой мобилизации ресурсов в ответ на потери и ограничения, является крепко усвоенный урок, что жизнь непредсказуема и все, что угодно, может случиться с кем угодно в любом возрасте. Живи сейчас, ибо завтра, в буквальном смысле, ты можешь умереть. Смерть любимых друзей

Стремление побороть чувство вины, безусловно, является фактором, благодаря которому тяжелая утрата может стимулировать жизненную активность.

и родственников может заставить некоторых из тех, кто остался жить, почувствовать, что жизнь бессмысленна, мы часто наблюдаем таких подавленных людей в ходе терапии. И все же, похоже, что это помогает другим понять, что лучше жить полной жизнью в тот короткий срок, который нам отведен. И когда мы работаем с полностью омертвевшими пациентами, пережившими то, что они воспринимают как невыносимую потерю, процесс скорби может вернуть им жизненные силы.

Схожим образом люди, у которых диагностированы неизлечимые заболевания, часто говорят, что теперь они наслаждаются жизнью, более остро ощущая ее ценность. Или в их творчестве происходит резкий скачок, подобный тому, который мы недавно наблюдали у Дэвида Боуи (David Bowie). Эрик Фейр (Eric Fair), сотрудник разведки Агентства национальной безопасности, который недавно опубликовал пронзительную автобиографичную книгу «Следствие. Воспоминания» о своей причастности к пыткам в Ираке, обнаружил у себя серьезное заболевание сердца, от которого он чуть не умер; в дальнейшем он перенес пересадку сердца, которая продлила ему жизнь, но, вероят-

Большинство из нас лечили пациентов, которые, возможно, и не пережили страдания, причинившие непоправимый вред их здоровью, но которые «застыли» в психологическом плане и словно ощущают странное безразличие к тому, чтобы продолжать жить дальше.

но, самое большее, на пару десятилетий (Fair, 2016). Гнетущее ощущение того, что время уходит, побудило его дописать книгу за то время, которое у него еще оставалось.

Возникает вопрос, каковы те сложные психологические последствия, которые испытывают люди, живущие в нашу эпоху, в которой впервые в истории человечества снизилась смертность при родах, так же, как и ранняя детская смертность от болезней, а продолжительность жизни увеличилась по сравнению с поколением, не знавшим пенициллина. Одним из последствий является чувство облегчения и безопасности, но возможно ли, что люди также стали сильнее ощущать внутреннюю опустошенность, экзистенциальное отчаяние и перестали осознавать, что нужно спешить жить полной жизнью? Никто из нас, скорее всего, не променял бы нашу довольно значительную продолжительность жизни на ту, что была в предыдущую эпоху, и все же редкие изменения полностью обходятся без каких-либо потерь.

Большинство из нас лечили пациентов, которые, возможно, и не пережили страдания, причинившие непоправимый вред их здоровью, но которые «застыли» в психологическом плане и словно ощущают странное безразличие к тому, чтобы продолжать жить дальше. Они могут пассивно ждать, пока мы скажем им, что и как делать, или тратят все время сессий, жалуясь на несправедливость жизни, или теряются в попытках найти ответ на вопрос: «А что, если?», вместо того чтобы подумать: «А что есть сейчас

и какие варианты возможны, учитывая то, что имеется в данный момент?». Они ждут, когда изменится что-то внешнее. Они убивают время. Они затягивают терапию, которая истощает жизненные силы обеих сторон, в надежде, что вознаграждение, которое они должны были получить, когда были моложе, внезапно появится само собой в ходе терапии, и они воспринимают нас как враждебных, лишаящих и/или некомпетентных, когда мы тактично предполагаем, что этого не произойдет. Несмотря на то, что время может быть нашим единственным невозобновляемым ресурсом, такие пациенты, похоже, не ощущают время как нечто преходящее.

Пока такие клиенты не получают первый «тревожный звонок», пока они «не опустятся на самое дно», или вдруг не заболеют, или пока их не вдохновит образ жизни, отличающийся от привычного американского «получи, потрати и блаженствуй», им, похоже, будет очень трудно помочь. Напротив, пациентам, пережившим ужасные несчастья и ставшим инвалидами, терапия может помочь достигнуть значительного прогресса в адаптации к их серьезным трудностям. Наши подавленные пациенты часто говорят нам: «Какое это имеет значение? Мы все равно умрем». И все же, возможно, именно тот факт, что конец ожидает всех нас, придает нашей жизни смысл.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СЕКЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Средний возраст членов 39-й Секции, как мы с беспокойством отмечали на нескольких заседаниях Правления, продолжает увеличиваться. В нашу эпоху рост численности населения произошел за счет скачка рождаемости в годы после Второй мировой войны; последующее поколение не столь многочисленно и не проявляет особого энтузиазма участвовать в повышении рождаемости. За последнее десятилетие мы, как представители когорты родившихся в послевоенные годы, потеряли многих дорогих нам людей старшего поколения, как членов Секции психоанализа, так и других выдающихся аналитиков, среди которых Анн Аппельбаум (Ann Appelbaum), Мартин Бергманн (Martin Bergmann), Сидни Блатт (Sidney Blatt), Хедда Болгар (Hedda Bolgar), Норберт Фридман (Norbert Freedman), Джеймс Гротштейн (James Grotstein), Гарольд Сирлс (Harold Searles), Джеральд Стеклер (Gerald Steckler), Ханс Струпп (Hans Strupp), Йоханна Табин (Johanna Tabin), Роберт Валлерстайн (Robert Wallerstein) и Элизабет Янг-Брюль (Elisabeth Young-Breuhl). Не говоря уже об Оливере Саксе (Oliver Sacks), человеке, чья жизнь служит наглядным примером ценности многолетней терапии (50 лет в психоанализе, блестящая карьера и достойная жизнь (Sacks, 2015)). Насколько я знаю, не осталось никого, кто лично знал Фрейда, хотя бы просто как взрослого человека. Значительная часть живой истории психоанализа стала призраком, который мы теперь должны превратить в предка.

В 2000 году, когда вдруг не стало Стивена Митчелла (Steven Mitchell), мы были склонны воспринимать это как нелепую превратность судьбы. Ему было всего 54, как и мне в то время. Сейчас осознание того, что все мы смертны, уже не вызывает такого потрясения. Поколение аналитиков, к которому принадлежу и я, начинает сталкиваться

с последним ограничением. В этом году нас покинула Мюриэл Даймен (Muriel Dimen). Несколько наших выдающихся коллег борются с серьезными хроническими и/или неизлечимыми заболеваниями. Недавно семеро аналитиков собрались на званом обеде, где мы узнали, что только один из нас не болел раком. Моя близкая подруга и ровесница Сандра Бем (Sandra Bem), в более позднем возрасте работавшая в области психодинамической терапии, целенаправленно шла к тому, чтобы совершить самоубийство. Два года назад она это сделала, чтобы «не перестать быть Сэнди», когда из-за болезни Альцгеймера ее чувство непрерывности самосознания начало разрушаться.

С давних времен старшее поколение стремилось передать свои знания и свой опыт потомкам. И я иногда тоже размышляю о том, какой вклад внесло мое собственное поколение аналитиков в эту Секцию, и о том, как мы сейчас создаем новые возможности для раскрытия потенциала следующего поколения. Многие из наших собственных достижений зародились в обстановке ограниченности: как психологов-аналитиков нас изначально не приняли правящие силы организованного психоанализа. Вместо того, чтобы «зализывать раны», мы основали собственные творческие пространства и, в ко-

Психоаналитические исследования привязанности оказали значительное влияние на научные представления как о развитии, так и о психотерапии и, в конечном счете, на наше общекультурное понимание того, что нужно маленьким детям.

нечном счете, открыли психоанализ за пределами замкнутого, самоподдерживающегося медицинского сообщества.

Кроме того, в Секции 39 зародилось то, что стало «реляционным поворотом». Мы нормализовали контрперенос, призвали к новому пониманию интересубъективного, демократизировали тон аналитической терапии и подтвердили неизбежность разыгрывания. Мы бросили вызов патологизации сексуальных различий и предложили по-новому взглянуть на гендер, желание и сексуальность. Мы подвергали критике логический позитивизм в академической психологии и рассматривали психоанализ под новыми углами зрения: в свете феноменологии, герменевтики, постмодернизма, фаллибилизма, конструктивизма, общей теории систем, теории поля, нейробиологии и многочисленных философских направлений. Мы отвергли ту метапсихологию, которая не признает искусство, литературу и гуманитарные науки полноправными источниками нашего знания и нашей практики.

Даже исходя из определения науки в узком смысле, мы достигли многого. Психоаналитические исследования привязанности оказали значительное влияние на научные представления как о развитии, так и о психотерапии и, в конечном счете, на наше общекультурное понимание того, что нужно маленьким детям. Мы создали, проверили

. Иногда, ощущая превосходство нашей профессии, мы, психологи, вели себя надменно, а когда с таким же высокомерием к нам относились психиатры, это нас возмущало.

и усовершенствовали краткосрочные психодинамические модели терапии и сейчас эмпирически тестируем долгосрочные модели терапии расстройств личности. В основном представители именно нашей секции неустанно обличают организованную психологию в том, что с недавнего времени она не гнушается вступать в сговор с сильными в ущерб слабым. Мы настаиваем на том, чтобы Американская психологическая ассоциация признала преступления, совершенные во имя психологии, и продолжаем обличать ее и дальше.

Мы поддерживаем точку зрения аналитиков, которые настаивают на том, что психотические пациенты нуждаются в чуткой терапии, а не просто в медикаментозном лечении «химического дисбаланса». Мы разработали меры помощи для бедных, бесправных, зависимых, бездомных, переживших травмы, ветеранов и их семей, а также тех, кто находится в приемной семье. Мы привнесли идеи буддизма и других восточных учений в западный психоанализ. Несмотря на то, что нам предстоит пройти еще долгий путь в этом направлении, наши собрания отличаются разнообразием по сравнению с большинством других психоаналитических организаций или, если уж на то пошло, по сравнению с нашей же Секцией на момент её создания, когда в ней преобладали белые, предположительно гетеросексуальные, пожилые еврей-мужчины, живущие в городах.

Несмотря на все вышесказанное, я думаю, будет справедливо, если мы признаем некоторые аспекты, в которых мы подвели следующее поколение. Мы недостаточно сохранили психоаналитическое присутствие в академических кругах, практике учреждений, консультационных центрах, больницах, процедурах аккредитации и разграничении профессиональной этики и управления рисками, как красноречиво отметил Стивен Солдз (Stephen Soldz, 2016). Мы были слепы ко многим аспектам привилегий большинства. Мы предпочитали разговаривать друг с другом и бороться друг с другом, вместо того чтобы разговаривать с внешним миром и бороться за ценность общего психоаналитического восприятия. Иногда, ощущая превосходство нашей профессии, мы, психологи, вели себя надменно, а когда с таким же высокомерием к нам относились психиатры, это нас возмущало. Компании, стремящиеся продать нам все, что угодно, от пластинок в 1950-х годах до ботокса в более позднее время, десятилетиями взращивали и подпитывали нарциссизм представителей послевоенного поколения. Нам нравится считать себя творческим поколением — в конце концов, именно мы «изобрели» секс, наркотики и рок-н-ролл. Может случиться, что люди, ощущающие себя вечно молодыми, не станут всерьез задумываться о потребностях тех, кто придет после них.

Однако, я искренне надеюсь, что, несмотря на наши ошибки, мы сумели передать следующему поколению психоналитических психологов тот «порох в пороховницах», который помог зажечь все области творчества, по праву являющиеся предметом нашей гордости. Аналитиков справедливо обвиняют в том, что они в высшей степени индивидуалистичны, как и культура, в которой мы выросли. Но мы также являемся частью общества, набором социальных связей, историческим движением, и с этой более широкой точки зрения не все, что связано с нами, умирает, когда мы умираем как личности. В заключение позвольте мне облачиться в мантию своей психоналитической эпохи и обратиться к тем, кто вступает в пору зрелости в этой странной профессии, где нужна вечность, чтобы стать старшим или иногда даже чтобы хотя бы выглядеть взрослым, но где получаешь огромное личное и общественное удовлетворение от того, что становишься опытным и закаленным.

Вам, молодым коллегам, предстоит встретиться лицом к лицу с более жестким профессиональным миром, чем тот, с которым имели дело мы в вашем возрасте. Ваши сражения не будут похожи на те, в которых участвовали мы. Вы «схватываете» в современном мире то, чего не понимаем мы. Уже сейчас начинайте творчески работать на основе ваших знаний и вашего собственного психоналитического опыта. Создавайте группы коллегиальной супервизии, учебные группы, новые подразделения Секции, новые политические инициативы. И, пожалуйста, пишите. Вам не обязательно овладевать всем сводом обширных психоналитических знаний, прежде чем начать вносить в них свой собственный вклад. То, как психоанализ будет выглядеть через 40 лет, несомненно, будет сильно отличаться от того, как он выглядит сейчас, но его основное внимание, сосредоточенное на силе бессознательных процессов, и его внутреннее общее понимание ограниченности и относительной достаточности могут послужить основой для многочисленных новых и жизненно важных метафор и интеграций. Это все, что вам нужно, чтобы начать путешествие, конец которого будет неизвестен, но несомненен, и пути которого могут служить источником вдохновения за пределами нашего ограниченно-го воображения.

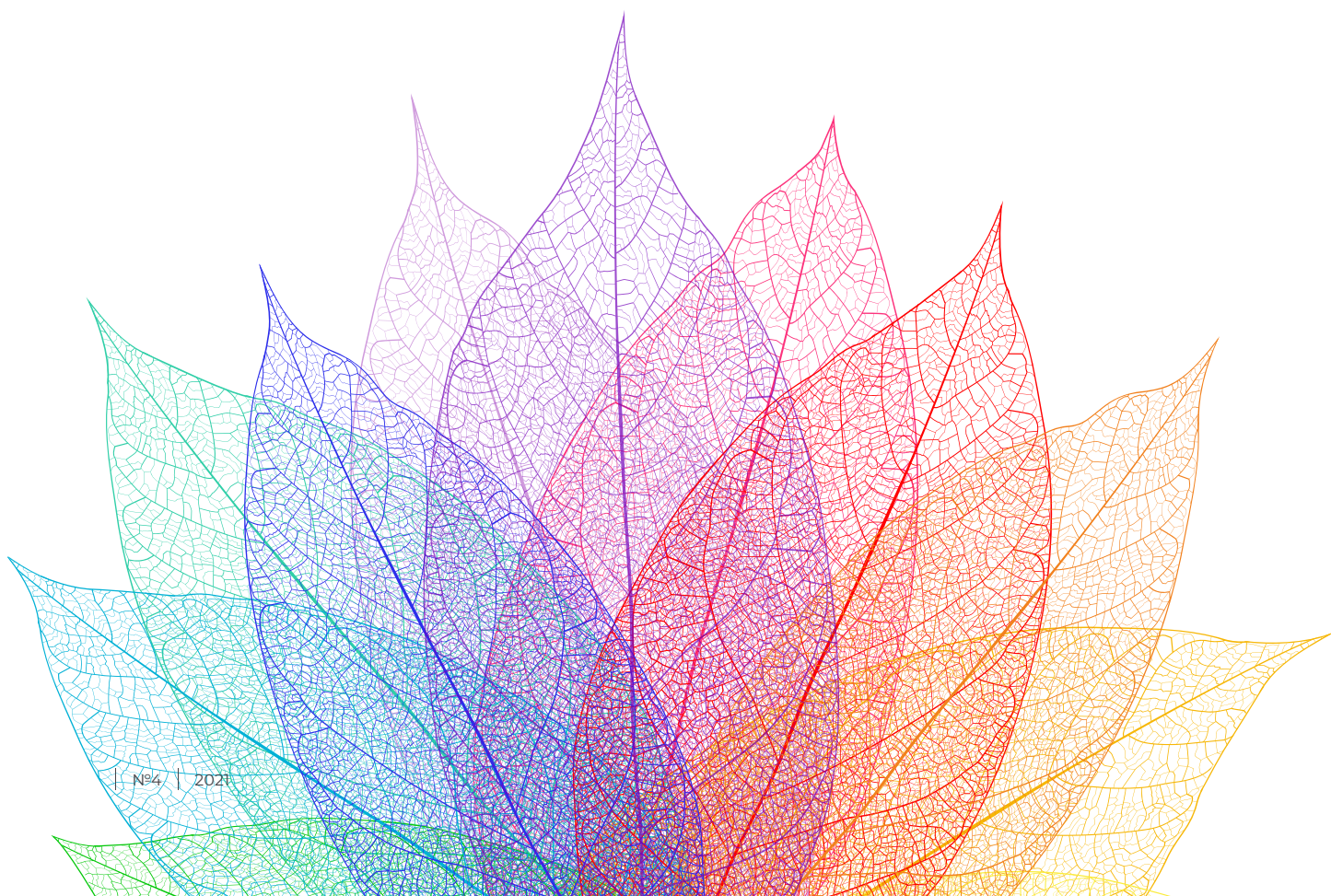
БИБЛИОГРАФИЯ

1. Balint, M. (1979). *The basic fault: Therapeutic aspects of regression*. London, UK: Tavistock.
2. Becker, E. (1973). *The denial of death*. New York, NY: The Free Press.
3. Benjamin, J. (2004). Beyond doer and done to: An intersubjective view of thirdness. *The Psychoanalytic Quarterly*, LXXIII, 5–46. <http://dx.doi.org/10.1002/j.2167-4086.2004.tb00151.x>
4. Bernays, E. (1928). *Propaganda*. New York, NY: H. Liveright.
5. Cohen, P., & Sossin, K. M. (2014). *Healing after parent loss in childhood: Therapeutic implications and theoretical considerations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

6. Collins, B. (Ed.). (1999). Forgetfulness. In *Questions about angels* (pp. 20–22). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. Reprinted by permission.
7. Eisenstadt, J. M. (1978). Parental loss and genius. *American Psychologist*, 33, 211–223. <http://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.33.3.211>
8. Eisenstadt, J. M., Haynal, A., Rentchnick, P., & De Senarclens, P. (1989). *Parental loss and achievement*. Madison, CT: International Universities Press.
9. Erba, A. (2003). *Paradise lost: Potential long-term sequelae of early maternal death in two exceptionally creative people in history* (Unpublished doctoral dissertation). Rutgers University Graduate School of Applied and Professional Psychology, New Brunswick, NJ.
10. Erikson, E. H. (1950). *Childhood and society*. New York, NY: Norton.
11. Erikson, E. H., & Erikson, J. (1997). *The life cycle completed: Extended version with new chapters on the ninth stage of development*. New York, NY: Norton.
12. Fair, E. (2016). *Consequence: A memoir*. New York, NY: Henry Holt.
13. Gentile, K. (2016). Generating subjectivity through the creation of time. *Psychoanalytic Psychology*, 33, 264–283. <http://dx.doi.org/10.1037/a0038519>
14. Ghent, E. (1990). Masochism, submission, surrender – Masochism as a perversion of surrender. *Contemporary Psychoanalysis*, 26, 108–136. <http://dx.doi.org/10.1080/00107530.1990.10746643>
15. Jeffery, E. H. (2001). The mortality of psychoanalysts. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 49, 103–111. <http://dx.doi.org/10.1177/00030651010490011001>
16. Kernberg, O. F. (2008). The destruction of time in pathological narcissism. *The International Journal of Psychoanalysis*, 89, 299–312. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-8315.2008.00023.x>
17. Kernberg, O. (2010). Some observations on the process of mourning. *The International Journal of Psychoanalysis*, 91, 601–619. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-8315.2010.00286.x>
18. Lacan, J. (1989). *Ecrits*. London, UK/ New York, NY: Routledge.
19. Lichtenberg, J. D., & Wolf, E. (1997). General principles of self-psychology: A position statement. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 45, 531–543.
20. Makari, G. (2015). *Soul machine: The invention of the modern mind*. New York, NY: Norton.
21. McCabe, M. (2003). *The paradox of loss: Toward a relational theory of grief*. Santa Barbara, CA: Praeger.
22. McKeever, P. (1991). *Adlai Stevenson: His life and legacy*. Columbus, GA: Quill (Harper).
23. Messer, S. B., & Winokur, M. (1984). Ways of knowing and visions of reality in psychoanalytic theory and behavior therapy. In H. Arkowitz & S. B. Messer (Eds.), *Psychoanalytic therapy and behavior therapy: Is integration possible?* (pp. 63–100). New York, NY: Plenum Press. http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4613-2733-2_5
24. Mitford, J. (1963). *The American way of death*. New York, NY: Simon & Schuster.
25. Nguyen, L. (2007). The question of survival: The death of desire and the weight of life. *The American Journal of Psychoanalysis*, 67, 53–67. <http://dx.doi.org/10.1057/palgrave.ajp.3350007>
26. Orfanos, S. (2006). Mythos and logos. *Psychoanalytic Dialogues*, 16, 481–499.
27. PDM Task Force. (2006). *Psychodynamic diagnostic manual*. Silver Spring, MD: Alliance of Psychoanalytic Organizations.
28. Pizer, B. (1997). When the analyst is ill: Dimensions of self-disclosure. *The Psychoanalytic Quarterly*, 66, 450–469.
29. Reisner, S. (2016, April 7). *How the APA became the sorcerer's apprentice*. (Unpublished panel talk). Spring meeting of the Division of Psychoanalysis (39), American Psychological Association, Atlanta, GA.

30. Ruitenbeek, H. M. (Ed.). (1983). *The interpretation of death*. New York, NY: Jason Aronson.
31. Sacks, O. (2015). On the move: A life. *Jewish Quarterly*, 62, 24–25. <http://dx.doi.org/10.1080/0449010X.2015.1051697>
32. Shabad, P. (2001). *Despair and the return of hope: Echoes of mourning in psychotherapy*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
33. Soldz, S. (2016, April 7). *How the APA became the sorcerer's apprentice*. (Unpublished panel talk). Spring meeting of the Division of Psychoanalysis (39), American Psychological Association, Atlanta, GA.
34. Spira, M. S., & Berger, B. (2001). The penultimate. *Psychoanalytic Social Work*, 8, 27– 42. http://dx.doi.org/10.1300/J032v08n01_03
35. Stark, M. (1994). *Working with resistance*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
36. Strenger, C. (2009). Paring down life to the essentials: An epicurean psychodynamics of midlife change. *Psychoanalytic Psychology*, 26, 246–258. <http://dx.doi.org/10.1037/a0016447>
37. Summers, F. (2011). Psychoanalysis: Romantic, not wild. *Psychoanalytic Psychology*, 28, 13– 32. <http://dx.doi.org/10.1037/a0022558>
38. Van Raalte, P. (1984). *The impact of death of the psychoanalyst on the patient: Theoretical considerations and clinical implications* (Unpublished doctoral dissertation). Rutgers Graduate School of Applied and Professional Psychology, New Brunswick, NJ.
39. Watson, J. (1930). *Behaviorism*. New York, NY: Norton.
40. Willock, B., Bohm, L. C., & Curtis, R. C. (Eds.). (2007). *On death and endings: Psychoanalysts' reflections on finality, transformations and new beginnings*. London, UK: Routledge.
41. Winnicott, D. W. (1968). The use of an object and relating through cross identifications. In D. W. Winnicott (Ed.), *Playing and reality* (pp. 86–94). New York, NY: Basic Books.

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

Мы продолжаем публикацию материалов, посвященных памяти Харольда Штерна. В предыдущем номере вы могли познакомиться со статьей Яна Федорова «Harold Stern — филаделфийский оракул современного психоанализа». Центральная идея статьи Яна Олеговича была в том, чтобы рассказать о своем учителе как о реальном, живом человеке. Прочитав статью, автор пишет: «Гарольд был разным, и нельзя делать из него икону, которой следует поклоняться. Чем больше мы сможем видеть в нём человека разного и даже противоречивого — сильного и слабого, пронзительного и доверчивого, чуткого и жёсткого, тем больше шансов сохранить его живым внутри нас».

Сегодня вы познакомитесь со статьей Анны Фогт «Современный психоанализ — игра без правил или виртуозная психоаналитическая импровизация?». Это искренний, теплый рассказ не только об Учителе, но и о пути, который проходит психоаналитик в своем развитии. Многие из нас, как и автор статьи, начинали свой психоаналитический путь с недоверия и удивления. Затем появлялся интерес и восхищение, обильно сдобренные сомнениями: смогу ли я научиться этому? Психоаналитиками рождаются или становятся? Неужели и у меня когда-нибудь получится стать и быть, в смысле оставаться долгие годы, психоаналитиком? И вообще, какой он, современный психоаналитик? Насколько он свободен, как много живости и непосредственности можно позволить себе в терапевтических отношениях? Правила ограничивают или направляют?

Постепенно сталкиваясь с ограничениями, мы не теряем интереса и желания развиваться. Мы сохраняем желание быть психоаналитиком, быть среди психоаналитиков, то есть быть в сообществе. И теперь мы точно знаем: психоаналитиками не рождаются. Это профессия, которой можно научиться. Это практика, которой важно заниматься регулярно. Это мастерство, которое можно обрести, лишь пройдя непростой, но очень интересный путь — путь психоаналитика. Дорогу осилит идущий.

Современный психоанализ — игра без правил или виртуозная психоаналитическая импровизация?

Фогт Анна Александровна

- Врач-психиатр
- Психоаналитически-ориентированный психотерапевт
- Семейный психолог
- Руководитель и супервизор психологического центра SmartPsy
- Член РПА и ЕАРПП (РО-Санкт-Петербург)
- Преподаватель Санкт-Петербургской Школы Психоанализа

Моя встреча с Харольдом Штерном изменила в моей жизни очень многое, как в профессиональном, так и в личном плане. Первая встреча состоялась на лекции в Восточно-Европейском Институте Психоанализа (ВЕИП), где Харольд с легкостью рассказывал об успешном излечении своей пациентки от шизофрении. А я была молодым доктором, который твердо усвоил, что психические болезни неизлечимы, все достаточно безнадежно, и помочь можно только лекарствами. Я была скептически настроена. Но затем, после того, как я посетила все лекции Харольда в течение недели, общалась с ним за чаем, задала ему волнующие меня вопросы, я твердо решила, что буду знакомиться с современным психоанализом Хаймана Спотница.

Я стала изучать литературу, посещать динамические группы и брать супервизии у Штерна. Сначала я была в замешательстве, мне казалось, что предложенные техники: отзеркаливание,

присоединение, эмоциональная коммуникация и другие — спонтанное и неструктурированное действие, которое происходит по желанию терапевта. Но в процессе знакомства с современным психоанализом и советами Харольда я поняла, что техники современного психоанализа — это вершина мастерства. Сам Штерн всегда говорил о необходимости изучения трудов Фрейда, психиатрии, всех принципов классического психоанализа. А идеи Спотница расширяют и дополняют базовые представления.

Иногда кто-то из супервизантов утверждал, цитируя великих аналитиков, что психотерапия — это такая сложная вещь. Тогда Харольд улыбался и говорил: «Терапия — это просто: нужно чтобы человек приходил регулярно, обо всем говорил, платил и уходил вовремя». Этой «простой формуле» было очень трудно следовать на практике. Но в те моменты, когда я была в замешательстве со сложными пациентами, эта формула мне всегда помогала свериться с происходящим в терапии.

Харольд научил меня очень важной вещи: «Нет безнадежных пациентов, есть неразрешенные сопротивления». Благодаря его поддержке я брала в терапию тех пациентов, от которых отказывались врачи, и у нас получалось. Не всегда, не со всеми, были те, кто снова вернулся к госпитализациям в психиатрический стационар или прервал психотерапию, но были и те, кто смог начать совершенно другую жизнь.

Современный анализ помог мне понять, что можно и важно быть свободным в психотерапии, например, практически любой промах в работе можно использовать для прогресса. Нет ошибок, есть новые возможности.

Если, оценивая перенос, контрперенос, сопротивления и историю пациента терапевт ясно понимает, что он делает и зачем, он может написать пациенту первым, провести сессию на улице, прийти на какое-то значимое для пациента событие с огромной пользой для пациента. Терапевт может говорить о себе так, что это не размывает перенос, а только усиливает его и помогает в терапии; можно быть нейтральным, даже обедаая с пациентом.

Приведу клиническую виньетку. Пациент хотел бросить терапию, так как не знал, можно ли доверять терапевту, был уверен, что никто не вступается за него. Тогда я рассказала ему свой сон, который был связан с ним, где я прячу какие-то следы его «преступлений» и не разрешаю идти одному. Это было смело, я не знала, будет ли полезен для пациента мой рассказ, возможно, это излишнее самораскрытие, но для пациента оно оказалось очень важным. Он почувствовал, что может доверять мне, что я на его стороне, и продолжил терапию.

Другая пациентка очень переживала, что может не сдать экзамен. Я рассказала ей историю о том, как я сама была на дополнительной сессии. Она обрадовалась, сказала родителям, что даже ее терапевт имел проблемы с обучением, и спокойно сдала всю сессию. Мое самораскрытие помогло ей снизить тревогу и почувствовать себя более уверенно. В последующие встречи она иногда снова бывала тревожна и не уверена в каких-то начинаниях, например, в отношениях с понравившемся молодым человеком и выходом на новую работу. Но она начала опираться на свой позитивный опыт преодоления трудностей и более спокойно и самостоятельно справлялась с новыми ситуациями. В особенно тревожные для нее моменты, она возвращалась к теме моего самораскрытия относительно учебы и размышляла о том, а достаточно ли легко я справлялась с неудачей? Я поддерживала ее в том, что расстраиваться и тревожиться — это нормально. Также я честно озвучивала то, что, когда я поделилась с ней на сессии своей

историей, мне тоже было несколько неловко и тревожно. Я полагаю, что мое честное обозначение чувств, в этой ситуации является техникой отзеркаливания: говоря о себе, я как бы озвучиваю и ее мысли. А в голове был вопрос: а не испортит ли это самораскрытие наши отношения? Но мы с ней справились, наши терапевтические отношения сохранились. Это обсуждение помогло ей совместить то, что можно и быть собой, и быть в отношениях, отношения не обязательно должны быть разрушены. Через какое-то время у нее завязался роман с молодым человеком, и она смогла устроиться на достаточно хорошую работу.

Другая важная идея, которую я услышала у Харольда: «Любое сопротивление можно разрешить, если понять, какое сопротивление возникает у самого терапевта». Харольд на супервизиях всегда работал с сопротивлением терапевта, и прямо-таки чудесным образом это меняло ход терапии.

С одним пациентом я ощущала себя в тупике: чтобы я ни делала, ничего не работало. Он молчал и плакал, так продолжалось достаточно долго. Ход терапии изменило понимание, что он очень напоминает мне человека из моей личной истории, то есть я была в плену своего контрпереноса, при осознании этого я смогла увидеть свой нетерапевтический паттерн в терапии, и ход терапии изменился.

Говорить с человеком надо на его «языке». Штерн всегда находил подход к каждому, и для любой ситуации у него была какая-то история. С каждым он был разным: с кем-то более мягким, с кем-то более строгим, в зависимости от того, что нужно было именно этому человеку. Техники современного анализа дают возможность говорить с человеком на его языке, в его «системе координат».

Харольд «разрешал» терапевтам быть неидеальными, «глупыми» и не бояться своего «сумасшествия», чтобы наши пациенты, видя, что их терапевты принимают себя такими, тоже могли позволить себе быть «живыми», а не идеальными. Пациенты получают опыт того, что ошибки не разрушают отношения.

Однажды на сессии с пациентом я уснула. Усталость, конец рабочего дня или тяжелый контрперенос, или, возможно, всё вместе способствовало этому. Пациент заметил, что я уснула, он был растерян и смущен. А я, вспоминая, что Харольд все использовал для терапии, проснулась, извинилась и стала обсуждать с пациентом, каково ему было. С тех пор каждый раз, когда он жаловался, что где-то «накосячил» или боится сделать какие-то ошибки в работе, я вспоминала случай со своим сном. Он смеялся, и говорил: «Ну да, раз даже вы уснули в процессе терапии, то мои недочеты не так критичны».

Еще один интересный прием, которому меня научил Харольд Штерн — это брать супервизию у пациента. Я сначала думала, что это какой-то прием присоединения, а потом поняла, что это очень важное взаимодействие между пациентом и терапевтом.

Пациент стал часто переносить встречи, у меня стало появляться раздражение и на одной из сессий я обращаюсь к пациенту:

— Что-то происходит в нашей терапии? Было бы важно, чтобы вы предупреждали меня за месяц об изменении частоты встреч.

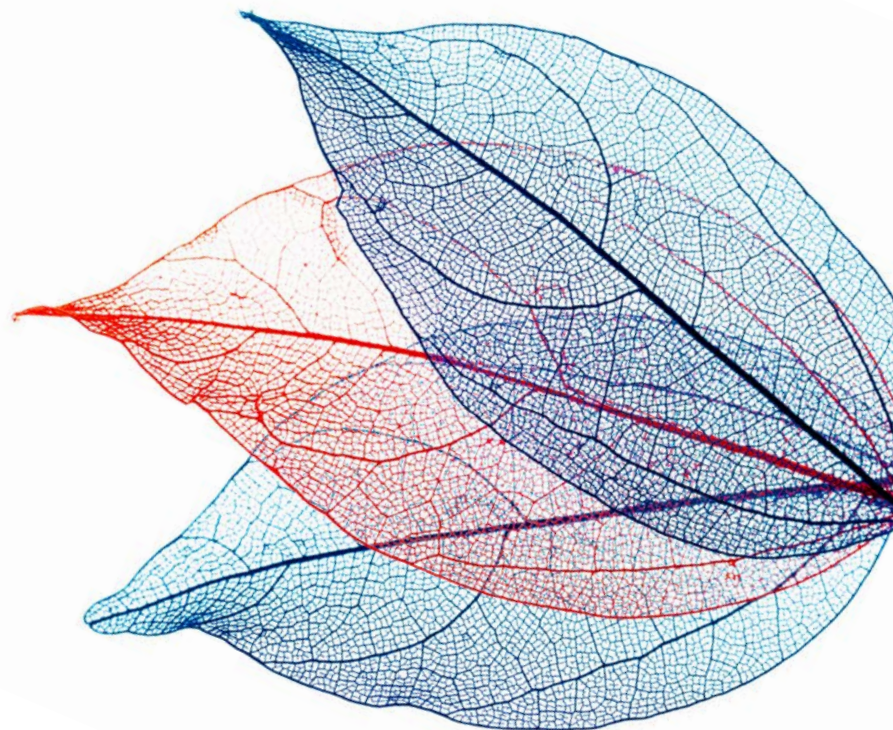
— Да, что-то происходит. Вы сначала сказали предупредить вас за сутки, потом за несколько дней, затем за неделю, а теперь за месяц. Что дальше, предупреждать за год? Вы, как моя мама, ей тоже всегда было недостаточно, я всегда делал все не так, как она хотела.

После этого высказывания пациента я замечаю, что реально всегда испытываю недовольство им, хотя обычно он строго следует договоренностям. Интенсивность материнского контрпереноса снижается, и я перестаю чувствовать раздражение и не отыгрываю его в терапии.

Мы, как терапевты, часто оказываемся в плену контрпереноса, и иногда без интерпретации пациента не можем оттуда выйти. Иногда именно пациент дает нам такую интерпретацию, что мы выходим из контрпереноса и начинаем понимать, что происходит в терапии сейчас. Это развивает его и нас.

Всегда буду благодарна Харольду Штерну за то, что вдохновил меня заниматься психоанализом, помог поверить в себя как специалиста. Я поняла, что нет безнадежных пациентов и непреодолимых сопротивлений; что важен сам человек, а не его диагноз.

Харольд всегда был открыт, доброжелателен, сочетал терапевтическую нейтральность и теплоту, заботу. Мне кажется, для себя я взяла от него важную истину: «Главное — любить своих пациентов!».

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

В разделе, посвящённом психоанализу культуры, предлагаем вам перевод статьи К. Ламент, посвящённую анализу содержания и структуры текстового повествования «Илиады», в части, касающейся процесса психической трансформации Ахиллеса, а также роли, которую сыграл в этой перемене опыт его отношений с сиблингом.

Напомним, что Ахиллес — главный герой «Илиады», суровый воин; он вовлекается в Троянскую войну в возрасте 15 лет. Гордый, вспыльчивый и самолюбивый, он участвует в войне не столько ради того, чтобы вернуть царю Спарты Менелаю похищенную Парисом жену Елену, сколько ради нарциссических устремлений, он жаждет славы непобедимого воина. В какой-то момент в ответ на оскорбление, которое нанес ему Агамемнон, верховный вождь и предводитель войска, Ахиллес отказывается от дальнейшего участия в войне. Из-за этого войска терпят одно поражение за другим. Но когда вождь троянцев Гектор убивает друга и «брата» Ахиллеса Патрокла, он забывает о своей обиде и примиряется с Агамемноном. Ахиллес жесток, кровожаден, обидчив, эгоистичен: мстит за смерть любимого друга Патрокла и убивает столько троянцев, пока вода в реке не превратится в кровь, приносит в жертву плененных юношей на могилу Патрокла. Ахиллес побеждает в поединке Гектора, смерть которого знаменует окончательное поражение троянцев. Встреча Ахиллеса с Приамом — убитым горем отцом Гектора, умоляющим Ахиллеса вернуть тело убитого сына, является поворотным моментом в психической трансформации Ахиллеса.

Таким образом, в своём «путешествии героя» Ахиллес переживает трансформацию: меняется его мышление — от фаллоцентрического (вызывающее поведение, неповиновение, насилие) на объект-центрированное (способность контейнировать, сотрудничать, устанавливать связи, переживать горе). Эта перемена подобна строительству «моста эмпатии», переход через который стал достижением Ахиллеса, в том числе благодаря его отношениям с сиблингами. Отношения с сиблингами обогащают индивида новыми смыслами и формами адаптации и, как мы видим на примере Ахиллеса, способствуют обращению маскулино-ориентированной диспозиции и склонности характера в ходе его движения во взрослую жизнь.

Трансформация Ахиллеса в Илиаде

Клаудия Ламент (Claudia Lament)

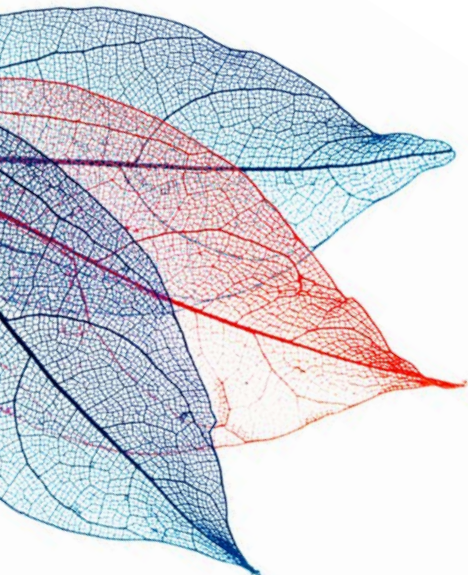
- Психолог, психоаналитик
- Доктор философии по психологии (Ph.D.)
- Член Нью-Йоркской Психоаналитической Ассоциации (Psychoanalytic Association of New York)

Прочтение с точки зрения нарратива о сиблингах и нелинейного роста

Перевод с англ. яз. С.К. Сливко

Я хочу продемонстрировать важность гибкости нарративов в фантазийных формациях на примере психологической траектории Ахиллеса в «Илиаде». Применение концептуальных формулировок, касающихся психоаналитического процесса развития, к взрослению Ахиллеса подталкивает меня к размышлениям об опыте сиблингов и его уникальной роли в психической жизни детей и подростков. По мере роста и развития способности к определенной гибкости самости и других структур, первоначальный опыт сиблингов — тяготеет он к агрессивности или к любящей заботе или чему-то промежуточному — может приобрести новые значения.

В этом контексте сюжетную линию Ахиллеса можно рассматривать как метафорическое описание непрерывных и дискретных паттернов роста. В связи с этим возникают интереснейшие вопросы: Какие контексты полезны для осмысления психологических изменений Ахиллеса? Стоит ли брать в расчет влияние диспозиционных

предрасположенностей и значимость порядка рождения? Является ли его постепенно растущее эмпатическое отношение к врагу демонстрацией пластичности богатого воображения, которое реорганизует его смертоносный потенциал? Как детские, так и взрослые аналитики могут найти в шедевре Гомера богатую сокровищницу для обнаружения внутри своих пациентов потенциальных источников их движения вперед.

Полностью осознавая, что я исследую вымышленных персонажей, я руководствуюсь словами Джульет Митчелл (Mitchell, 2003) о том, что широкий спектр источников, включая литературные произведения, может пролить свет на темы, которые затрагивают социокультурные и психологические аспекты. Образ Ахиллеса в эпической поэме Гомера «Илиада» запечатлелся в нашем сознании как квинтэссенция греческого идеала трагического героя. Его история начинается с образа безжалостного, сверхчувствительного греческого воина, который с яростью реагирует на мнимые и реальные оскорбления. Он — вечный плохой мальчик, который никогда не подчинится греческому старейшине Агамемнону, безжалостному самодержцу и самодуру, или, образно говоря, старшему брату. Но по ходу поэмы Ахиллес претерпевает психологическую метаморфозу, которая позволяет ему отстраниться от собственной боли и протянуть руку врагу — другому старшему мужчине/старшему брату — пережившему тяжелую утрату. Таким образом, читатель становится свидетелем опыта, в котором переживание горя является точкой входа в человеческие отношения и это делает возможным существование цивилизации.

Силы, которые влекут Ахиллеса по этим вехам, усиливаются до тех пор, пока не достигнут кульминации в человеческом «Я», которое сможет протянуться над этой пропастью и постигнуть боль разрушенного внутреннего мира своего врага.

Я бы хотела сфокусировать свои размышления, используя призму нелинейного аспекта процесса развития, который Зигмунд Фрейд описал в 1905 году. В частности, я хочу продемонстрировать важность гибкости нарратива в фантазийной жизни, как одного из аспектов, который помогает детям продвигаться на новые уровни развития. Когда мы учитываем неизбежное развитие психологической организации и ее структур, то очевидно, что по мере этого развития, изначальный опыт отношений с синблнгом — тяготеет он к агрессии, или наоборот к заботе или к чему-то среднему — обретает новые смыслы и новые формы адаптации (Abrams, 2001; Abrams and Solnit, 1998; Neubauer, 1984; Hartmann and Kris, 1945; A.Freud, 1965, 1974, 1976).

В данном контексте сюжетную линию Ахиллеса можно рассматривать как метафорическое описание дискретного роста. Как нам понимать роль заботливого отношения Ахиллеса к Патроклу, которое вскоре способствовало изменениям? В каких контекстах нам рассматривать это изменение? Стоит ли брать в расчет влияние диспозиционных предрасположенностей? А значимость порядка рождения? Является ли его постепенно развивающееся эмпатическое отношение к врагу демонстрацией пластичности богатого воображения, которое реорганизует его смертоносный потенциал?

Также я хотела бы обратить внимание на интерпретацию драматических персонажей «Илиады» как двойников-сублингов Ахиллеса, которые вплетены в концепцию нелинейного роста. Ахилл, Патрокл (двоюродный, а также сводный брат Ахилла), Гектор, Агамемнон и Приам могут рассматриваться как участники братских уз. Ведущие аспекты произведения Гомера прямо раскрывают набор формулировок (Mitchell, 2003), относящийся к сублинговым грандиозным и нарциссическим интересам Самости, кровожадности и хладнокровной ненависти сублинга, которые направлены на Гектора и старейшину Агамемнона. Однако, в то же время Ахиллес выражает целый ряд противоположных чувств — глубокой любви и товарищества — по отношению к своему любимому сводному брату Патроклу. Силы, которые влекут Ахиллеса по этим вехам, усиливаются до тех пор, пока не достигнут кульминации в человеческом «Я», которое сможет протянуться над этой пропастью и постигнуть боль разрушенного внутреннего мира своего врага. Эта трансформация, этот скачок, отражает достижение им глубокой эмпатической заботы, что является колоссальным достижением.

ИСТОРИЯ

Теме сублингов в «Илиаде» уделено немало внимания. Фактически, именно история детства Патрокла настраивает читателя на бесконечную драму убийства и наказания, которая будет проходить, как нить Ариадны, сквозь эпическую поэму. Не сразу в своем повествовании Гомер сообщает нам эту критически важную информацию. Только в Песне 23 мы узнаем о признании Патрокла в непреднамеренном убийстве друга детства. Отец Ахиллеса, Пелей, сжалился над бездомным мальчиком и привел его в свою семью, где отношения кузенов стали действительно братскими. История двух кузенов, или, по моему мнению, история их братских отношений содержит и тонко скрывает многочисленные отсылки как на вертикальные, так и на горизонтальные перспективы к семенам эдиповой страсти и ненависти, соперничества как по вертикальной, так и по горизонтальной осям, желания смены пола, желания смерти и убийственный гнев, грандиозные фантазии и всемогущие стремления. И все же, этих мужчин также объединяет братская связь, которая является чем-то большим, чем сумма всех этих элементов. Прочные узы верности, товарищества и любви бросаются в глаза, когда два «брата» противостоят своему заклятому врагу Гектору, который легко помещается на место «плохого» брата. Его персонажа можно рассматривать как *locum tenens* (поле битвы), где разыгрывается их коллективное соперничество и ненависть, направленные друг на друга.

События «Илиады» происходят через девять лет после Троянской войны. Греки разгромили город, находившийся под управлением Трои, и Агамемнон берет в качестве добычи прекрасную девушку Хрисеиду; Ахиллес берет другую девушку — Брисеиду. Отец Хрисеиды молится Аполлону, просит помочь ему исправить эту несправедливость, Аполлон отвечает и насылает чуму, которая поражает греческих воинов. Агамемнон отпускает девушку, возмещая ущерб отчаявшемуся отцу, но возмущен этой потерей и настаивает, чтобы Ахиллес передал Брисеиду ему. Теперь настала очередь Ахиллеса впасть в ярость: оскорбленный кражей Агамемнона, он высвобождает свой яростный гнев: отказывается сражаться за ахейцев, прекрасно зная последствия. Только так он чувствует, что греки поймут его ценность. Действительно, греки ослаблены отсутствием Ахиллеса, и в результате доблестный вождь Трои Гектор, сын Приама, загоняет их обратно на оставленные у берега корабли. Кажется, что все потеряно, но Патрокл,

любимый друг Ахиллеса, находит его, умоляя его снова вступить в войну и положить конец наказанию Агамемнона и ахейцев. Ахиллес отказывается сам участвовать в битве, но идет на компромисс: позволяет Патроклу надеть свои доспехи, когда тот вступает в бой. Троянцев оттесняют от кораблей, но Патрокл убит Гектором, который к тому же снял с него доспехи Ахиллеса и надел на себя. Ахиллес охвачен горем из-за потери своего дорогого друга и в слепой ярости бросается в битву, жаждущий крови, желая жестоко отомстить за смерть Патрокла. Боги предсказали, что Ахиллес найдет Гектора и убьет его; но за этим вскоре последует и его собственная кончина. После того, как Ахиллес убивает Гектора, он привязывает его тело к своей колеснице и объезжает вокруг могилы Патрокла. Погребальные игры проводятся как величественная дань уважения павшему герою. В течение девяти дней Ахиллес унижает тело Гектора, та-ская его труп во время празднований.

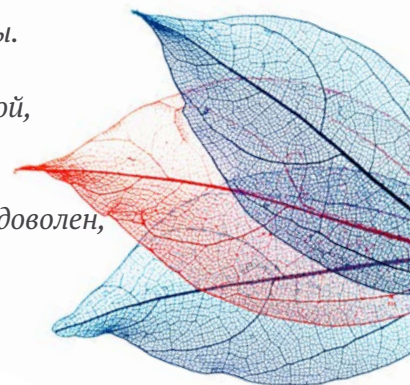
Исполняя волю богов о погребении Гектора, Приам, сопровождаемый и защищаемый Гермесом, рискуя собственной жизнью, пробирается в лагерь греков поздно ночью. Он находит Ахиллеса и умоляет его вернуть ему тело сына. В своей тоске он вызывает в воображении Ахиллеса образ его собственного отца Пелея — одинокого и разлученного со своим сыном — проводя параллель между стремлением обоих отцов снова увидеть своих сыновей. Ахиллес поражен воображаемой картиной своего собственного скорбящего отца и обращается к Приаму с состраданием по поводу его тяжелой утраты. Ахиллес достигает глубокого эмоционального понимания своего врага и возвращает ему тело Гектора. Наконец между враждующими сторонами объявляется временное перемирие для проведения мирных похорон «конеборного Гектора тела».

БРАТСТВО АХИЛЛЕСА И ЕГО КОНТЕКСТЫ

Текст Гомера предлагает несколько сюжетных линий для Ахиллеса (Abrams, 2011). Они проявляются либо в живом взаимодействии с другими персонажами, либо в собственном безмолвном воображении Ахиллеса. Эти сюжетные линии соответствуют базовым фантазийным конфигурациям: некоторые даже демонстрируют смесь инверсий и парадоксов, которые живут в нем бок о бок.

Первый нарратив, который оживает в поэме, обращается к наиболее популярной интерпретации личности Ахиллеса: его роли разъяренной жертвы жестокого Агамемнона — фигуры отца/старшего брата. В Песне 1 Ахиллес обвиняет Агамемнона в том, что он забросил свои обязанности генерала аргивян, а также в жадности и робости:

*«Эх, ты, в бесстыдство одетый, о выгоде все твои думы!
Кто из ахейцев захочет твои предложения слушать —
В путь отправляться какой-то иль храбро с врагами сражаться?
Я за себя ли пришел, чтобы против троян-копьеборцев
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не повинны троянцы.
Ни лошадей, ни коров у меня ведь они не угнали,
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами богатой,
Нив никогда не топтали; безмерные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные воды морские.
Нет, для тебя мы, бесстыдник, пришли, чтобы ты был доволен,
Честь Менелая блюдем и твою, образина собачья!
Ты ж за ничто это все считаешь и все презираешь.»*

*Больше всего нас приводят к победе средь сечи жестокой
Эти вот руки мои; но как только дележ наступает,
Дар богатейший – тебе. А я, и немногим довольный,
В стан свой к судам возвращаюсь, трудом боевым истомленный».¹*

В итоге Ахиллес создает воображаемую конструкцию, где есть тот, кто унижает и бесчестит, в противоположность тому, кто подчиняется. Агамемнон говорит о нем:

*«Или вечные боги создали его копьеборцем
Лишь для того, чтобы бранными всех осыпал он словами?»
Речь его перебив, отвечал Ахиллес многосветлый:
«Трусом ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе уступал я безмолвно.
Этого требуй себе от другого кого-нибудь; мне же
Ты не приказывай: я подчиняться тебе не желаю!...»*

В этих отрывках проявляется сплав вертикальных и горизонтальных осей отношений: но что представляет особый интерес в этом цикле, так это медленно разгорающееся единоборство в игре с нулевой суммой². Фаллоцентризм сказания подчеркивает взаимную ярость и чувство несправедливости, которые испытывают старший и младший братья. На читателя в полную силу обрушивается чувствительность Ахиллеса к намекам на неравенство, в то время как Агамемнон уверен в своем праве. Характерный стиль Ахиллеса нелегко объяснить, но может оказаться полезным рассмотрение ситуации в контексте диспозиционных вариантов. Является ли эта сверхчувствительность диспозициональной, характерологической особенностью, как могла бы задаться вопросом Анна Фрейд? Неужели граница между ним и Патроклом, его презираемым и любимым старшим сводным братом, частично установилась, лишь для того, чтобы создать психическую оболочку, которая окутала их вместе как единое целое? Была ли она достаточно эластичной, чтобы позволить им быть обособленными в другие моменты? Могла ли эта особенность способствовать отождествлению в фантазии с отверженным, униженным Патроклом, с которым плохо обращались в его общине, тем самым подготавливая почву к интенсивности переживания нападения Агамемнона. Использовал ли Ахиллес роль Патрокла как старшего брата в качестве фигуры, которая стимулировала и помогала его продвижению вперед? Если Патрокл был паладином и победителем в игре, мог ли Ахилл соперничать с этим старшим мальчиком, завидовал ли его силе или обнаружил, что завидует его статусу несмотря на то, что он не был связан с ним кровными узами? Если да, то можем ли мы представить Патрокла в роли стимула для развития более младшего Ахиллеса? Идентифицировал ли себя Ахиллес с великодушной ролью своего собственного отца, принявшего бездомного мальчика Патрокла, так контрастирующего с образом Агамемнона, в чей адрес сыпались упреки Ахиллеса?

1 Цитаты из «Илиады» Гомера даны в переводе В.В. Вересаева (прим. переводчика)

2 Антагонистическая игра или игра с нулевой суммой (англ. zero-sum game) — термин теории игр. Антагонистической игрой называется некооперативная игра, в которой участвуют два или более игроков, выигрыши которых противоположны. Если один выиграл, другой обязательно проиграл. (прим. переводчика)

В моменты мечтаний Ахиллес погружается в представление о себе как о любящем брате-защитнике Патрокла — еще один нарратив. Это происходит в начале Песни 16, когда греки были разгромлены троянцами. В следующем кратком, но пронизательно проработанном отрывке Ахиллес рисует себе образ Патрокла как ребенка, нуждающегося в родителе — Ахиллесе. Он внимательно рассматривает отчаяние на лице Патрокла, наблюдая за его приближением, и быстро воссоздает в воображении глубоко прочувствованную сцену. Она как будто переносит читателя в современную жизнь, используя прием быстрой перемотки. Кинематографичная и непосредственная в быстрых переключениях от чувства к чувству, она прекрасно передает образ малыша, переполненного чувствами:

*Жалость взяла Ахиллеса, как только его он увидел.
Громко к нему со словами крылатыми он обратился:
«Что это так ты заплакан, Патрокл дорогой мой, подобно
Девочке малой, что бегом за матерью следует с плачем,
На руки просится к ней и за платье хватается крепко,
Смотрит в глаза, заливаясь слезами, чтоб на руки взяли.
Так же совсем, как она, проливаешь ты нежные слезы».*

Герой берет на себя роль матери, утешающей плачущего ребенка Патрокла и, как ни странно, меняет пол Патрокла на женский, а затем уменьшает возраст этой девочки до младенческого. Конечно, можно по-разному интерпретировать эту воображаемую сцену: это кастрированный, униженный образ Патрокла и самого Ахиллеса в роли матери, который возникает в воображении? Или это — сложный портрет раненого, несчастного ребенка, но который тоже своенравно требует, даже настаивает, на том, чтобы получить любящую ласку своей взволнованной матери. Эта сцена несет в себе отпечаток изменчивой, биоморфной среды обитания воображения, где Ахиллес комфортно перетекает в разные Я, охватывающие гендерные и поколенческие полюса. Он — прирожденный оборотень. И все же мы не должны забывать, что на другом уровне Ахиллес — тоже ребенок, все еще страдающий от унижения Агамемнона. Его диспозиционная структура двигает его в направлении преобразования внешних стимулов в психические смыслы. Параллельно с этим горизонтальная ось превратилась в вертикальную.

В Песне 18 Ахиллес оплакивает смерть Патрокла. Здесь также просматривается изображение вертикальной направляющей, но на этот раз Ахиллес берет на себя роль отца-льва:

*Меж тем мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроком в стенаньях и воплях.
Громкий плач между ними зачал Ахиллес быстроногий.
Другу на грудь положив к убийству привычные руки,
Тяжко стонал он, подобно тому как лев бородатый
Стонет, если охотник из зарослей леса похитит
Львят его малых, а он, опоздавши, жестоко тоскует,
Рыщет везде по ущельям, следов похитителя ищет,
Чтобы на путь набрести. И берет его ярая злоба.*

Ахиллес охвачен горестными рыданиями. Гомер дает ему способ справиться с этими ошеломляющими и невыносимыми чувствами, превращая его в разъяренного зверя. В интерпретации, которая рассматривает диспозиционный вариант как способ облегчения страданий, появляется попытка регулирования аффекта, чтобы обуздать приливную волну эмоций: угрожающее родиться горе превращается в жгучую, кровожадную, слепую ярость отца-животного. В этот момент Ахиллесом движет необузданная, не признающая снисхождения месть убийце его «сына».

В другом же отрывке, который следует за смертью Патрокла, отцовское чувство Ахиллеса принимает человеческую форму: он воображает себя отцом, который сталкивается со смертью своего сына в день его свадьбы:

*И ночь напролет Ахиллес быстроногий,
Из золотого кратера двуручного черная чашей,
Землю вином поливал, и земля от вина увлажнялась.
Звал при этом душу он Патрокла друга.
Как горюет над сыном отец, его кости сжигая, –
Тяжкое горе принеся родителям смертью до брака,
Так над другом Пелид горевал, его кости сжигая.
Медленным шагом, глубоко вздыхая, костер обходил он.*

Этот спектр различных форм Я: от жертвы старшего отца/брата, до того, кто любит и уважает другого сиблинга, до воображаемого защитника этого сиблинга в человеческих и звериных формах, демонстрирует постоянно меняющиеся роли Ахиллеса в нарративах и Я-структурах.

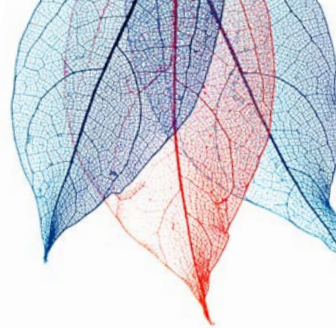
Это потрясающая творческая способность погружаться в полностью ощущаемый опыт других, проницаемость границы между собой и другими, которая пробуждает сочувствие и заботу с помощью создания фантазии. Может быть, эта способность была подпитана (не обязательно порождена) его положением единственного ребенка, несмотря на присутствие Патрокла в его жизни? Патрокл был братом, но все же совсем не братом. Если оставить в стороне идею о диспозиции и изобретательной творческой способности, наблюдаем ли мы что-то, что Ахиллес переживает как единственный ребенок?

КУЛЬМИНАЦИЯ: ВСТРЕЧА АХИЛЛА С ПРИАМОМ

Взаимоперетекающие воплощения Ахиллеса в образах сына, отца и брата проявляются ближе к концу поэмы после его судьбоносной встречи с отцом Гектора. Сопровождаемый Гермесом, Приам пробрался в лагерь греков, чтобы попросить Ахилла вернуть ему тело сына.

С захватывающей остротой Приам представляет себе образ отца Ахиллеса, Пелея, одинокого, напуганного неподвластными ему силами, цепляющегося за иллюзию, что его единственный сын вернется к нему домой. Затем он возвращается к своим собственным чувствам:

*О, я — несчастный, несчастный! Родил я сынов превосходных
В Трое широкой, — из них мне, увы, никого не осталось!*

Приам проводит четкое различие между Пелеем и самим собой: Пелеем — отцом, чей сын жив и сидит перед ним, и им самим — отцом, который потерял своих сыновей — последнего от руки Ахиллеса. Затем следует то, что может быть самым трогательным моментом всей поэмы: Приам делает немислимый жест:

*Сжался, Пелид, надо мною, яви уваженье к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!
Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!*

Приам просит Ахиллеса видеть его отдельно, «каким он есть»; и все же, как это ни парадоксально, в то же время настаивает на том, чтобы тот «вспомнил своего собственного отца».

*Плакать тогда об отце захотелось Пелееву сыну.
За руку взяв, от себя старика отодвинул он тихо.
Плакали оба они. Припавши к ногам Ахиллеса,
Плакал о сыне Приам, о Гекторе мужеубийце.
Плакал Пелид об отце о своем, и еще о Патрокле.
Стоны обоих и плач по всему разносились дому.*

Действительно, в той же мере как Ахиллес видит старика по-своему, он чувствует такую же настоятельную потребность «мягко отодвинуть его» с переднего плана своего сознания. Он должен уступить место переживанию «нахлынувших воспоминаний», которое теперь занимает центральное место в этой психической драме. Необыкновенные картины, которые рисует Гомер, содержат ясные образы отца, сына, любимого друга-приемного брата, они переполняют его глубокой скорбью, поскольку преобладают в воображении Ахиллеса. Детско-родительский аспект перекрывается и переплетается с сиблинговым, когда он и Приам «уступают горю» и переживают свободное падение в глубокий колодец утраты.

Одновременно с этим на другом уровне Ахиллес, кажется, приписывает голос своего доброжелательного отца страдающему Приаму, который умоляет Ахиллеса отдать тело его мертвого ребенка, чтобы он мог дать ему последнее пристанище. Еще больше открываясь новым неожиданным возможностям посмотреть глазами Приама, Ахиллес достигает удивительного прозрения, осознавая, что стал виновником ужасных страданий и невыносимого горя старика. Сначала он говорит о невзгодах своего собственного отца:

*Но и ему приложил злополучие бог: не имеет
В доме своем он потомков, кто был бы наследником царства.
Сын у него лишь один, краткожизненный; даже и нынче
Старости я не покою его. Далеко от отчизны
Здесь я сжужу, и тебя и твоих сыновей огорчая.*

А затем старается утешить отца, оставшегося без сына, и советует:

*«Так овладей же собой, без конца не круши себя скорбью.
Пользы немного тебе от печали по сыне убитом.
Мертвый не встанет; скорей тебя новое горе постигнет».*

Почти сразу же Ахилл вспоминает о растерзанном трупe Гектора и желает, чтобы с ним обращались достойно, он хочет избежать того, чего опасается: гневной реакции Приама и собственной склонности реагировать яростью. Изначальная способность Ахиллеса понимать другого приводит к еще большей глубине заботы о другом, а также к осознанию своей собственной уязвимости — предрасположенности к смертоносному нападению на другого. В соответствии с наставлениями Сократа³ он «знает себя»: он привносит в этот момент острое самоосознание, которое поощряет и защищает его желание исцелить и загладить свою вину.

*Он же, позвавши рабынь, повелел им обмыть и умастить
Гектора тело, но прочь отнеся, чтоб Приам не увидел.
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына увидев, а сам он внезапно в ответ не вскипел бы
И не убил бы его, приказанье нарушивши Зевса.*

Это похоже на то, как если бы щедрое сердце Пелея, приютившего бездомного ребенка, возродилось бы в тот миг, когда Ахиллес предоставил себя в качестве пристанища, пусть и ненадолго, старику, потерявшему так много.

Внезапно Ахиллеса застает врасплох старое чувство, которое противоречит его новообретенному росту. Когда он поднимает тело Гектора на руки и кладет его на носилки, он представляет себе возможность того, что Патрокл может разозлиться из-за сострадания к отцу своего убийцы.

*Не обижайся, Патрокл, если даже и в доме Аида
Ты вдруг узнаешь, что я многосветлого Гектора тело
Отдал отцу: не ничтожными он заплатил мне дарами.
Долю достойную я и тебе из них выделю в жертву!*

Ахиллес отвечает этому восставшему призраку со зрелостью, которая не подчинится древним узам сиблинговой связи, настаивающим на собственничестве и запрете на существование вторгающихся иных. Он разрушает ошибочное детское убеждение, что любовь конечна и подчинена законам материального мира: любви достаточно, чтобы окружить Приама так же, как и Патрокла, даже в смерти. Как читатели, мы стали свидетелями строительства моста эмпатии: Ахиллес сам протянул его.

Эту перемену можно интерпретировать как *трансформационную*, в которой Ахиллес перешел в новую иерархическую организацию, которая поддерживает новые способности к объектным отношениям. Как говорилось ранее, более сложные психические процессы, необходимые для достижения зрелости, и возросшая способность отказываться от нарциссического и кровожадного мировоззрения поднимают личность до новой

3 Сократ придавал особое значение фразе «Познай самого себя», начертанной на стене дельфийского храма Аполлона, что неоднократно отражено в диалогах Платона. (прим. ред.)

Ахиллес перешел в новую иерархическую организацию, которая поддерживает новые способности к объектным отношениям.

Изменение в Ахиллесе быть результатом высвобождения подавленной или заглушенной склонности к заботе о других? Мог ли контакт с Приамом создать возможность для пересборки в области чувств и способов установления связи с другим, которая в дальнейшем привела к непредвиденным результатам? То, что произошло с Ахиллесом, можно было бы описать как трансформацию, которая произошла не в результате введения нового иерархического порядка, а скорее, как новый способ интеграции качеств, которые до этого момента не осознавались.

Этот опыт раскрыл потенциал, который был неотъемлемой чертой личности Ахиллеса, о чем свидетельствуют его фантазии в начале повествования. Такой потенциал можно было бы классифицировать как врожденный, принимая в расчет восприимчивость к чувствам других. Возможно, именно способность Ахиллеса к саморефлексии, даже в экстремальных ситуациях, позволила ему защитить Приама от собственного импульсивного желания наброситься на него.

Можно сформулировать окончательную точку зрения. Несмотря на фаллоцентрический уклон в психоаналитической теории, мальчики обладают способностью к сопереживанию и заботе о других, которые могут быть упущены из виду социальными установками (Balsam, 2008). Демонстрирует ли эта история ограниченность таких фаллоцентрических взглядов на отношения сиблингов, в которых обычно воинственный спектр рассматривается как преобладающий? Создало ли сближение Приама и Ахиллеса благоприятные условия для того, чтобы ранимость, воспоминания и эмоции, которые были пробуждены в этой заключительной интерлюдии, позволили расцвести глубоко прочувствованной эмпатической реакции Ахиллеса, которая традиционно воспринимается как воплощение женских свойств? Психологическое путешествие, которое Ахиллес совершает в этой поэме, открывает путь к восприятию метафор риторических приемов, основанных на гендерной принадлежности. Это путешествие также охватывает способы, с помощью которых мужчина имел дело с конфликтом: и те из них, которые были построены на ненависти, и те, которые были построены на любви.

ОБСУЖДЕНИЕ

По мере того, как Ахиллес развивает свою историю в «Илиаде», он экспериментирует со все более сложными теориями разума, которые позволяют ему сопереживать другим (Aragno, 2008; Fonagy and Target, 2007; Gergely and Watson, 1996). Фантазирует ли Ахиллес о том, чтобы

психологической организации, в которой способность отдавать приобретает новый смысл и ценится сама по себе. Как следствие, связь с другими людьми и более широким окружением становится частью новой, воссозданной личной системы ценностей.

С другой стороны, можно было бы выдвинуть иное предположение, все же связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

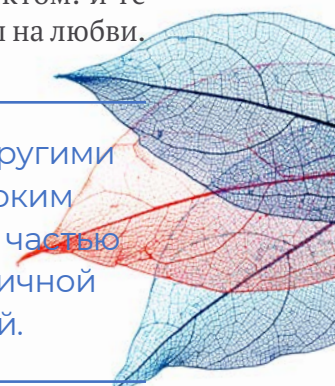
связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

связанное с предыдущими. Может ли изменение

Как следствие, связь с другими людьми и более широким окружением становится частью новой, воссозданной личной системы ценностей.

быть отцом-львом на охоте, стремящимся отомстить за убийство своих детенышей, или обычной человеческой матерью, которая мечется между исполнением своих желаний и потребностью утешить страдающего ребенка, мы можем предположить, что эти образы возникли из вытесненных ранее установок и характерных особенностей, которые и стали составляющими того, что сделало возможным пересборку Я.

В целом, можно сказать, что эти сюжетные линии, составляющие часть психической структуры Ахиллеса до его трансформирующего диалога с Приамом, являются нераспустившимися бутонами трансформационных изменений, которые не расцвели и не приобрели новую форму до самого завершения поэмы. Даже диспозиционная склонность Ахиллеса к нарциссическому пренебрежению могла создавать почву для его исключительной чувствительности к чужим ранам, чужим страданиям. Это достижение также способствует освобождению его от фаллоцентрического мышления, выражавшегося в вызывающем поведении, неповиновении и насилии. Свежесть и прорывная креативность заключительной части поэмы, которая включает в себя традиционно присущие женщинам черты заботы, способности контейнировать и устанавливать связи, разрывает гендерные коды, обычно ассоциирующиеся с сильным мужским идеалом.

Способность Ахиллеса воспринимать отца/старшего брата Приама по-новому гуманизирует его и приводит в лоно сообщества и связывает с другими. То, что происходит в ходе поэмы Гомера, — это формирование структур, которые достигают кульминации в «новых формах» (Митчелл, 2003), и возникают в процессе преобразования одного в другое. Диспозиционные и конституциональные аспекты, которые включают заботу о других и готовность к сотрудничеству, а также достаточную гибкость Я и прочих границ, будут способствовать этому росту. Таким образом, они укрепляют социальные связи и социокультурные контакты, которые формируют мир других людей.

Именно неудачи в ожидаемых дискретных изменениях на пути развития в полной мере демонстрируют маскулинно-ориентированные диспозиционные варианты и склонности характера. Они постоянно давят на индивида в ходе его движения во взрослую жизнь, они могут нарушать развитие здоровых и заботливых отношений, которые зарождаются внутри семейной семьи между родителями и детьми, между братьями и сестрами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Abrams, S. (2001). Summation—unrealized possibilities: Comments on Anna Freud's *Normality and Pathology in Childhood*. *Psychoanalytic Study of the Child*. 56:105–119.
2. Abrams, S., and Neubauer, P. B. (1976). Object orientedness: The person or the thing. *Psychoanalytic Quarterly* 45:73–99.
3. Abrams, S., and Solnit, A. (1998). Coordinating developmental and psychoanalytic processes. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 46:85–104.
4. Aragno, A. (2008). The language of empathy. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 56:713–740.
5. Balsam, R. (2008). Fathers and the bodily care of their infant daughters. *Psychoanalytic Inquiry* 28:60–75.
6. Fonagy, P., and M. Target (2007). Playing with reality: IV. A theory of external reality rooted in intersubjectivity. *International Journal of Psychoanalysis*. 81:917–37.

7. Freud, A. (1965). Normality and pathology in childhood: Assessments of development. In *The Writings of Anna Freud*, vol. 6. New York: International Universities Press.
8. Freud, A. (1974). A psychoanalytic view of developmental psychopathology. In *The Writings of Anna Freud*, vol. 8, pp. 57–74. New York: International Universities Press.
9. Freud, A.. (1976). Psychopathology seen against the background of normal development. In *The Writings of Anna Freud*, vol. 8, pp. 82–95. New York: International Universities Press.
10. Gergely, G. and Watson (1996). The social biofeedback model of parental affect-mirroring. *International Journal of Psychoanalysis* 77:1181–1212.
11. Hartmann, H., and Kris, E. (1945). The genetic approach to psychoanalysis. *Psychoanalysis of the Child* 1:11–30.
12. Homer (1990). *The Iliad*. Translated by Robert Fagles. New York: Penguin Books.
13. Mitchell, J. (2003). *Siblings*. Cambridge, UK: Polity Press.
14. Neubauer, P. (1984). Anna Freud's concept of developmental lines. *Psychoanalytic Study of the Child* 39:15–27.

АНОНСЫ

Теоретическая подготовка — константная часть психоаналитического тренинга практикующего специалиста. Пополнение своей библиотеки, освоение новой информации на семинарах, конференциях, обучающих программах, посвящённых классическим и современным подходам психоаналитического лечения — процесс длиною в жизнь. Рубрика «Анонсы» поможет Вам в этом процессе.

Основная цель рубрики: распространение информации, способствующей повышению квалификации и профессиональному развитию членов сообщества; налаживание коммуникаций в сообществе, в том числе посредством активного участия членов сообщества в мероприятиях, организованных различными региональными отделениями ЕАРПП.

Навигатор событий — список предстоящих мероприятий в области психоанализа: конференции, семинары, обучающие программы, круглые столы, клинические субботы и др., планируемых в ЕАРПП, так и другими психоаналитическими сообществами. Навигатор включает краткие сведения о дате, времени и месте их проведения, ссылки на электронную страницу, иногда адрес электронной почты организаторов мероприятия, обратившись по которому Вы сможете узнать более подробную информацию.

Навигатор событий

Дата	Город	Тема	Формат, оплата	Подробная информация, регистрация
Январь-июнь	Санкт-Петербург	СПОЛ (Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория) — еженедельный бесплатный проект для пси-сообщества. Каждый четверг с 19:00 до 20:30 московского времени	Онлайн, участие бесплатное	https://spol.su/ или спол.рф, https://www.facebook.com/groups/628838404619696
Январь-июнь	Санкт-Петербург	«ДИСК» Демовизиум — исследовательски-супервизионный онлайн-курс	Онлайн, участие платное	Организатор — Образовательный центр «Психотерапия», +7911277769, https://psy.education/
22 января	Москва	Клиническая суббота Тема: подготовка к X Межрегиональной Психоаналитической Конференции. «Сексуальное» — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе»	Онлайн, участие бесплатное	https://ecpp-moscow.ru/events/klinicheskie-subbotyi/ РО г. Москва ЕАРПП Facebook
4-6 февраля	Екатеринбург	Международная научно-практическая конференция по психоанализу XIV Зимняя школа ЕАРПП «Нарциссизм»	Очно и онлайн, участие платное	Условия участия и регистрация участников на сайте Конференции: https://school-earpp.ru Группы Конференции в соцсетях: ВК — https://vk.com/wpsych_ekb ФБ — https://www.facebook.com/wpsych.ekb/
5 февраля	Харьковское психоаналитическое общество	Онлайн-семинар Джона Стайнера и Хайнца Вайса по теме «Репарация»	Онлайн, участие платное	https://www.facebook.com/psychoanalystromanov/
10 февраля, далее в течение 11 четвергов	Санкт-Петербург	Программа КПОТ: «Клинический психоанализ онлайн. Теория»	Онлайн, участие платное	ШкаФ «Школа клинического анализа Федорова» https://www.skafyan.com/announcements
19 февраля	Москва	Клиническая суббота Тема: подготовка к X Межрегиональной Психоаналитической Конференции. «Сексуальное» — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе»	Онлайн, участие бесплатное	https://ecpp-moscow.ru/events/klinicheskie-subbotyi/ РО г. Москва ЕАРПП Facebook

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

НАЧАЛО В СЕНТЯБРЕ

2022

ВОЗМОЖНО
УЧАСТИЕ
ON-LINE

программа
дополнительного
образования

РО ЕАРПП
ЕКАТЕРИНБУРГ

ЕАРПП

Национальное отделение
ECPFP (Vienna, Austria)

Решением КСИА ЕАРПП
от 03.09.2021
утверждена программа
доп.образования
«Теория и практика
семейной психотерапии»,
72 акад. часа

ИНФОРМАЦИЯ НА САЙТЕ ПРОГРАММЫ
olgaskonina.ru

Дата	Город	Тема	Формат, оплата	Подробная информация, регистрация
19-20 февраля	Ярославль	Конференция «Что сказал бы Фрейд? Символика тела в психоанализе»	Очно и онлайн, участие платное	Тел.8(902)334-27-19 Страница ФБ - https://www.facebook.com Психоаналитическая конференция «Что сказал бы Фрейд?»
19 или 26 февраля	Санкт-Петербург	III психоаналитическая конференция Российской Психотерапевтической Ассоциации «Многообразие психоаналитических идентичностей»	Онлайн, участие бесплатное	Организатор Секция клинического анализа РПА. https://rpa-russia.ru/
26-27 февраля	Санкт-Петербург	«Супердинамика полимодальности». Курс интенсивной работы в группах со сменой ведущих (Мария Соловейчик, Сергей Бабин, Ян Фёдоров)	Очно, участие платное	Организатор Образовательный центр «Психотерапия», +7911277769, https://psy.education/
5 марта	Санкт-Петербург	Семинар «Современный психоанализ Х. Спотница в работе с пациентами шизофренического спектра»	Онлайн, участие платное	Организатор Образовательный центр «Психотерапия», +7911277769, https://psy.education/
26 марта	Москва	V Кляйнианские чтения	Очно, участие платное	РО г. Москва ЕАРПП Facebook
16 апреля	Санкт-Петербург	11-я научно-практическая конференция «Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги»	Очно, возможно платное участие	Следите за новостями на сайтах и страницах в соц.сетях: МОО ЕАРПП, Российская Психотерапевтическая Ассоциация, секция клинического психоанализа, Общество Интегративного Психоанализа, СПб ГБУЗ «Больница им. П.П. Кашенко», Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория («СПОЛ»), Школа клинического анализа Федорова («ШкаФ»)
16–17 апреля	Москва	Открытые Семинары № 5, №6 ДО ЕАРПП Ховарда Левина (США, Бостон) Тема: «Фрейдовский психоанализ для 21 века: аффект, репрезентация, конструкция и значение»	Онлайн, участие платное	https://ecpp-moscow.ru/ РО г. Москва ЕАРПП Facebook

Цикл онлайн семинаров

ЗАВИСТЬ, ОБИДА, РЕВНОСТЬ СТЫД И ВИНА

38
часов

ПО СУББОТАМ
19.02-2.04. 22

ПСИХОАНАЛИЗ
СТРАСТЕЙ

ОТКРЫТА РЕГИСТРАЦИЯ
+7 8-927-710-48-01
(Viber, WhatsApp)

Ирина Исангулова

ГАЛИНА ГРИДАЕВА

Три пола психоаналитика

авторский семинар
ГАЛИНЫ ГРИДАЕВОЙ

8 января 2022
10.00-16.30 мск
ZOOM

Семинар сертифицирован КСиа ЕАРПП
сертификат участника,
регистрация +7 927-710-4801

Дата	Город	Тема	Формат, оплата	Подробная информация, регистрация
30 апреля – 1 мая	Москва	Открытые Семинары № 7, №8 ДО ЕАРПП Ховарда Левина (США, Бостон) Тема: «Фрейдский психо- анализ для 21 века: аффект, репрезентация, конструкция и значение»	Онлайн, уча- стие платное	https://ecpp-moscow.ru/ РО г. Москва ЕАРПП Facebook
Постоянный набор	Москва	Программа переподготов- ки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Теория группового и инди- видуального психоанализа»	Онлайн/ очно	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line-teory/ teoriya-i-praktika- gruppovogo-i- individualnogo- psikhoanaliza99201313/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготов- ки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Теория групп-анализа»	Онлайн	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line-teory/ teoriya-grupp-analiza-i- gruppovoy-psikhoterapii/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготов- ки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Семейное консультирова- ние»	Онлайн	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line- teory/semeynoe- konsultirovanie91322919/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготов- ки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Психоанализ в бизнесе»	Онлайн	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line-teory/ psikhodinamicheskiy- kouching/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготов- ки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Групп-анализ практика, 1 уровень»	Онлайн/ очно (старт очной груп- пы осенью)	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line/grupp- analiz-praktika-1-uroven- psikhoterapevticheskaya- i-obuchayushchaya- gruppa3536/
Постоянный набор	Москва	Программа повышения ква- лификации Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Сексология и сек- сопатология. Сексуальность, любовь и эротизм в совре- менном мире.»	Онлайн	https://www.group- analysis.ru/school/ treningi/on-line- teory/seksologiya- i-seksopatologiya- seksualnost-lyubov-i- erotizm-v-sovremennom- mire49245914/

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ГРУППОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОНЛАЙН КУРС «СЕКСОЛОГИЯ И СЕКСОПАТОЛОГИЯ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Программа сочетает в себе теоретические основы сексологии и сексопатологии и практические блоки, обучающие работе с сексуальностью клиента, что позволяет специалистам обрести реальные знания о том, как прорабатывать эту тему в терапии со своими клиентами.

Программа аккредитована в ЕАРПП \ МШГА.
По окончании выдается диплом о профессиональной переподготовке Московского Института Психоанализа или сертификат Международной Школы Группового Психоанализа (EARPP, EGATIN, COIRAG).

270 ЧАСОВ = 192 АУДИТОРНЫХ ЧАСА + 78 ЧАСОВ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (ОСВОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ,
НАПИСАНИЕ ДОКЛАДОВ И Т.Д.)

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6040138-9-2

9 785604 013892